

3

РУССКАЯ
РЕЧЬ 1982

МАЙ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ИЮНЬ

В НОМЕРЕ:

Страницы истории современности (О книге Л. И. Брежневца «Воспоминания») 3

К 70-летию газеты «Правда»

Л. И. Скворцов, В. И. Ленин и «Правда» 8

Л. И. Житенева. Первый номер рабочей «Правды» 16

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

С. А. Баруздин. Верность теме 23

К 60-летию образования СССР

Русский язык — это живительный родник (Говорят писатели Средней Азии) 26

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 170-летию со дня рождения

Т. С. Дорофеева. Особенный слог И. А. Гончарова 32

В. В. Одинцов. Союз «когда» в лирической композиции Пушкина 39

О. И. Меншуткина. Идеино-художественное осмысление некоторых повторов в романе Достоевского «Преступление и наказание» 47

К 90-летию К. Г. Паустовского

Е. Н. Этерлей. Золотой отблеск 52

Из дневника писателя

П. П. Дудочкин. В чем сила слова? 59

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. А. Будагов. Культура языка — наша общая большая забота 61

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Т. С. Коготкова. О своеязычных терминах 66

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ	
И. А. Василевская. Словарь Николая Яновского	70
Н. Н. Сидорова. «Болтин первый сказал...»	76
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ	
Александр Николаевич Гвоздев (1892—1959)	81
СРЕДИ КНИГ	
<i>В. В. Виноградов. Проблемы русской стилистики</i>	84
<i>Л. А. Введенская, Н. П. Колесников. От собственных имен к нарицательным</i>	86
Русский язык: предмет изучения и средство воспитания	88
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	
А. Ш. Ханкишиева. От шамхалов до наших дней	90
РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Г. В. Донченко. Русский язык в Мали	95
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ	
А. А. Пауткин. Изображение князя-воина в Галицкой летописи	98
О. В. Прискока. «А Неву раскопати повелел...»	103
ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА	
В. М. Мокиенко. На чем свет стоит	107
Ю. И. Юдин. Слово и образ	112
РУССКИЕ ГОВОРЫ	
Т. В. Горячева. Времена года. Пролетье	117
НА КАРТЕ РОДИНЫ	
И. Г. Добродомов. Урал	122
М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. Юрьев-Польский и Гусь-Хрустальный	126
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	
Е. Н. Черней, Л. К. Ширева. Цветы вокруг нас	131
С. В. Редькин. Эти древние и всегда юные имена	137
В. Н. Сергеев. Пальма первенства	140
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
Партизан; Триста грамм или триста граммов? Почему не отрицает? Грампластинка — пластинка — диск; Виндсёрфинг и дзюдо; Ловись, рыбка...	144
Анкета читателя	156

На обложке рисунок Б. Захарова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

О книге Л. И. Брежнева
«Воспоминания»

■

Большим событием в жизни нашего общества явился выход в свет трилогии Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина» и новой книги «Воспоминания». Быстро и прочно вошли они в духовный мир советских людей, приобрели миллионы заинтересованных и благодарных читателей в различных уголках земного шара. Секрет успеха и популярности этих книг состоит в том, что они знакомят с важнейшими этапами жизни Советской страны, рассказывают о великом трудовом и ратном подвиге нашего народа, строителя новой жизни. Особенностью их является то, что написаны они непосредственным участником событий, человеком огромного политического, жизненного и нравственного опыта, умеющим ярко обобщать этот опыт и передавать его людям, новым поколениям борцов за коммунизм. В своей речи при получении Ленинской премии за трилогию «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» Леонид

Ильич Брежнев подчеркнул: «Меньше всего мне хотелось бы, чтобы книги „Малая земля“, „Возрождение“, „Целина“ воспринимались как мемуарные сочинения. Работая над своими записками, думал я не о себе — и даже, пожалуй, не столько о прошлом, сколько о том, чем опыт прошлого может быть полезен людям сегодня».

Книга «Воспоминания» («Жизнь по заводскому гудку», «Чувство Родины»), предваряя по своему содержанию трилогию Л. И. Брежнева, органически связана с ней. Родина и Труд — две важнейшие темы «Воспоминаний». В книге говорится о коллективизации и индустриализации, о студенческой жизни, о военной службе, советской и партийной работе в предвоенные годы. Выходя далеко за пределы личной судьбы ее автора, книга «Воспоминания» — это биография нашей страны в довоенный период.

В повествование о прошедших годах органично включены раздумья о высоком историческом призвании рабочего класса и его революционном подвиге под руководством ленинской партии, мысли о сегодняшнем и завтрашнем дне. Со страниц книги встают перед читателями образы старых большевиков-ленинцев И. В. Бабушкина, Г. И. Петровского, Н. Е. Вилонова (Михаила Заводского), М. И. Арсеничева и других; учителя-историка Ковалевича, ученых-металлургов И. П. Бардина и М. А. Павлова, командира Советской Армии В. А. Копцова, многих советских и партийных работников. Каждый из них оставил свой след в душе бывшего рабочего паренька, затем геодезиста-землеустроителя, курсанта бронетанковой школы, студента, инженера, советского и партийного деятеля. Живой пример, духовный облик старших поколений большевиков отразились в ярком пути Л. И. Брежнева от рабочего-металлурга до главы Советского государства и руководителя нашей Коммунистической партии.

В главе «Жизнь по заводскому гудку» рассказывается о нелегком детстве в дореволюционном рабочем поселке Каменском над Днепром, о раннем понимании социального неравенства, о большой и дружной рабо-

тящей семье Брежневых, ее происхождении. Леонид Ильич пишет об этом так: «Родословных рабочие семьи, как известно, не вели. Знаю, что отец, Илья Яковлевич Брежнев, поступил на завод в 1900 году. Он пришел сюда из Курской губернии, из деревни Брежнево Стрелецкого уезда. Название деревни, как и фамилия наша, происходило, надо полагать, от прибрежного ее положения, а возможно, и от понятий „беречь“, „оберегать“, что вполне согласуется с крестьянским бережным отношением к земле-кормилице. Землю ценили, защищали, берегли, веками поливали ее и потом и кровью. Но веками же бедность не покидала людей, иначе не пришлось бы отцу уходить на заработки из родных мест».

Семья—первая школа гражданского воспитания, и этому посвящены согретые авторским теплом проникновенные строки «Воспоминаний». Родина и родители, родные—это одно неразрывное целое и святое понятие для каждого человека. Ведь именно в семье, пишет Л. И. Брежнев, «лежат истоки характера человека, его отношения к жизни».

Высокое чувство Родины—это отнюдь не привилегия и не какой-то дар, а большая повседневная работа и ощущение личной ответственности за судьбы страны. Книга Л. И. Брежнева «Воспоминания», как и другие его книги, учит беззаветной любви к Советской Отчизне, воспитывает гордость за дела и подвиги человека труда. Она учит патриотизму и интернационализму. «Чувство Родины,—пишет Леонид Ильич,—у каждого из нас начинается с памяти детства, со своего дома, своей улицы, своего города или села. И вместе с тем живо в нас ощущение большой, великой Родины, которая в дни опасностей и больших испытаний вся от края и до края становится вдруг до боли близка и дорога».

В главе «Чувство Родины» книги «Воспоминания» глубоко вскрываются идейные и духовные начала жизни советского общества, говорится о значении идеологической работы, которая была и остается одной из первоочередных забот Коммунистической партии.

Строительство коммунизма невозможно без соот-

ветствующей материально-технической базы, но в неменьшей степени оно невозможно без всестороннего развития самого человека, повышения его культуры, общественной сознательности. «Опасно,— подчеркивает Л. И. Брежнев,— даже на время, даже на отдельных участках забывать об идейном начале в государственной и общественной жизни, мириться с идейными ошибками. На первый взгляд они бывают не так заметны, как, скажем, ошибки технические. Если неверно спроектирован какой-то агрегат, то он не даст ожидаемой мощности или вовсе не будет работать — это сразу видно, понесенный убыток просто подсчитать. А ошибка в идеологии, как правило, скрыта, закамуфлирована одеждами из красивых слов, но тем более чревата последствиями, ибо она скажется непременно и принесет гигантский вред, если ее вовремя не исправить».

Огромное значение для идеологического, духовного воспитания в современных условиях имеет опыт партийной пропагандистской работы, которым Л. И. Брежнев щедро делится в своих воспоминаниях. «Советские люди,— пишет он,— одобряют политику партии, поддерживают ее. И тем не менее мы всегда уделяли и уделяем большое внимание идеологической работе. Главное оружие в этой работе — правда. И об успехах и о недочетах, мы считаем, необходимо говорить честно». Это положение подтверждается всей деятельностью нашей партии, ее историей.

Партийная пропаганда должна быть конкретной и целенаправленной, имеющей точный адрес, связанной с жизненными потребностями трудящихся масс, практикой коммунистического строительства. Она должна быть творческой, не формальной. В этом ее сила и действенность. «Нет ничего бесплоднее,— отмечает Леонид Ильич,— чем пропаганда без адреса, оторванная от интересов аудитории, от потребностей дня. Если оратор уходит от ответов на острые вопросы, то он внушает людям недоверие... Формализм в этом деле противопоказан, обязательно нужен творческий подход. Хочу подчеркнуть: не в ловких ораторских приемах, на которые горазды буржуазные политики, не в рассчитанном пафосе и не в силе голосовых связей секрет успеха. В. И. Ленин, как известно, не обладал громким голосом,

а ведь его слышали все. Вся страна, все человечество. Слышали потому, что слушали. А слушали потому, что в речах его были идеи и мысли, близкие массам...»

Опыт непосредственного участника событий передан в книге «Воспоминания» в живой и доверительной манере, искренно и задушевно. За лапидарностью строк мы постоянно ощущаем дыхание Времени, учимся понимать его, верно оценивать, делать выводы. В статье «Революционные дни», написанной в 1905 году, Владимир Ильич Ленин сформулировал главную задачу партийной публицистики в следующих словах: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения...»

«Писать историю современности» — этот ленинский призыв и наказ, вместе с трилогией Л. И. Брежнева, выполняет и его книга «Воспоминания». В ней автор выступает как яркий публицист, исследователь и историк современности, верный сын партии и народа. «Чтобы хорошо понимать и ценить нынешнее, — говорится в книге, — человек должен в истинном свете видеть минувшее». Внимательно вчитываясь в страницы «Воспоминаний», мы постигаем этапы замечательного пути — пути становления коммуниста-борца, крепко связавшего свою судьбу с судьбой родной страны.

«Важнейшие вехи в советской истории нашей страны — это и вехи Вашей биографии. Коллективизация, индустриализация, создание основ социализма — во всех этих великих, неслыханных по новизне делах есть доля труда коммуниста ленинской школы Леонида Ильича Брежнева», — говорится в приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Леониду Ильичу Брежневу к 75-летию со дня его рождения.

Читая книги Л. И. Брежнева, обращаясь к опыту прошлого, к недавней истории своей страны, советские люди полны решимости умножать свой вклад в осуществление исторических решений XXVI съезда КПСС, в укрепление и сохранение мира на земле.

К 70-летию газеты «Правда»

В. И. ЛЕНИН И «ПРАВДА»

Вся история большевистской газеты «Правды» неразрывно связана с именем В. И. Ленина, с историей КПСС. Страницы «Правды» — это летопись героической борьбы народа и партии за победу Октября, за социалистическое преобразование нашей страны. «Правда» возникла как рабочая газета, орган революционного пролетариата. В статье «Итоги полугодовой работы» В. И. Ленин писал: «Поставив ежедневную рабочую газету, петербургские рабочие совершили крупное, — без преувеличения можно сказать, историческое дело... создание „Правды“ остается выдающимся доказательством сознательности, энергии и сплоченности русских рабочих».

С первых дней своего существования газета была тесно связана с рабочими массами. Только за второй год существования «Правда» получила 11 114 рабочих корреспонденций. В ее фонд поступило 21 584 рубля, из которых 18 584 — исключительно от рабочих. Авторитет газеты был необычайно велик.

В 1912—1914 годах В. И. Ленин почти ежедневно писал в «Правду». За эти годы на ее страницах опубликовано

около 300 его статей и заметок. В них Владимир Ильич разрабатывал важные вопросы марксистской теории, всесторонне анализировал события внутренней и международной жизни. «Каждая статья Владимира Ильича в „Правде“ — призыв, прямой или косвенный, к организации, к действию», — отмечала Н. К. Крупская. Призыв к объединению вокруг «Правды», призыв к борьбе с оппортунизмом, к забастовкам за повышение заработной платы, к союзу наемных рабочих и разоренных крестьян и т. д. Показательно, что на вопрос об основном занятии при получении визы на жительство в Кракове В. И. Ленин в июне 1912 года ответил так: «Состою корреспондентом русской демократической газеты „Правда“, издаваемой в Петербурге, и русской газеты, издаваемой в Париже под названием „Социал-Демократ“».

Труден был путь «Правды» в дореволюционное время: 8 раз ее закрывали, и она вынуждена была выходить под другими названиями: «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда» и др. Февральская революция 1917 года свергла власть царизма. Партия большевиков вышла из подполья. 5 марта возобновилось издание газеты «Правда».

1917 год особенно замечателен в истории «Правды». Возвратившись из эмиграции на родину, В. И. Ленин непосредственно руководил газетой. Он был ее главным редактором и идейным вдохновителем, основным публицистом. За весну — лето 1917 года в «Правде» было опубликовано более 200 ленинских статей, выступлений и других документов, в том числе — знаменитые «Апрельские тезисы», определившие курс партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. М. И. Ульянова, вспоминая об этом времени, пишет: «Это был один из наиболее блестящих периодов „Правды“. Определенность, четкость позиции, блестящие статьи наших лучших литераторов, в которых они откликались немедленно на все злободневные вопросы, делали ее крайне интересной. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что никогда ни одну газету не читали с таким захватывающим интересом, как маленькую нашу „Правду“ апреля—июля 1917 года». После июльских событий 1917 года издание «Правды» было запрещено, редакция и типография разгромлены.

После победы Октября В. И. Ленин, будучи главой Советского правительства, по-прежнему повседневно руководил «Правдой», всем развитием печати Советской страны. В специальной статье, посвященной десятилетию «Правды» (май 1922 г.), Владимир Ильич писал:

«Десятилетний юбилей ежедневной легальной большевистской „Правды“ показывает нам наглядно одну из вех великого ускорения величайшей мировой революции...

Когда основывалась старая „Искра“, в 1900 году, в этом участвовал какой-нибудь десяток революционеров. Когда возникла большевиам, в этом участвовало, на нелегальных съездах Брюсселя и Лондона в 1903 году, десятка четыре революционеров.

В 1912—1913 годах, когда возникла легальная большевистская „Правда“, за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих...». В конце октября и в ноябре 1917 года за большевиков было *«большинство пролетариата и сознательного крестьянства...»* (Полн. собр. соч. Т. 45, с. 174—175).

В другой статье — «Нечто об итогах и фактах», написанной в апреле 1918 года, В. И. Ленин говорит о том, что «для марксиста и для последовательного демократа газета важна, как орган *просвещения и сплочения* действительно передовых классов». Укреплению живых и постоянных связей газеты с трудящимися массами Владимир Ильич придавал первостепенное значение. Обращаясь к истории рабочей печати в России, он писал: «Всем известно, что рабочие газеты в России стали возникать, после периода уныния и распада 1908—1910 годов, с 1911 года и окрепли в 1912 году.

Возьмите 1912 год. Прежде всего возникла и упрочилась еженедельная газета „Звезда“, которая стала потом выходить по 2 раза в неделю и подготовила ежедневную „Правду“. „Правда“ возникла благодаря *необычайно сильной* рабочей поддержке в апреле 1912 г. Эта газета сплотила вокруг себя *большинство сознательных рабочих»* (т. 24, с. 99).

В. И. Ленин на деле заботился о живой, органической связи печатных партийных органов с рабочими и крестьянскими массами. В статье 1904 года «Письмо к товарищам (К выходу органа партийного большинства)» он писал: «Это недоразумение, будто именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) сно-

собны с успехом участвовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов — пятьсот и пять тысяч работников не литераторов... Над социал-демократической газетой должны работать все социал-демократы. Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих».

Какие же требования предъявлял Владимир Ильич к языку рабочих корреспондентов? Люди, работавшие вместе с Лениным в редакциях, рассказывают, что он требовал от авторов, во-первых, глубокого знания затрагиваемых вопросов, во-вторых, умения излагать мысли своими словами, своим языком и, в-третьих, оценки событий с позиций рабочего класса и его партии. Именно поэтому рабочие корреспонденции в «Искру» читались и перечитывались неоднократно. Н. К. Крупская вспоминает об этих материалах «с мест», о бережном отношении к их правке Владимира Ильича: «Обычно они писались на том своеобразном языке, которым говорил тогда передовой слой рабочих. В их языке была масса новых слов и терминов, но употреблялись они часто с своеобразными оттенками, часто неправильными, в неправильных сочетаниях. Надо было править эти рабочие корреспонденции. Владимир Ильич очень заботливо относился к этому делу. Он очень заботился, чтобы сохранен был дух, стиль, своеобразие корреспонденции, чтобы они не обесцвечивались, не обинтеллигентчивались чересчур, сохраняли свое лицо».

И в более поздние годы, по свидетельству В. А. Карпинского, Владимир Ильич всегда старался сохранить язык рабочего корреспондента, его манеру изложения. Главное для него в этих материалах — верный подход к вопросу, своеобразие аргументации, правильность по существу, а не по форме: «— Как они умеют просто и хорошо писать! Вот бы нам так научиться! — говаривал Владимир Ильич. — Чем ближе к разговорному языку, тем лучше! Ничего, что автор подошел к вопросу с такой стороны, употребил такие выражения и аргументы, какие нам с вами никогда и в голову не пришли бы. Тем лучше, — лишь бы по существу было правильно!».

Вместе с тем Н. К. Крупская вспоминает, что в своей редакторской работе Владимир Ильич особенное внимание обращал на три момента: выбор темы, ее разработку, ли-

тературную отделку. «Умение оформлять — искусство, — пишет она. — И Владимир Ильич особенно ценил тех членов редакции и сотрудников, которые обладали талантом оформления. Это не только вопрос стиля и языка, но вся манера развития и освещения вопроса. С этой стороны Владимир Ильич особенно ценил Анатолия Васильевича Луначарского...»

С первых шагов сознательного революционера-марксиста В. И. Ленин ставил перед собой цель писать для рабочих, для широких трудящихся масс. В этом видел он важнейшую задачу партийной пропаганды и агитации. «Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих», — писал В. И. Ленин 16 августа 1897 года из сибирской ссылки за границу Ц. Б. Аксельроду. Если же мы обратимся к творчеству В. И. Ленина тех лет, то увидим, что еще в 1895 году им написана брошюра для рабочих «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Осенью того же 1897 года, когда написано приведенное выше письмо, он работает над новой брошюрой для рабочих «Новый фабричный закон». В 1899 году им написаны две брошюры: «О промышленных судах» и «О стачках».

У кого же учился Ленин говорить и писать популярно? Ц. К. Крупская отвечает на этот вопрос так: «Учился у Писарева, которого в свое время много читал, учился у Чернышевского, но больше всего учился у рабочих, с которыми он часами говорил...».

В. И. Ленин всегда разоблачал фальшь, вычурность, напыщенность и пустоту, заумь — типичные черты писаний теоретиков и публицистов мелкобуржуазных партий и оппортунистических течений. В статье 1901 года «О журнале „Свобода“» он писал, что популяризация — это не вульгаризация и не популярничанье. Популярный писатель имеет дело с думающим читателем, наталкивает его на начала серьезной науки, «уча идти дальше самостоятельно». Вульгарный писатель подает все в уродливоупрошенном виде, преподносит «„готовыми“ все выводы известного учения, так что читателю даже и жевать не приходится, а только проглотить эту кашу».

Все, что идет в массы, должно быть, по мнению Владимира Ильича, особенно тщательно просмотрено и популярно, но не вульгарно написано. «Если он видел, — отмечает В. Д. Бонч-Бруевич, — что изложение страдает отсут-

ствием популярности, то всегда спрашивал: „Неужели по-русски вы не можете изложить свои мысли так, чтобы они были действительно доступны всем? Русский язык очень богатый. Если вы этого не делаете, то виноваты вы сами, а не тот язык, на котором вы пишете“... Он терпеть не мог, замечу я кстати, усвоенный у нас газетный язык, который часто был настолько беден, труден, скучен и непонятен, что Владимир Ильич не однажды восклицал при чтении газет: „На каком языке это написано? Тарабарщина какая-то?! Волапюк, а не язык Толстого и Тургенева“».

О важных сторонах ленинского стиля, об отношении В. И. Ленина к излишней «учености», к тяжеловесности изложения писал А. В. Луначарский: «Я бы сказал, что Ленин никогда не стремится привлекать красотой... Кроме того, Ленин хочет быть понятным возможно бóльшим массам... Он не любил, когда тривиально заменялся какой-нибудь иностранный термин, всем понятный, русским термином. Читатель должен был знать, что такое *публицистика*, *социализм* — это можно употреблять не переводя на русский язык. Но каждый раз, когда кто-нибудь употреблял иностранное слово там, где можно было сказать проще, Ленин подтрунивал и говорил: нечего показывать свою ученость, вы пишете не для академиков; подумайте, как вам будет досадно, если 10 хороших рабочих собрались почитать нашу газету и никто не понял ее».

То же стремление к точности мысли, истине и простоте отмечают в работе В. И. Ленина, журналиста, редактора и публициста, другие его соратники. П. Н. Лепешинский об этом говорил так: «Всякий, кому посчастливилось неоднократно слышать устную речь Ильича, легко может констатировать, что он пишет совершенно так же, как говорит. И в том и в другом случае речь его льется бурным потоком, причем автор ни на один момент не останавливает своего внимания на форме, в которую выливается его мысль, никогда не любит своей „красивой фразой“ и никогда не приходит в замешательство от той или иной неправильности оборота... Когда ему приходилось исправлять статьи других авторов, его редакторское перо прогуливалось всегда по тем местам рукописи, которые останавливали его внимание не стилистическими недостатками, а своими дефектами по содержанию: страдали неточностью, невыпукло оттеняли то, чему Ильич придавал особое значение, и т. д.».

Один из важнейших заветов В. И. Ленина-публициста — это страстность партийной пропаганды, бичующий гнев против всего, что вредит делу рабочего класса, делу революции. «Без „гнева“ писать о вредном — значит, скучно писать», — отмечал Владимир Ильич в письме в редакцию газеты «Правда» 1 августа 1912 года. Сказано это было в ответ на упрек т. Витимского (псевдоним М. С. Ольминского) в том, что якобы одной из ленинских статей «вредит гневный тон». И в то же время он не любил эффектной резкости «ради красного словца», предупреждая по этому поводу: «Ради бога, поменьше хлесткости. Спокойнее разбирать доводы и повторять *правду* обстоятельнее, проще. Так и только так обеспечивается победа безусловная» (письмо в редакцию газеты «За правду», 1913 г.).

В. И. Ленин выступал против излишней «агитации», не подходящей к статье по *теоретическому* вопросу» (письмо В. М. Каспарову, июнь 1913 г.), и был непримиримым врагом «революционной фразы» (см. Правда, 1918, 21 февр.), то есть беспочвенных, опьяняющих, увлекательных лозунгов, повторяемых «без учета объективных обстоятельств». Статья «О характере наших газет», опубликованная в «Правде» 20 сентября 1918 года, заканчивалась энергичным ленинским требованием: «Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое».

Владимир Ильич не выпускал из внимания мельчайших деталей редакционно-издательского дела. Какой выбрать шрифт (для экономии газетной площади), как набрать заголовки, сколько сделать колонок и как расположить таблицы в статье (чтобы материал был ярче и доступнее для читателя), как наладить корректуру и исключить возможность ошибок и опечаток? Все эти, казалось бы, мелкие вопросы, занимали В. И. Ленина постоянно и самым серьезным образом. «Владимир Ильич всегда проявлял неослабное внимание ко всем мелочам газетной работы, — отмечает В. А. Карпинский... Ясность, краткость, точность изложения, выразительность и точность заголовков, выбор шрифта, правка корректуры, выход газеты в

срок — всему этому Владимир Ильич придавал огромное значение и лично следил за этим. Ни один „пустяк“ не мог укрыться от его зоркого взгляда».

С именем Ленина связана организация издательского дела в нашей стране. Постановку издательского дела Владимир Ильич считал составной частью культурной революции, политического воспитания трудящихся. Ленин и «Правда» нерасторжимы. Уже после того, как В. И. Ленин ушел из жизни, его слово продолжало звучать со страниц «Правды» как призыв к действию, к борьбе. Так, например, 20 января 1929 года в ней впервые была опубликована ленинская статья «Как организовать соревнование?», законченная в январе 1918 года. Широко известная сейчас заметка В. И. Ленина «Об очистке русского языка (Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)» впервые также была опубликована на страницах «Правды» 3 декабря 1924 года. А всего в ней опубликовано свыше тысячи ленинских статей.

«Газета,— писал В. И. Ленин,— не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, то также и коллективный организатор». Именно по этому типу и строится сейчас партийная печать, у колыбели которой стоял великий Ленин. «Газету никто и никогда не должен упрекнуть в неправде. Слово наше должно быть всегда честно и справедливо». Это высказывание В. И. Ленина в изложении Бонч-Бруевича — и принцип, и завет, и нынешний день нашей партийной печати.

Орган ЦК КПСС, многомиллионная газета «Правда» и сейчас — самая авторитетная среди народа и самая любимая им. Ленинская «Правда» была и остается важнейшей партийной летописью строительства коммунизма, борьбы советского народа за мир на нашей планете.

Л. И. СКВОРЦОВ

Л и т е р а т у р а

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине (в пяти томах). Т. 1. Воспоминания родных. М., 1968.

Ленин — журналист и редактор. М., 1960.

Ленин и «Правда». Изд. 2-е. М., 1967.

Степанов В. В. И. Ленин как журналист и редактор. — Коммунист, 1981, № 1.

ПЕРВЫЙ НОМЕР РАБОЧЕЙ «ПРАВДЫ»

■

Газета «Правда» родилась в знаменательные дни весны 1912 года, когда по всей России прокатилась грозная волна забастовок. Идейным вдохновителем «Правды» был В. И. Ленин, повседневно руководивший газетой, следивший за ее деятельностью, определивший политическую платформу и тактическую линию нового издания. «...Нам нужна своя политическая газета,— писал В. И. Ленин,— вот какое сознание крепло в массах в апрельские дни; нам нужна не любая политическая рабочая газета, а именно газета передовой рабочей демократии; нам нужна газета не только для того, чтобы помогать нашей рабочей борьбе, но для того, чтобы дать образец и светоч всему народу» (Полн. собр. соч. Т. 21, с. 431).

По словам Н. Г. Полетаева, явившегося официальным издателем «Правды», уже зимой 1911—1912 года при встрече с В. И. Лениным было окончательно решено к весне 1912 года начать выпускать ежедневную рабочую газету. С конца 1911 года еженедельная рабочая газета «Звезда» начала кампанию за создание массовой газеты и приступила к сбору средств на ее издание. К 10 апреля необходимая сумма была собрана (значительную часть ее составляли добровольные пожертвования рабочих), и 10 апреля от петербургского градоначальника было получено разрешение на издание ежедневной газеты «Правда». Оно было дано на имя большевика, рабочего-токаря, депутата III Государственной думы Н. Г. Полетаева. 12 апреля было объявлено о подписке.

Первый номер «Правды» составлялся на квартире Н. Г. Полетаева; его готовили Н. Н. Батурич, М. С. Ольминский, И. П. Покровский и др. Печатался этот номер в

Петербурге, на Ивановской улице, в доме № 14. Контора и редакция «Правды» числились на Николаевской (ныне ул. Марата), в доме № 37, кв. 18, а фактически находились на Ямской (ныне ул. Достоевского), д. № 2. Редакция жила бедно, материальные возможности были предельно ограничены. В трех небольших комнатах помещались отдел хроники, ответственный секретарь, редактор. Работали с 10 часов утра до глубокой ночи, все материалы переписывались набело от руки...

Подписать первый номер «Правды», быть его номинальным редактором выпала честь М. Е. Егорову, рабочему-наборщику. Впоследствии он вспоминал, что «Правда» была единственной в мире газетой, где «наборщик и редактор сочетались в одном лице». Фактическим редактором первого номера был М. С. Ольминский, который должен был оставаться неизвестным на случай правительственных репрессий.

Выход первого номера ежедневной рабочей «Правды» ознаменовал собой новый этап в развитии марксистской печати в России. «Волны событий вынесли ее на самый гребень жарких столкновений борьбы труда и капитала», — вспоминает Борис Иванов, член рабочей группы по созданию «Правды». В. И. Ленин, находившийся в это время за границей, в эмиграции, горячо приветствовал выход своего детища. Несколько позже с большим удовлетворением он сообщал А. М. Горькому: «А в России революционный подъем, не иной какой-либо, а именно революционный. И нам удалось-таки поставить ежедневную „Правду“...» (т. 48, с. 84). А подводя итоги полугодовой работы «Правды», он писал: «Поставив ежедневную рабочую газету, петербургские рабочие совершили крупное, — без преувеличения можно сказать, историческое дело» (т. 21, с. 427).

Первый номер газеты вышел 22 апреля (5 мая) 1912 года. Он имел заголовок «Правда», и ниже: ежедневная рабочая газета. № 1. Воскресенье, 22 апреля 1912 г. Под заголовком — большое объявление в фигурной рамке об открытии подписки на ежедневную рабочую газету «Правда» и список сотрудников — около 80 фамилий и псевдонимов, в числе которых — В. Ильин (В. И. Ленин), Демьян Бедный (поэт Е. Придворов), А. Витимский (М. С. Ольминский) и мн. др.

Выход газеты был огромным событием в жизни рабочего класса. По словам современников, весь пролетарский

Питер всколыхнулся в то утро. А. Л. Леонтьев, работавший тогда экспедитором, вспоминает: «Вообразите: просторный двор, наша маленькая, тесная экспедиция, и повсюду — множество людей... Весна, теплынь. К тому же воскресный день... Нас в экспедиции — шестеро, двенадцать рук, но мы едва управляемся, едва поспеваем с раздачей газеты. А люди все приходят и приходят» (Ленинской «Правде» — 50 лет. М., 1962).

В многочисленных поздравлениях рабочие выражали чувства одобрения, радости, говорили о поддержке, которую они готовы оказать своей газете. Одно из поздравлений (от дневных наборщиц типографии «Художественной печати») успели опубликовать уже в первом номере. Они «с глубокой верой в процветание начатого большого дела... шлют искренний привет и наилучшие пожелания», прилагая при этом «небольшую лепту — 4 р. 20 к.»

Почти вся первая страница номера отведена программным редакционным статьям и некоторым объявлениям, вторая — рабочей жизни, третья — работе Государственной думы и четвертая — рабочему движению, стачкам, информации (в том числе — о поступлении в фонд «Правды» на 19 апреля 92 рублей 57 копеек).

Две основные темы определяют характер этого номера: во-первых, изложение политической программы газеты, ее целей, задач и, во-вторых, освещение положения рабочих, обличение правительства в связи с расстрелом рабочих на Лене. С первого номера газета воплощает мысли В. И. Ленина: «Рабочая газета есть рабочая трибуна. Перед всей Россией следует здесь ставить один за другим вопросы рабочей жизни вообще и рабочей демократии в частности» (т. 22, с. 70).

Политическая программа газеты была сформулирована в статье «От редакции». «Рабочий класс, — говорилось в ней, — создатель всех богатств, и он будет пользоваться всеми плодами трудов своих. Борясь за уничтожение эксплуатации, борясь за свое равноправие и свободу, рабочий класс борется за уничтожение всякой эксплуатации, всякого гнета и насилия... Освобождая себя, он никого не хочет эксплуатировать, но он не хочет, чтобы кто-либо эксплуатировал и его». Эта программа сформулирована в четкой, ясной, доходчивой форме, изложена как бы от лица рабочих и адресована в первую очередь именно им. Она ставит перед рабочими совершенно конкретные задачи, подчеркивает, что они должны хорошо сознавать

цели рабочего движения, постоянно развивать свое классовое сознание, сплачиваться в единую пролетарскую семью. Свое же назначение газета видит именно в разъяснении задач рабочего движения. Редакция призывает читателей: «Вместе разбираться в уроках жизни и вместе действовать!»

Целям газеты посвящена и другая редакционная статья, так и озаглавленная — «Наши цели». Они, как указывает редакция, заключаются в том, чтобы освещать путь русского рабочего движения светом международной социал-демократии, сеять правду среди рабочих о друзьях и врагах рабочего класса, стоять на страже интересов рабочего дела. «Рабочий класс должен знать правду!» — таково редакционное кредо; «рабочая газета „Правда“ должна отвечать своему названию» — таково требование нелегальной большевистской партии, легальным органом которой по существу являлась «Правда» (официально она выпускалась от имени социал-демократической фракции Государственной думы).

Выход первого номера «Правды» подвел итог борьбе большевистской партии за создание массовой легальной рабочей газеты. В редакционной статье «На грани» в образной форме характеризуется состояние рабочего движения за шесть лет и влияние на него выхода «Правды»: «Наша газета появляется в момент, который справедливо может считаться гранью, разделяющей два периода рабочего движения в России. Шесть лет мы жили как бы под действием слов Столыпина: «не запугаете». Казалось, нет выхода...

И вот, в апреле 1912 года, пробита брешь в стене... Министру Макарову выпала незавидная честь пропеть лебединую песнь столыпинской системы».

Весь материал первого номера, по словам современников, был «взрывчаткой огромной силы», газета «шла в атаку, клеймила поработителей». Это был новый тип массовой пролетарской газеты, опорой, источником силы и действительности которой было массовое рабочее движение. И содержание газеты, и формы подачи материала были рассчитаны на широкую читательскую аудиторию.

Публицистический накал статей создается широким использованием обращений, побудительных конструкций, восклицательных предложений: «Не будем легковерны, читатель-рабочий, откажемся верить в министерскую правду! Мы сами найдем свою правду! Будем же, чита-

тель, искать ее с тобою, идя рука об руку, от случая к случаю, от факта к факту». Редакция призывает рабочих сотрудничать в новой газете: «Мы бы желали, чтобы рабочие... принимали активное участие в деле ведения нашей газеты. Пусть не говорят рабочие, что писательство для них „непривычная“ работа: рабочие-литераторы не падают готовыми с неба... Нужно только смелее браться за дело: раза два споткнешься и научишься писать... Итак, дружнее за работу!»

Необходимость доходчиво разъяснить многие положения определяет построение статей этого номера: четкое абзацное членение, часто встречающиеся вопросно-ответные формы изложения, риторические вопросы, стилистические фигуры — анафора, эпифора и некоторые другие. Так, в статье «От редакции» первый абзац — вопрос-зачин: «Нужно ли доказывать, что русскому рабочему необходима своя политическая газета?». За ним следует абзац-ответ: «Нет, это уже доказано. Этот вопрос, поставленный на обсуждение в „Звезде“, вызвал самый горячий отклик в рабочей среде по всей России». И далее, абзац-вопрос: «Правда ли, будто рабочему классу самим провидением предназначено рабское положение?». И ответ: «Нет! Рабочий класс — создатель всех богатств, и он будет пользоваться плодами трудов своих».

Серия риторических вопросов, следующих друг за другом, придает публицистическую остроту статье «Государственный совет и страхование рабочих»: «Где же все эти обещанные реформы? Где свобода стачек и профессиональных организаций? Где страхование рабочих от инвалидности и старости? Где защита детского и женского труда? Где сокращение рабочего времени для взрослых?». А в конце статьи автор дает простое, доступное каждому объяснение сущности заседания Государственного совета: «Смысл этого действия простой: терпите, господа рабочие, когда с вас дерут последнюю шкуру. Мы тем временем будем о вас произносить красивые речи».

Статьи «От редакции», «Наши цели» и некоторые другие воздействуют на читателя главным образом содержательной стороной, логикой рассуждения. А в статью «На грани» и материалы, касающиеся зверского расстрела царскими войсками рабочих на Лене, включаются метафорические образы, формирующие у читателя определенное отношение к событию. Метафорически употреб-

ленное слово *грань* (крайний предел, за которым идет что-либо новое) здесь является композиционно-ключевым. Оно дано в заголовке, в абзаце-зачине («наша газета появляется в момент, который справедливо может считаться гранью...») и в абзаце-концовке («рабочее движение перешло грань...»). Здесь же цепочка метафор оценочного характера: «Была стена, и перед ней в бессилии опускались руки... И вот, в апреле 1912 года, пробита брешь в стене. Пробита, конечно, мускулистой рукой пролетария...»

Много метафор, в том числе гиперболизированных, в публицистической зарисовке «Лена»: «Там, на далекой окраине, в глухой сибирской тайге разыгралась кровавая драма...», «...еще не остыли трупы рабочих, погибших на руднике „Итальянка“». А уж снова трупы,— горы трупов... море человеческой крови», «...еще дымится только что пролитая рабочая кровь...»

Ориентация на читателя-рабочего проявляется и в использовании пословиц, фразеологизмов, разговорной лексики: под лежащий камень и вода не течет; ребенок не плачет, мать не понимает; мерят на свой аршин; кум королю, сват губернатору; как людей оболванивают; свобода профессиональных организаций зачахла под замком у охранного отделения и т. п.

Во многих статьях первого номера полемически цитируются возмущившие всех честных людей России слова министра внутренних дел А. А. Макарова, сказанные им в связи с расстрелом ленских рабочих: «Так было, так будет и впредь». Газета от лица редакции, от лица рабочих России отвечает министру: «Да, так было, но дальше так быть не может!»; «Нет, сударь, этого больше не будет».

Представлена в первом номере и публицистическая поэзия рабочих. На первой странице среди редакционных статей помещено стихотворение «Полна страданий наших чаша...» Е. Придворова, «правдиста первого призыва». В нем говорится о грядущих боях, о том, что былые беды становятся «кошмарным сном». Концовка стихотворения перекликается с программными статьями, призывающими рабочих к борьбе за правду:

Пускай шипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг.
Друзья, мы станем все до гроба
За правду, наш победный стяг!

На второй странице опубликовано большое стихотворение «Завод» В. И. Невского (постоянного корреспондента «Правды»), посвященное рабочим Невского района. В образной форме поэт показывает процесс производства:

Здесь бог огня везде царит.
Металл бежит, шипит, горит.
И, в форму странную вливаясь,
Рождает сердце корабля,
И искр каскадом освещаясь,
Дымится смядом вся земля.

Оптимистически говорит поэт о назначении рабочего класса:

Одетый дымом, точно тайной,
Завод — грядущего залог,
Преддверье в век необычайный
И битв решительных пролог.

Такая поэзия была боевым оружием пролетарских масс, она подкупала своей целенаправленностью, злободневностью, боевым звучанием:

В дыму, облитый потом, кровью
Завод в мир вызван для борьбы,
Чтобы железом и любовью
Разбить оковы злой судьбы.

Отбирая материалы для первого номера «Правды», редакция сделала все, чтобы эта газета стала в подлинном смысле слова пропагандистом, агитатором и организатором. И сейчас, когда минуло 70 лет со дня выхода первого номера «Правды» и сбылось предвидение В. И. Ленина о развитии печати, нестареющим призывом звучат его слова: «Будем же продолжать их дело, дружно поддерживая и развивая рабочую газету столицы — первую ласточку той весны, когда вся Россия покроется сетью рабочих организаций с рабочими газетами» (т. 22, с. 70—71).

Л. И. ЖИТЕНЕВА
Ленинград

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ

Художественная литература призвана воспитывать людей в духе лучшего взаимопонимания и дружбы между народами, ненависти к насилию и войне, укреплять стремление к миру.

Усилиями советских писателей создана летопись Великой Отечественной войны — замечательная галерея художественных, правдивых образов тех, кто в бою и в труде вносил свою лепту в героическую борьбу с фашистским нашествием.

Известный писатель Сергей Алексеевич Баруздин, участник Великой Отечественной войны, поэт и прозаик, пишущий для детей и для взрослых, внес свой вклад в раскрытие темы о войне. В полных лиризма произведениях — «Повторение пройденного», «Повести о женщинах», «Елизавета Павловна» и других — автор рассказывает о фронтовых буднях и победах, о людях на войне, об их вере в победу. В своих книгах писатель раскрывает преемственность героических традиций в наше время, показывает уважение детей к подвигам отцов, матерей, своих старших братьев и сестер.

Редакция обратилась к Сергею Алексеевичу с просьбой поделиться фронтовыми впечатлениями и рассказать о героях своих произведений.

— Скажите, пожалуйста, Сергей Алексеевич, роман «Повторение пройденного» автобиографичен?

— Я всегда считал, что могу писать только о том, что мною пережито, пережито, пережито. Это относится ко всем моим произведениям, будь то проза или поэзия, для детей или взрослых. Если говорить о романе «Повторение пройденного», то история его создания была такова (раньше публично я об этом никогда не говорил). Я начал писать этот роман в 1947 году после I Всесоюзного совещания молодых писателей, участником которого я был в качестве детского писателя (я занимался в семинаре С. Я. Маршак). Это был серьезный роман о войне от 3-го лица. Написав более тысячи страниц, я понял, что у меня ничего не получилось. И только через 8 лет, перечитав эту рукопись, я начал писать тот же роман от I-го лица и почувствовал, что начинает получаться. Это не значит, что безымянный герой романа адекватен автору (этот вопрос мне многие задавали), конечно, в нем есть какие-то черты мои собственные, моих товарищей — ровесников, моих командиров и т. д. Все это было в жизни, и в этом смысле можно сказать, что роман — автобиографичен, но надо и добавить, что в нем объединено все то, что было пережито разными людьми моего поколения, на фоне того, что пережито мной.

Если говорить о книге «Повести о женщинах», то судьбы, описанные там, опять-таки совпадали в какой-то мере, хотя я и не женщина, с моей судьбой. В войне участвовало полмиллиона женщин, попадали они на фронт 17, 18, 19 лет и оказывались в трудных условиях жизни среди огромного мужского коллектива. Много было неустраиваемости в судьбах женщин, которые наравне с мужчинами несли тяготы военной службы. Но иногда здесь рождалась и любовь...

А если взять мои книги для детей? Например, самая первая, которая называлась «Кто построил этот дом?», вышедшая в 1950-м году, получившая премию Министерства просвещения. Эта книга родилась, можно сказать, по пути, когда я шел с дочкой из детского садика и она задала мне вопрос, кто построил новый дом за забором, мимо которого мы проходили. Я по дороге домой объяснил ей как смог, а дома написал стихи:

Архитектор строит дом,
Дом многоэтажный,

Строит дом карандашом
На листе бумажном...

Или вторая детская книжка уже в прозе «Про Светла-пу» была о моей дочери в детском саду.

Можно сказать, что все мое творчество автобиографично, и так как главным, чем отмечена была моя судьба,— это война, то эта тема присутствует в той или иной мере почти во всех моих произведениях.

— Хотя после войны уже прошло 37 мирных лет, но пишутся все новые произведения о войне. В Вашем дальнейшем творчестве, Сергей Алексеевич, Вы будете еще обращаться к этой теме?

— Однажды в Пушкинском Доме мне задали подобный вопрос: можно ли мое творчество разделить как бы на две ипостаси: с одной стороны, все, что я пишу о войне; с другой — все, что я пишу для детей? Я долго думал над ответом и решил, что нет такого строгого разграничения моих произведений — о войне и для детей. Потому что во многом, что я писал для детей, так или иначе присутствует тема войны, которой проникнуто все мое творчество. Я вспоминаю слова К. Симонова, что мы люди, «чокнутые» войной, и считаю их очень правильными.

Книга для детей «Шел по улице солдат» — об истории Красной Армии (в том числе и моей истории на том отрезке, когда я воевал), книги «Страна Комсомолия» и «Страна, где мы живем» пронизаны военной темой. Даже книжка «Рассказы о животных», призывающая любить природу, все живое, включает рассказы, связанные с темой войны: например, как я спасал ежика на польской земле или как мы спасали в зоопарке Кенигсберга бегемота, раненного немецким осколком.

Все, что я пишу — рассказы, повести для детей, юношества или взрослых — пронизано темой войны, так как война была главным событием моей жизни. Ее уроки важнее, чем любой университет, именно там проходило мое воспитание, так как я ушел на войну пятнадцати лет.

Мы живем сейчас в очень сложное время, обстановка в мире накалена. Сейчас о войне пишут люди, которые сами не были ее участниками, они молоды, но война отозвалась и в их судьбах через судьбы их отцов, старших братьев.

У каждого литератора должна быть основная, единственная тема — у меня эта тема — тема войны. Я и дальше буду к ней обращаться, я никуда не могу от нее уйти.

Беседу велла М. А. ГАЛМАНОВА

**К 60-летию
образования
СССР**

**РУССКИЙ
ЯЗЫК —
ЭТО
ЖИВИТЕЛЬНЫЙ
РОДНИК**

**Говорят
писатели
Средней Азии**

Художественная литература, как известно, лучше всего знакомит с духовным миром, бытом, нравами, традициями каждого народа, со всем прогрессивным, что есть в его культуре.

На VII съезде писателей СССР Г. М. Марков в своем докладе говорил: «Обозревая литературу, мы имеем сегодня полное основание сказать, что советская многонациональная литература — это литература динамичной мысли, мысли, окрыленной нашим мировоззрением, воодушевленной историческим оптимизмом, присущим нашему социальному строю... Семьдесят языков, на которых сегодня создаются литературные произведения, выразительно и сильно звучат в многоголосом хоре великой советской литературы».

В нашей стране национальные культуры давно перестали жить изолированно друг от друга, они развиваются на основе взаимосвязи и взаимодействия благодаря русскому языку — языку межнационального общения.

■

В год 60-летия образования СССР редакция журнала обратилась к писателям, поэтам, критикам республик Средней Азии с вопросом:

— Какое место занимают русский язык и русская литература в Вашей жизни и творчестве и какова, на Ваш взгляд, роль русского языка как языка международного общения?

САРВАР АЗИМОВ — критик, прозаик, драматург, председатель Союза писателей Узбекской ССР:

— Вы не найдете ни одного узбекского писателя, который не испытал бы на себе влияния великой литературы великого русского народа. О ком бы мы ни говорили — Хамза Хаким-заде, Гафур Гулям, Хамид Алимджан или писатели, которые живут и работают сегодня, Зульфия и Аскад Мухтар, Камиль Яшен и многие другие — скажут то же самое. Для них русская литература, русская речь — это как чистый воздух, это как большой живительный родник, от которого всегда веет свежестью, чистотой, прохладой.

Через великий русский язык мы общаемся со всеми народами нашей необъятной страны, ведем наши дела, развиваем нашу литературу, и каждый из нас считает для себя честью знать русский язык. Он многокрасочен, многозвучен и, осваивая его богатства, мы, как сквозь призму, видим свой национальный, родной язык.

Узбекистан — республика, куда приезжает много гостей из разных государств. Бывая с ними вместе, мы на каждом шагу чувствуем, какую роль играет русский язык как язык мирового значения. Ведь во многих странах он с большой любовью изучается, в разных уголках земного шара работают наши специалисты, учителя русского языка, которые приобщают другие народы к богатейшей культуре советского народа.

ШУКРУЛЛО — Народный поэт Узбекистана:

— Еще в начальной школе я начал изучать русскую орфографию, грамматику, разговорную речь, а в средней — читать произведения русской литературы. Это были Пушкин, Гоголь, Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Чехов и другие. В 1937 году, когда я уже учился в техникуме, вся страна отмечала столетие со дня гибели великого поэта Александра Сергеевича Пушкина и, конечно, все изучение русского языка было связано с его бессмертным творчеством, так как Пушкин был родоначальником русской литературы.

Конечно, без свободного владения русским языком составить полное представление о национальном характере, о жизни народа очень трудно. На меня неизгладимое впечатление произвело, например, русское слово *м а т у ш к а*. Это слово, видимо, непере译имо. *М а т у ш к а* по отношению к земле, реке (*матушка-Волга*) звучит в русском языке очень душевно. Именно через это слово

я почувствовал, понял, какую огромную любовь питает русский народ к своей земле, своей природе, к своей Родине.

Еще в детстве (это были 20-е годы) я встречался с русскими людьми. Отец мой был врачом, и русские жили у нас на квартире. Я до сих пор чувствую запах их напирое, мне особенно запомнилась их искренность и душевность в обращении. У моего дяди, который до революции учился в России, в доме на стене висели картины с русскими пейзажами, и я подолгу любовался ими. У меня с детства в сердце жила большая любовь к русским людям, русской природе — к их красоте. Затем я сам побывал в России, в Москве, Подмосковье, и своими глазами увидел просторы русские. Я захотел об этом сказать людям, писал долгие годы, создав около 20 вариантов. Я писал прежде всего для себя, чтобы выразить всю свою любовь и нежность к России. И как награду за мой труд вспоминаю слова поэта Сергея Васильевича Смирнова, сказанные им в 1959 году, что он, мол, сомневается, что Шукрулло узбек, о России так мог сказать только русский.

Язык в литературе — это основа основ. Без мысли, без глубокого философского осмысления жизни нет хорошего стихотворения. Все психологическое состояние человека выражается только через слово. Главное — точно и емко передать словом суть явления. Когда мы оцениваем язык произведения, то должны уловить — соответствует ли он внутреннему миру, духу, состоянию героя. Возьмем произведения М. А. Шолохова, его героев, например Григория Мелехова или деда Щукаря. Все, что они говорят, исходит из их внутреннего мира, их состояния, и мы наслаждаемся прекрасным, сочным их языком.

Язык — это душа человека. Мы, писатели и поэты, исходя из этого, и должны искать слова. Переводческое дело — очень трудное дело. Надо не только точно передать каждое слово, мысль, заключенную в них, а выразить именно состояние, дух произведения. Я на своем опыте знаю, как трудно переводить. Когда переводил Гете на узбекский язык, сначала заучивал на русском языке стихотворение наизусть, стремясь уловить все оттенки звучания, его музыку, постигнуть дух стихотворения, горестный или радостный, затем уже подбирал соответствующие слова. Только тогда, по моему, стихотворение зазвучит, найдет отклик в другой душе.

Есть прекрасный современный узбекский поэт Абдулла Арипов, которого очень любят все узбеки. У него в стихах философская глубина мысли, страсть. Через язык его произведений можно понять красоту и богатство узбекского языка, как, например, читая Пушкина или Есенина, мы постигаем красоту и многозвучность русского языка. А в переводе Абдулла Арипов получается сух, голословен, так как не всегда переводчики могут воспроизвести

существо, настроение героя, заложенные в каждом слове поэта, а передают только смысл слов. Теряется самое главное — духовный мир его героя. Когда переводят Байрона, Гете, Шекспира, то это делают с очень большой ответственностью. И такой же ответственный подход нужен к произведениям каждого национального поэта сегодня.

МУСА ДЖАНГАЗИЕВ — поэт и прозаик (Киргизская ССР):

— Киргизская поэтическая культура, имеющая глубокие корни в национальном фольклоре, в истории народа, пополнилась в наше время новыми идейно-эстетическими ценностями, в ней зазвучали новые голоса.

Недавно увидели свет два тома киргизского героического эпоса «Манас», являющегося вершинным созданием национального художественного гения, выражением подлинно народного искусства слова.

Посредством русского языка — языка межнационального общения — всесоюзный читатель узнал лучшие произведения киргизской поэтической школы. Выпуск двухтомной антологии киргизской поэзии, появление на русском языке «Эха гор» обогащают представление о наших культурных ценностях.

Обогатили духовный мир читателей новые избранные произведения одного из ведущих мастеров многонациональной советской литературы — Героя Социалистического Труда А. Токомбаева, народных поэтов Т. Уметалиева, А. Токтомушева, С. Эралиева, М. Абылкасымовой и многих других. Достижения киргизской поэзии доказывают, что она все глубже отображает богатый духовный мир советского человека.

У нас проводится большая работа с молодыми начинающими писателями. Так, один из крупнейших писателей современности Чингиз Айтматов в беседах с ними делится своим опытом, секретами мастерства.

Сколько лет будут жить наши горы, наша прекрасная земля и наш народ, который благодаря русскому языку, объединившему всех в одну братскую семью, имеет миллионы верных друзей, — столько будет жить и киргизская советская литература, которая несет людям радость, веру и оптимизм.

АТА АТАДЖАНОВ — поэт, драматург и прозаик (Туркменская ССР):

— Создание образов наших современников было бы просто невозможным без живительного процесса, который все основательнее входит в нашу жизнь, — без взаимовлияния и взаимообогащения

национальных литератур. И в этом процессе роль великого, могучего русского языка первостепенна.

Именно любовь к русскому языку, открывшему нам друг друга и весь мир, объединяет нас. Неизмерима его роль в том, что каждое талантливое произведение, будь то произведение балкарца Кайсына Кулиева, аварца Расула Гамзатова, киргиза Чингиза Айтматова, калмыка Давида Кугультинова, туркмена Чары Аширова и многих других, находит путь к сердцу всесоюзного и зарубежного читателя.

Дружба с русской литературой приобщила нас к ее богатствам, помогла нам правильно понять и по достоинству оценить прекрасный русский язык, жизнь русского народа, полюбить русскую природу.

Очень важна для нас, литераторов, проблема перевода. Есть в ней свои большие достижения, есть и недостатки. Я думаю, что надо более тщательно отбирать произведения для перевода. При этом переводчик должен понять душу того народа, чью литературу он переводит, а в идеальном случае — хорошо знать и его язык. Тогда, переводя, например, выдающихся среднеазиатских поэтов, можно будет донести до читателя в органически русском звучании восточную музыкальность оригинала.

АСКАР ХАКИМОВ — критик, секретарь правления Союза писателей Таджикистана:

— Я учился в таджикской деревенской школе. Помню, как-то раз наш молодой учитель русского языка и литературы, почувствовав мое тяготение к поэзии, к литературе, дал мне несколько замечательных стихотворений, которые я быстро выучил наизусть и помню до сих пор.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем...

Дивная музыка пушкинских стихов очаровала меня на всю жизнь. С того времени русская поэзия была для меня образцом, можно сказать, ориентиром в том, как высказаться просто, естественно, по-земному, чтобы мои чувства взволновали другого человека. Часто бывает так, что начинающие поэты и писатели подражают своим любимым художникам. Хотя чувства у них свои, индивидуальные, но форма выражения — не их, и кажется тогда, что и чувства — чужие, заимствованные.

Возможность использовать все богатство языка в реалистическом плане дает нам опыт русской классической литературы, он обогащает молодых писателей.

После Великой Октябрьской социалистической революции начался новый период сближения народов, не только дальних, но и народов-соседей, и это происходило через великий русский язык. За короткое время таджикская литература обогатилась новыми традициями, произведениями многих литератур наших братских республик и зарубежных стран. Если анализировать современное состояние таджикской прозы, то можно, например, почувствовать влияние прибалтийской прозы. И если представить расстояние, разделяющее Прибалтику и Таджикистан, то особенно становится ясна роль русского языка как посредника между народами. Хотя современное развитие нашего общества предполагает перевод с языков оригинала, однако это явление пока свойственно немногим литературам, например русской, украинской, белорусской, грузинской, так как у них хорошая школа переводчиков. У других народов классическую и современную литературу переводят с русского языка. Талантливые произведения таджикских писателей сперва переводятся на русский язык и затем с русского на все языки народов нашей страны и иностранные языки. На данном этапе развития это, по-моему, самый верный путь, так как школа русского перевода фундаментальна, реалистична, многоопытна. Поэтому в ознакомлении многих народов с мировой и современной литературой русскому языку будет долго принадлежать ведущая роль. Всегда перевод хороших произведений помогает развитию, становясь активным стимулятором новых явлений в национальной литературе. Например, новые веяния в современной узбекской поэзии появились после перевода современников — Межелайтиса, Куллева, Гамзатова, и классиков — Данте, Шиллера, Гете, Рамааяны.

Велика роль русского языка в том, что он обогащает национальные культуры, являясь языком перевода, посредником в общении народов, и в том, что он представляет национальные литературы мировому читателю.

К 170-летию
со дня рождения

ЯЗЫК и стиль русского писателя Ивана Александровича Гончарова представляет высокий образец художественности. Критики самых разных направлений были единодушны в оценке писателя как первоклассного стилиста. Так, В. Г. Белинский видел главное достоинство его первого романа в «чистой, правильной, легкой, свободной, льющейся» речи. Д. И. Писарев восхищался простотой его языка, А. Ф. Кони — «богатством красок и сочностью», а С. А. Венгеров справедливо замечал: «Слог Гончарова удивительно плавен и ровен, без сучка и задоринки. Нет в нем меланхолических тонов Тургенева, колоритных словечек Писемского, нервного нагромождения первых попавшихся выражений Достоевского. Гончаровские периоды округлы, построены по всем правилам синтаксиса... Слог Гончарова сохраняет один и тот же темп, не ускоряясь и не замедляясь, не ударяясь ни в пафос, ни в негодование» (Венгеров С. Сочинения, т. 5, П., 1911). Красота гончаровского стиля проявилась и в музыкальности речи.

Неповторимое своеобразие стилиевой манеры Гончарова создало ему славу «загадочного» художника, идущего своей «одинокой» дорогой. Такое мнение сложилось не случайно, даже если оно и ошибочно. В самом деле, Гончаров не оставил после себя школы, как Тургенев, Достоевский и Толстой. В последующих литератур-

ных поколениях мы не находим ярко выраженных гончаровских традиций. По этому поводу высказывалось мнение, что можно удачно или неудачно, например, подражать слогу Достоевского, Гоголя или Тургенева, но нельзя подражать слогу Гончарова. Он какой-то „особенный“.

Действительно, подчеркнутая правильность слога Гончарова, строгая подчиненность его литературно-книжной норме скрывает в себе индивидуальные черты. И все же нельзя говорить о «загадочности» и «одиночестве» Гончарова-художника. Внимательный анализ его произведений позволяет совершенно конкретно определить не только особенности художественной системы писателя, но и установить связь его прозы с пушкинскими и гоголевскими традициями.

Своеобразие художественной манеры писателя определяется его эстетическими воззрениями, которые он выразил, в частности в статье «Лучше поздно, чем никогда». По мнению Гончарова, не всякое жизненное явление может стать предметом художественного изображения, а лишь устоявшееся, принявшее законченные формы. Такая концепция отразилась и на стилевой манере писателя, которая поражает своей завершенностью, цельностью, гармоничностью. Это легко прослеживается на построении авторской речи в романе «Обломов».

Уже в плавном, размеренном повествовании о неторопливо текущих событиях, в которых нет ничего исключительного, все устойчиво, все идет по издавна заведенному порядку, ощущается строгая соотнесенность стиля с содержанием. В языке повествования нет архаизмов, просторечий, почти нет галлицизмов, он свободен от диалектизмов, не перегружен и поэтическими тропами. Все, что делает язык искусственно простым или наоборот чопорно литературным, отвергается Гончаровым. Подчинив строй речи лексико-грамматическим и интонационно-мелодическим нормам, писатель вносит в него разговорную струю, добываясь живости и естественности повествования. Мастерски пользуясь различными синтаксическими построениями, он вместе с тем явно отдает предпочтение простым, реже сложным предложениям с сочинительной связью, как формам, наиболее свойственным живой разговорной речи. Конечно, у него встречаются и длинные

периоды со многими придаточными, но при этом заметно стремление автора всячески облегчить, упростить предложение, сделать его интонационно ровным, спокойным. Приведем пример: «Остаться на даче одному, когда опустел парк и рощи, когда закрылись ставни окон Ольги, казалось ему решительно невозможно.

Он прошелся по ее пустым комнатам, обошел парк, сошел с горы, и сердце теснила ему грусть.

Он велел Захару и Анисье ехать на Выборгскую сторону, где решил остаться до приискания новой квартиры, а сам уехал в город, отобедал наскоро в трактире и вечер просидел у Ольги (Гончаров И. А. Собр. соч., т. 4, М., 1953).

Повествование его лишено какой-либо академической сухости, оно естественно, непринужденно. «Обломов отправился на Выборгскую сторону, на новую свою квартиру. Долго он ездил между длинными заборами по переулкам. Наконец отыскали будочника; тот сказал, что это в другом квартале, рядом, вот по этой улице — и он показал улицу без домов, с заборами, с травой и с засохшими колеями из грязи.

Опять поехал Обломов, любуясь на крапиву у заборов и на выглядывающую из-за заборов рябину. Наконец будочник указал на старый домик на дворе, прибавив: „Вот этот самый“».

Что характерно для такого построения отрывка? Перегруженность обстоятельствами места и несогласованными определениями уточняющего характера. Явление, свойственное скорее разговорному, чем книжному стилю речи. Но Гончаров допускает эту «вольность» в повествовательном тексте и снимает тем самым с него оттенок книжности. Включив в отрывок косвенную речь, он заканчивает его непосредственно прямой речью будочника, в которой разговорная интонация косвенной речи получает свое завершение. В результате автор достигает нужного эффекта — его повествование приближается к устному рассказу.

В «Сне Обломова» авторская речь, в основе своей книжно-литературная, настолько пронизана разговорными интонациями, что временами воспринимается как рассказ очевидца, которому случилось бывать в этой помещичьей усадьбе. Первые риторические вопросы и следующие за ними простодушные иронические рассуждения автора настраивают читателя на ожидаемый рассказ.

«Где мы? В какой благословенный уголок земли перенес вас сон Обломова? Что за чудный край!

Нет, правда, там моря, нет высоких гор, скал и пропастей, ни дремучих лесов — нет ничего грандиозного, дикого и угрюмого.

Да и зачем оно, это дикое и грандиозное? Море, например? Бог с ним! Оно наводит только грусть на человека: глядя на него, хочется плакать. Сердце смущается робостью перед необозри-

мой пеленой вод, и не на чем отдохнуть взгляду, измученному однообразием бесконечной картины».

Иллюзию слушания рассказа автор поддерживает в читателе на протяжении всего описания «географии» Обломовки (начало девятой главы), вводя лексико-стилистические элементы, типичные для устной речи, и завершая отрывок сценой с мужиками, где в авторский контекст вступает прямая речь. Приближение речи автора к устному рассказу составляет особенность стиля Гончарова. Заметим, однако, что авторская речь нигде не переходит в сказ. В романе нет условного рассказчика, выступающего посредником между автором и изображаемыми событиями, нет даже намека на «чужую» экспрессивно-смысловую окрашенность речи. В оценках, суждениях, в общем взгляде на вещи мы постоянно ощущаем авторское «я».

Повествовательная манера писателя в «Сне Обломова» достигает необычайной художественной выразительности, музыкальной ритмичности. Описывая природу, быт, весь жизненный уклад Обломовки, автор использует скупые художественные средства, в выборе которых проявляются его тонкий вкус и чувство меры: эпитеты точны, сравнения метки, метафоры легко понятны, синтаксические конструкции просты и ритмичны. Так, в пейзажных зарисовках природа изображена то в момент ее медленного пробуждения, то в ленивой истоме в знойный полдень, то в вечерней дремоте. И всякий раз читателя поражает зримость и живописность этих пейзажей, а главное — создаваемая ими иллюзия причастности природы к жизни обломовцев: в полдень, например, всеобщее оцепенение в усадьбе захватывает и окружающую природу, которая замирает в своем движении, словно боясь внести диссонанс в размеренное существование обломовцев. И это передается автором не только с помощью лексики, но и через ритм синтаксических конструкций.

«Полдень знойный; на небе ни облачка. Солнце стоит неподвижно над головой и жжет траву. Воздух перестал струиться и висит без движения. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; над деревней и полем лежит невозмутимая тишина — все как будто вымерло. Звонко и далеко раздается человеческий голос в пустоте».

«Сон Обломова» — это законченная художественная картина, которая выделяется из общей ткани произведения своей поэтичностью. Ровная, спокойно-созерцательная манера повествования, которую писатель сохраняет на протяжении всего романа, здесь обретает лирическую взволнованность. Она не перерастает в пафос, которого так чуждался Гончаров, но становится источником той особой музыкальности, в которой выдержан весь отрывок и за которой скрывается элегическая настроенность автора, навеян-

ная воспоминаниями об ушедшей старине с ее тихой обрядовой жизнью и вековыми патриархальными устоями. Взгляд Гончарова, обращенный в прошлое, мягко-снисходителен, но не суров. Поэтому ноты легкой иронии, проникающие иногда в лирическое повествование, не переходят в сатиру. Например: «Он целое утро сидит у окна и неукоснительно наблюдает за всем, что делается на дворе. Придут ли коровы с поля, старик первый позаботится, чтоб их напоили: завидит ли из окна, что дворняжка преследует курицу, тотчас примет строгие меры против беспорядков». Так автор рассказывает о «занятости» старика Обломова. Авторская ирония выражается через смысловые диссонансы, которые возникают, когда автор, например, имитирует серьезность тона, говоря о ничтожных вещах, или нарушает общий стиль повествования неожиданными вкраплениями чиновно-бюрократической лексики (неукоснительно, преследует курицу, строгие меры, беспорядков).

Во второй и третьей частях романа, где писатель раскрывает сложный внутренний мир и историю взаимоотношений своих героев, строй авторской речи меняется — он сближается с речью персонажей. Это достигается введением в авторское повествование несобственно-прямой речи, которая принадлежит автору. В ней все местоимения и формы лица глагола оформлены с точки зрения автора, то есть как в косвенной речи, но в то же время она имеет яркие лексико-синтаксические особенности прямой речи персонажа. Например: «Проходя мимо окон Ольги, он слышал, как стесненная грудь ее облегчалась в звуках Шуберта, как будто рыдала от счастья.

Боже мой! Как хорошо жить на свете!»

Или: «Она медленно обернулась и пошла, косясь боязливо через плечо, что он. А он ничего: идет тихо, будто волочит хвост, как собака, на которую топнули».

Часто несобственно-прямая речь служит средством передачи от лица автора внутреннего монолога персонажа. При этом автор как бы теряет свою самостоятельность и перевоплощается в героя, за которого думает, страдает, мечтает. Вот пример, в котором несобственно-прямая речь передает размышления Обломова о предстоящих изменениях в его жизни в связи с решением жениться на Ольге.

«Он сел и задумался. Много передумал он в эти полтора часа, много изменилось в его мыслях, много он принял новых решений. Наконец он остановился на том, что сам поедет с поверенным в деревню, но прежде выпросит согласие тетки на свадьбу, обручится с Ольгой, Ивану Герасимовичу поручит отыскать квартиру и даже займет денег... Немного, чтоб свадьбу сыграть.

Этот долг можно заплатить из выручки за хлеб. Что ж он так приуныл? Ах, боже мой, как все может переменить вид в одну минуту! А там, в деревне, они распорядятся с поверенным собрать оброк; да, наконец, Штольцу напишут: тот даст денег и потом приедет и устроит ему Обломовку на славу, он всюду дороги проведет и мостов настроят, и школы заведет... А там они, с Ольгой!.. Боже! Вот оно, счастье... Как все это ему в голову не пришло!»

Переход от авторской речи к несобственно-прямой, который мы наблюдаем в этом отрывке, намечен уже в конце первого абзаца («... и даже займет денег... Немного, чтоб свадьбу сыграть»), где голос автора как бы перебивается голосом героя, а затем следует несобственно-прямая речь уже в развернутой экспрессивной форме, передающая состояние радостного воодушевления Обломова. Она выделяется из состава авторской речи интонацией вопросительных и восклицательных предложений.

Из приведенных примеров видно, что авторское повествование и внутренний монолог персонажа заметно сближаются, границы их теряют четкость, стилистически они как бы уравниваются. Именно поэтому переходы авторской речи в несобственно-прямую, а затем в прямую речь персонажей так естественны и незаметны. Приведем еще один пример.

«Ольга осталась на своем месте и замечталась о близком счастье, но она решилась не говорить Обломову об этой новости, о своих будущих планах.

Она хотела доследить до конца, как в его ленивой душе любовь совершит переворот, как окончательно спадет с него гнет, как он не устоит перед близким счастьем, получит благоприятный ответ из деревни и, сияющий, прибежит, прилетит и положит его к ее ногам, как они оба, вперегонку, бросятся к тетке и потом...

Потом вдруг она скажет ему, что и у нее есть деревня, сад, павильон, вид на реку и дом, совсем готовый для житья, как надо прежде поехать туда, потом в Обломовку.

«Нет, не хочу благоприятного ответа, — подумала она, — он загордится и не почувствует даже радости, что у меня есть свое имение, дом, сад... Нет, пусть он лучше придет расстроенный неприятным письмом, что в деревне беспорядок, что надо ему побывать самому... Да, да, она ни за что не скажет ему, выдержит до конца; пусть он съездит туда, пусть пошевелится, оживет — все для нее, во имя будущего счастья! Или, нет: зачем посылать его в деревню, расставаться? Нет, когда он в дорожном платье придет к ней бледный, печальный, прощаться на месяц, она вдруг скажет ему, что не надо ехать до лета: тогда вместе поедут...»

В данном отрывке собственно авторская речь — только в пер-

вом абзаце. Во втором и третьем — она строится в стилистической близости к несобственно-прямой речи и совершенно естественно переходит в прямую, оформленную в кавычки и сопровождаемую словами автора: «подумала она». Однако героиня продолжает говорить о себе в третьем лице (она ни за что не скажет, все для нее, она вдруг скажет). Такая легкость взаимопроникновения разных речевых сфер возможна только в результате их стилистической близости. На данном примере прослеживается одна из характерных особенностей гончаровского стиля — его единообразие, гладкость, «округлость», цельность.

Наконец, интересно проследить еще одну тенденцию в построении внутреннего монолога персонажей, выступающего в форме несобственно-прямой речи. Он выделяется только отнесенностью форм третьего лица, как к лицу говорящему, в остальном же строится, как обычная речь, произнесенная вслух. Монолог правилен с точки зрения синтаксиса, логики мысли и выразительно интонирован. В нем нет признаков настоящей «внутренней» речи: разорванности, хаотичности, непоследовательности. Такое построение очень типично для Гончарова-художника, который избегал всего, что может так или иначе внести диссонанс в общее звучание авторской речи. Вот характерный пример.

«„Любит или не любит?“ — играли у него в голове два вопроса.

Если любит, отчего же она так осторожна, так скрытна? Если не любит, отчего так предупредительна, покорна? Он уехал на неделю из Парижа в Лондон и пришел сказать ей об этом в самый день отъезда, не предупредив заранее.

Если бы она вдруг испугалась, изменилась в лице — вот и кончено, тайна поймана, он счастлив! А она крепко пожала ему руку, опечалывлась: он был в отчаянии».

Итак, общая манера повествования писателя — ровная, спокойно созерцательная, без пафоса, но и без холодной беспристрастности, в ней чувствуется скрытый лиризм. Авторская речь Гончарова, несмотря на литературно-книжную упорядоченность, тяготеет к устному рассказу. Она насыщена элементами, построениями, интонациями, характерными для разговорного стиля. Включение несобственно-прямой речи персонажей в авторское повествование придает ему легкость, непринужденность и живость. А происходящее при этом сближение разных речевых сфер создает гармоничное единство художественного текста, в чем и проявляется неповторимое своеобразие стилиевой манеры замечательного русского писателя И. А. Гончарова.

Т. С. ДОРОФЕЕВА

Рисунок С. Гавриловой

Биография Пушкина нам хорошо известна. Пушкиноведы немало потрудились над тем, чтобы выяснить, где жил, с кем встречался, в кого влюблялся поэт. Жизненные факты в некоторой степени определяют и биографию творчества. Но помимо биографии творчества существует жизнь внутренняя, собственно поэтическая, так сказать, творческая биография. Задача выявления фактов творческой биографии Пушкина необычайно сложна, эта биография еще не написана.

Иногда дело представляется таким образом: попал Пушкин к морю — и пишет «Прощай, свободная стихия!», поехал в Грузию — и вот готовы стихи «На холмах Грузии...», увидел А. П. Керн — и создал «Я помню чудное мгновенье...». Но о Грузии ли стихи эти? Керн ли названа «гением чистой красоты»?

Известный языковед А. И. Белецкий писал: «Анализируя произведение поэта, мы должны знать его биографию, а еще более знать всю конкретную историческую действительность, обу-

словившую в целом его творчество. Но прежде всего мы должны внимательно прочитать и понять самое произведение» (Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964).

Это тем более важно, когда мы выходим за рамки отдельного произведения и рассматриваем стилистическое явление. Обращает на себя внимание тот факт, что многие стихотворения Пушкина начинаются придаточным предложением времени: «Когда твой друг на глас твоих речей...», «Когда, любовь и негой упоенный...», «Когда для смертного умолкнет шумный день...», «Когда ко граду Константина...», «Когда твои молодые лета...», «Когда за городом...» и мн. др. Почему Пушкин так любил начинать стихотворение союзом «когда»? Что это давало? Явно ощущается композиционная роль этого союза.

Главным достоинством художественного произведения является его целостность, законченность. Но и добиться этого сложнее всего. Проблемы композиции остро стояли и перед Пушкиным с самого начала его творчества. В. В. Виноградов писал: «Перед Пушкиным возникла задача создания новых конструкций, новых стилистических контекстов, новых композиций, согласных с «духом» русского языка и способных получить общенациональное признание, посредством синтеза разнородных словесных элементов и посредством усложнения смысловых связей между этими элементами, посредством экспрессивного обострения синтаксиса, посредством углубления идейной и образной перспективы слова.

Единство не чуждается многообразия, а простота предполагает глубину. Многообразие и сложность «частностей» должны быть обняты и объединены композиционным контекстом» (Виноградов В. Стиль Пушкина, М., 1941).

Распространено мнение (оно высказывалось неоднократно и подтверждено опытом), что большие произведения, крупные формы создает мастер, сложившийся художник, поэт, вполне овладевший сложными приемами композиционной организации речи: он движется от малого к большому. У Пушкина — иное: его лицейские стихотворения (в особенности 1813—1815 г. г.) пространны, значительны по объему. Например, «К Наталье» (1813) — 105 строк, «К другу стихотворцу» (1814) — 98, «Кольна» — 141, «Воспоминания в Царском Селе» — 176 и т. д. Они не отличаются четкостью и строгостью композиционных форм. Показательно, что последняя строфа послания «К другу стихотворцу» вводится следующим заглавием:

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить...

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в десяти томах, Л., 1977),

Тем самым предполагается в известной мере насильственный обрыв, незаконченность рассуждений и т. п.

Подобная «размытая» композиция заимствована Пушкиным у его современников и предшественников и характеризует период ученичества. Впечатление законченности приходилось поэту создавать, опираясь на элементы содержательного, а не формального плана. Отсюда тяготение к сюжетности, столь характерное для лицевой поэзии Пушкина. Здесь преобладает фабульно-последовательное развертывание темы; выровненная линейная композиция отличается простотой и не накладывает никаких ограничений на воплощаемый материал. Вместе с тем и выразительные возможности подобной композиции невелики.

В несюжетных произведениях, естественно, композиционная рыхлость ощущается острее. А ведь лирика (в собственном смысле слова) принципиально бессюжетна.

*

Существует несколько композиционных приемов, создающих законченность, цельность лирического стихотворения. Один из самых распространенных и характерных — прием рамки, рамочная конструкция: повторение начальной строки (или строк) в конце стихотворения. Однако этот прием для лирики Пушкина нехарактерен, встречается редко, да и то не в чистом виде. Рамка — внешнее, слишком простое и очевидное средство подчеркивания, указания целостности, — по-видимому, как и вообще все нарочитые приемы, не устраивала Пушкина.

В тех немногих случаях, когда Пушкин использовал рамку, он избегал точного и полного соответствия, варьировал строки, усложнял внутренние смысловые связи и отношения. Начало известного стихотворения:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...—

находит отражение и в конце, но рамку образует не самое начало, а второе двустишие, которое становится своеобразным рефреном, появляясь не только в начале и в конце, но и в середине произведения.

В стихотворении «Зимний вечер» четвертая, заключительная строфа начинается так же, как и первая: «Буря мглою небо кроет...», но вторая ее половина повторяет не первую строфу, но

начало третьей: «Выпьем, добрая подружка...». Пушкин зрелого периода вообще избегает чистых приемов, например, простого параллелизма или примитивного контраста. Эти приемы осложняются, варьируются, выразительность достигается «нарушением ожидания», которое искусно предварительно создается поэтом.

Сказанному как будто противоречит тот факт, что неожиданно в стихотворении зрелом и совершенном — «Не пой, красавица, при мне...» (1828) — встречается полная, буквальная рамка, точное повторение в конце стихотворения первой строфы:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний.

Но, как это всегда у Пушкина, возврат к простейшим формам и видам данного приема осуществлен на новом, более высоком уровне. Повтор строфы не только связывает конец и начало, он выдвигает на первый план стержневые понятия: смысловые нити, прямые соотношения и повторы пронизывают все произведение. Можно указать хотя бы только простой повтор (или синонимический) стержневых, важнейших для всего текста понятий: *петь и вспоминать, напоминать*: 1-я строфа — *не пой... напоминают мне*; 2-я строфа — *твои напевы... напоминают мне*; 3-я — *ты поешь... я вновь воображаю* («вновь воображаю» — синонимический вариант слов «напоминают мне»); 4-я — *не пой... напоминают мне*. Поэт идет по пути создания внутреннего единства, смысловой и стилистической целостности.

*

Пушкин ищет речевые формы, которые неброско, естественно, самим своим характером способствовали бы законченности текста, помогали бы оформить, композиционно организовать материал. Языковое общение людей создало такую форму — это предложение. Точнее — ряд форм в соответствии с разнообразием типов предложений (в особенности — сложных). Стоит вспомнить в этой связи самое простое, школьное определение предложения: «Сочетание слов или отдельное слово, выражающее законченную мысль...». Конечно, «законченная мысль» — здесь понятие туманное, неопределенное и (на первый взгляд) почти нелепое: любое предложение можно дополнить, развить мысль и т. п. Но старое определение при всей его примитивности верно передавало главное — законченность (впечатление, иллюзию законченности), оформленность высказывания. Предложение — простая и естест-

венная форма выражения того или иного содержания. Форма же сложного предложения позволяет динамично соотносить, сопоставить разные субъекты. Сложное предложение драматично по своей природе.

Стоит начать высказывание с подчинительного союза, чтобы ясно угадывалась вся схема и ожидалось окончание. Например, сопряжение времен и действий: «Когда X делал то-то, тогда Y поступал так-то». Эту схему можно разнообразно усложнить, обогатить, используя повторение, вставляя распространенные обособления, причастные и деепричастные обороты, нагружая дополнительно тот или иной член предложения, используя присоединительные конструкции и проч. Развертывая таким образом предложение, мы тем самым увеличиваем ожидание конца, развязки, усиливаем стилистический эффект, напряжение, сохраняя неизменной основную конструкцию, впечатление цельности, завершенности высказывания.

Даже в прозе развернутое сложное предложение легко может стать (и действительно часто становится) основой, фундаментом речевого отрезка, смыслового куска. И, конечно, для этого вовсе не обязательно, чтобы смысловой кусок целиком укладывался в рамки или ограничивался рамками сложного предложения. Присоединение афористического суждения, добавление оригинального высказывания, обобщения и т. п. только увеличивает, подчеркивает композиционную законченность, как бы подводит черту. Добавление может быть и продолжением развертывания: в этом случае объясняется, раскрывается один из компонентов (слово или словосочетание) сложного предложения. В поэзии (благодаря ритмомелодическим средствам и способам подачи материала) еще более заметна оформляющая, структурно-композиционная роль такого построения.

Первые попытки освоения и проверки композиционно-стилистических возможностей временных предложений Пушкин предпринял в конце лицейского периода. Союзом *когда*, например, начинается стихотворение «Разлука» (1816). Он организует всю первую строфу:

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся —
Да! помню всё; я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль... и т. д.

Здесь даны почти все основные элементы построения, которые позже будут многократно и разнообразно использованы поэтом.

Налицо две группы элементов: одни задают структурные формы, синтаксическую основу высказывания, поддерживают и усиливают четкость синтаксической схемы; другие направлены на ее видоизменение и усложнение: отклонение от заданного фразового движения при сохранении общих его контуров обеспечивает выразительное изящество синтаксического узора. К первым относится повторение союза *когда*, синтаксический параллелизм конструкций, соотношенность обеих частей сложного предложения. Но одновременно приходится отмечать и случаи отклонения, нарушения «нормального» соответствия речевых фактов: союз *когда* мог бы быть повторен трижды, но в последнем случае он опущен, отчего заменившее его *и* приобрело дополнительный присоединительный смысл; синтаксический параллелизм заметен, но он не полный и не точный (внутренняя структура, семантика и объем параллельных компонентов различны); наконец, нормальное соотношение частей сложного предложения, типично характеризующееся формулой «когда — тогда», также осложнено эмоциональным всплеском: «Да! помню всё...»

Между двумя группами элементов устанавливается динамическое равновесие. Полное господство первых вело бы к однозначной простоте синтаксиса, значительное преобладание вторых вело бы к утрате синтаксической ясности, к разрушению той синтаксической «нормы», на фоне которой только и выразительны различные отклонения и экспрессивные усложнения.

*

В начале 20-х годов прошлого столетия *когда* — построения становятся основой ступенчатой композиции, которую так любил поэт. Лирическое развертывание представляет собою в этом случае последовательность замкнутых, объединенных смысловых звеньев. Синтаксический параллелизм и лексический повтор (возможны переключки и каламбурные соответствия) образуют фундамент объединяемых компонентов. Для такой композиции характерен быстрый зачин (но не описательные формы, не повествовательное начало), смысловые переходы, разрывы, скачки, неожиданные сближения и противопоставления; прежде всего — периодическое построение начала с ярко выраженным интонационно-мелодическим нарастанием. В этом отношении показательно стихотворное послание «Жуковскому» (1818):

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру

Нетерпеливою рукой;
 Когда сменяются виденья
 Перед тобой в волшебной мгле
 И быстрый холод вдохновенья
 Власы подымлет на челе,—
 Ты прав, творишь ты *для немногих*,
 Не для завистливых судей,
 Не для сбирателей убогих
 Чужих суждений и вестей,
 Но для друзей таланта строгих,
 Священной истины друзей...

Одно предложение, объединяющее, стягивающее несколько разнородных смысловых звеньев в компактное единство, занимает две трети произведения. Затем — тесно с ним связанное по смыслу эффектное завершение. Хорошо видны опорные (для движения мысли) элементы — как в лексике, так и в синтаксисе. Прежде всего разного рода повторы: анафорический, точный, синонимический, смысловой и проч. (Заметим, что в черновом варианте союз «когда» повторялся трижды). Вместе с тем строгая отмеченность основных логико-смысловых вех позволяет усложнить самое движение мысли, включить отрицание, противопоставление, отходы в сторону, использовать различные стилистические ходы и приемы, усложняющие композицию стихотворения. Той же цели служат вставки, включения второстепенных членов, увеличивающие разрывы между базовыми понятиями каждого компонента.

Так, между первым *когда* и прямо с ним связанным *ты держишь* стоит распространенный деепричастный оборот; затем повтор временного *когда*, и к нему присоединяется дополнительное звено, вводимое союзом *и*, в сущности заменившим очередное *когда* (ощутимо подразумеваемое), после ряда *когда* («Когда... Ты держишь... Когда сменяются...») появляется неожиданное «Ты прав...»; затем после «для немногих» естественно должна следовать конкретизация этого понятия — для кого? — «для друзей таланта», «для друзей истины», но эта последовательность нарушена, прямо связанные понятия отодвинуты повторенным отрицанием: «Не для...», «Не для...»

Главная линия работы Пушкина над ступенчатой композицией типа *когда* — внешнее упрощение схемы при ее внутреннем усложнении. Вершина этого приема — стихотворение «Демон» (1823):

В те дни, когда мне были новы
 Все впечатленья бытия —
 И взоры дев, и шум дубровы,

И ночью пенье соловья,—
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня...

Стихотворение не начинается союзом «когда», придаточные формально включены, вернее, обрамлены частями главного предложения. Это еще более подчеркивает единство целого, его замкнутость. Структура дополнительно осложняется цепочками однородных членов, однотипных присоединений, перечислений. Здесь также легко увидеть все основные черты и приметы ступенчатой композиции, указанные ранее; лексико-синтаксический параллелизм дополнительно подчеркнут связью базовых элементов периода («В те дни...— тогда...»), вершина периода отмечена характерным формально-синтаксическим сдвигом из-за препозиции распространенного деепричастного оборота, как бы удлиняющего первую часть периода, усиливающего заданное напряжение. Неброский, очень тонкий параллелизм можно заметить уже в строении временных придаточных: в обоих есть более или менее явное обобщение и его расшифровка (все впечатленья бытия — взоры дев, шум дубровы; возвышенные чувства — свобода, слава и любовь; причем одну строку может занимать перечисление, а к этому перечислению присоединяется распространенный член, занимающий целую строку, особо важный и особо выделенный; хотя основная схема в этих случаях проступает достаточно ясно, тем не менее отношения понятий нельзя квалифицировать однозначно).

Стихотворение построено так, что сначала преодолевается линейность построения, затем расплывается простой, примитивный параллелизм. Пушкин идет по пути структурно-смыслового усиления, усложнения; если иметь в виду общую поэтическую эволюцию, то можно сказать, что линейность развертывания сменяется параллелизмом (две линии развертывания), затем происходит спиральное усложнение линий развития смысла, наконец, достигается «объемность» текста.

Опираясь на естественные, природные свойства родной речи, Пушкин разрешил задачу создания строгой и стройной лирической композиции,

В. В. ОДИНЦОВ

Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО, тонкого и сложного художника-психолога, отличает постоянное стремление к предельно точному выражению мысли, желание донести до читателя максимально полный объем наиболее значимых слов, словосочетаний или целых конструкций. При этом в его прозе то и дело встречаются самые разнообразные повторы. Первое внешнее впечатление от изобилия повторяющихся слов весьма невыгодное: кажется, что автор допускает некоторую небрежность или незавершенность в языковом оформлении мысли. Но тем и замечателен Достоевский, что он держит читателя в постоянном напряжении мысли и чувства, и при таком напряженно внимательном чтении повторы приобретают значительное идейно-смысловое содержание и выполняют часто роль художественной детали в создании образа. Остановимся на них подробнее.

В романе «Преступление и наказание» имеют место лексические повторы, например: «Этот короткий жест даже поразил Раскольникова недоумением; даже странно было: как? ни малейшего отвращения, ни малейшего омерзения к нему, ни малейшего содрогания в ее руке!»; «— А жить-то, жить-то как будешь? Жить-то с чем будешь? — восклицала Соня»; «Если же в лесте даже все до последней нотки

ИДЕЙНО-
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ
НЕКОТОРЫХ
ПОВТОРОВ
В РОМАНЕ
ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ»

фальшивое, и тогда она приятна и слушается не без удовольствия; хотя бы и с грубым удовольствием, но все-таки с удовольствием» (Цитируется: Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1970). Эти лексические повторы служат усилению высказывания, акцентируют мысль читателя на наиболее важных, опорных словах предложения: *даже, ни малейшего, жить-то, удовольствие*.

Встречаются и синтаксические повторы, повторяющиеся конструкции и словосочетания: «Да, он был рад, он был очень рад, что никого не было...»; «Он сел на диване,— и тут все припомнил! Вдруг в один миг, все припомнил!». Можно вспомнить и классическую фразу Мармеладова: «идти больше некуда». Это безличное неоднократно повторяющееся предложение превращается в известный символ безысходности и человеческого отчаяния.

Особое место принадлежит морфологическим повторам, т. е. повторяющимся однокоренным словам, или приставкам, или суффиксам: «Он снял запор, отворил дверь и стал слушать на лестницу.

Долго он выслушивал... Он уже ступил было шаг на лестницу, как вдруг опять послышались чьи-то новые шаги. Эти шаги послышались очень далеко... Вот уж *он* прошел первый этаж, вот поднялся еще; все слышней и слышней! Послышалась тяжелая одышка входившего..., ...дверь разделяла их, а он прислушивался»; «Человек он умный, но чтобы умно поступать — одного ума мало»; «Преспokoйно бы перешагнул через все препятствия»; «...станет задумываться, запутываться, сам себя кругом запутает, как в сетях, затревожит себя насмерть!..»; «...Вот вы знаете, например, заранее и досконально, что сей человек, сей благонамереннейший и наиболее полезнейший гражданин...»

Очевидно, что в большинстве случаев как лексические, так и морфологические повторы служат выразительности и усилению высказывания.

*

Наблюдения показывают, что повторы не однозначны ни по своей грамматической структуре, ни по своим художественным функциям. Некоторые из них оказываются необходимыми, чтобы скрыть за ними главную мысль, которую по каким-либо причинам не называют.

«— Да, славная вещь,— ответил Раскольников, почти с насмешкой смотря на него.

— Славная вещь, славная вещь...— повторял Порфирий Петрович, как будто задумавшись вдруг о чем-то совсем другом,— да! слав-

ная вещь! — чуть не вскрикнул он под конец...». В данном случае *славная вещь* никакой собственной смысловой значимости не несет, но, повторяясь, заставляет предполагать нечто более важное, серьезное, скрытое за ней, что действительно занимает мысли и Раскольникова и Порфирия Петровича.

Иногда повторяющиеся слова наполнены разным смыслом. «Однако какая восхитительная девочка эта Авдотья Романовна! — заметил Зосимов, чуть не облизываясь, когда оба вышли на улицу.

— Восхитительная? Ты сказал восхитительная! — заревел Разумихин». Первое *восхитительная* — восторг, второе — недоумение, третье — угроза.

*

Известно, что словесная ткань, «создающая» художественный образ, отличается своими характерологическими признаками; и в этом смысле повторы (не только в микроконтексте, но и в тексте всего романа) часто являются своеобразным ключом к пониманию и оценке характера героя в целом или к постижению его состояния в данный момент. В этой связи надо отметить идейно-художественную специфику повторов Достоевского при лингвистическом анализе образа Раскольникова.

Местоимение *я*, повторяющееся в его речи, как бы фокусирует в себе эгоцентрические помыслы человека, который решает: «...тварь *я* дрожащая или право имею».

«— Да что же это я! — продолжал он, восклоняясь опять и как бы в глубоком изумлении, — ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего ж я до сих пор себя мучил? Ведь еще вчера, вчера, когда я пошел делать эту... *пробу*, ведь я вчера же понял совершенно, что не вытерплю... Чего ж я теперь-то? Чего ж я еще до сих пор сомневался? ...

— Нет, я не вытерплю, не вытерплю! Ведь я все же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!..»

Аналогичную идейно-художественную функцию выполняет частое использование автором числительного *один*. Отчужденность Раскольникова от людей, его разобщенность с миром, которому он противопоставляет себя как необыкновенную личность, его одиночество как бы символизируется многократно повторяющимся числительным *один*, причем как в речи самого Раскольникова, так и в речи автора.

«Я никого, никого теперь не боюсь! Прочь от меня! Я один хочу быть, один, один, один!»; «Оставьте меня! Оставьте меня одного! Я так решил, еще прежде... Что бы со мною ни было, погибну я или нет, я хочу быть один»; «...Он бы дал все на свете, чтоб ос-

таться одному; но он сам чувствовал, что ни одной минуты не пробудет один».

Числительное *один*, являясь семантической доминантой этого текста, содержит в себе всю глубину психологических противоречий, которые составляют в значительной степени меру «наказания» Раскольникова за его «преступление».

Нельзя не обратить внимания на часто повторяющиеся и весьма характерные для поведения, состояния и мировосприятия героя слова *гордость и самоуверенность, смерть, ужасно, негодование, ненависть, ослабел, дрожал*.

Это свойственно и для характеристик других героев романа.

К интересным выводам приводят наблюдения над глаголом *смеяться* и родственными ему словами, которые около шестидесяти раз повторяются при описании трех свиданий Порфирия Петровича, пристава следственных дел, и Раскольникова, занимающих небольшое место в романе.

Первой встрече Раскольникова с Порфирием предшествует разговор Раскольникова с Разумихиным. Достоевский пишет: «Раскольников до того смеялся, что, казалось, уж и сдержать себя не мог, так со смехом и вступили в квартиру Порфирия Петровича. Того и надо было Раскольникову: из комнат можно было услышать, что они вошли смеясь и все еще хохочут в прихожей... Он вошел с таким видом, как будто изо всей силы сдерживался, чтобы не прыснуть как-нибудь со смеху».

Еще до встречи с Порфирием Раскольников намечает, продумывает манеру общения с ним, хочет придать этому общению характер непринужденности, даже несерьезности, исключая какой бы то ни было мысль о причастности Раскольникова к событиям, связанным с убийством.

Эти слова: *смех, смеялся, насмешка, досмеивался, рассмеялся, насмешливое, подсмеиваешься, усмехнулся, усмешка*, — часто повторяющиеся, создают совершенно определенный фон, внешний по крайней мере, на котором и происходит единоборство преступника и следователя, людей, стоящих по разные стороны черты закона, но достойных друг друга по остроте мышления и тонкости умозаключений.

Однако тон этот задает Раскольников, и эта «игра» в веселую непринужденность, при которой уместно «поминутно смеяться», предложена не Порфирием, а Раскольниковым. При первом свидании Порфирий буквально подхватывает предложенную Раскольниковым манеру вести разговор «смеясь», этот текст пзобилует словами, родственными слову *смех*, причем, кроме повторов, усиливающих это настроение, используются еще и близкие по смыслу *хохотать, шутить, весело* и даже междометия *ха-ха, хе-хе*,

Интересен и тот факт, что во время второго свидания, когда еще неизвестно, кто кого одолеет, количество повторяющихся «смешных» слов не уменьшается, а количество междометных синонимов даже увеличивается.

Третья, кульминационная, встреча имеет совсем иной характер: Порфирий совершенно уверен, что Раскольников — убийца, но не может этого доказать, у него нет улик, без признания Раскольникова он профессионально беспилен; а Раскольников отлично понимает, что с юридической стороны победа за ним. И весь этот разговор строится в ином ключе — нет ни легкости, ни игривости, ни стремления сыграть «роль», чтобы ввести в заблуждение друг друга; это серьезный, глубокий и грустный разговор.

Глагол *смеяться* употребляется здесь только восемь раз, причем в трех случаях, как воспоминание Порфирием Петровичем первого «смеха» Раскольникова, а в остальных случаях относится более к характеристике настроения Раскольникова, хотя произносит их Порфирий: «Вы, может быть, на такие мои слова рассмеетесь»; «Право-с, вы не смейтесь, что я так его изъясняю».

Даже формальный подсчет исследуемых слов показывает, что по отношению к Раскольникову автор употребил их больше, а по отношению к Порфирию Петровичу — меньше. Иначе говоря, «коварство», «глумление», которые как будто бы допускает Порфирий, адресуются не менее «коварному» и циничному поведению Раскольникова.

*

Наблюдения над повторами в романе «Преступление и наказание» прекрасно подтверждают слова А. В. Чичерина, что «Достоевский работал судорожно, поспешно и в то же время в высшей степени сосредоточенно и напряженно. Он упорно, как Бальзак и Толстой, по многу раз передумывал, перестраивал, он постоянно добивался совершенства. И внимательный читатель нашего времени все более и более ясно видит, как в своем сложном творении, полном противоборства, Достоевский достигает своего рода поэтической гармонии» (Чичерин А. В. «Поэтический строй языка в романах Достоевского». В кн.: Творчество Достоевского, М., 1959, с. 444).

О. И. МЕНШУТИНА

К 90-летию
К. Г. Паустовского

ЗОЛОТОЙ ОТВЛЕСК

В повести «Золотая роза», посвященной тайнам писательского труда, Константин Георгиевич Паустовский сравнил литературу с липовым цветом, запах которого, не ощутимый вблизи дерева, слышен только на расстоянии: «Настоящая литература — как липовый цвет. Часто нужно расстояние во времени, чтобы проверить и оценить ее силу и степень ее совершенства, чтобы почувствовать ее дыхание и неумирающую красоту». Именно так случилось и с сочинениями самого писателя. Его повести и рассказы не потускнели от времени. Напротив, когда спустя годы перечитываешь их, они поражают по-новому, пронзительно и остро, заставляя увидеть красоту в самом простом и обыденном. Недаром В. Солоухин назвал К. Г. Паустовского романтиком. Да и сам писатель говорил в автобиографических заметках, предпосланных собранию его сочинений: «Мне кажется, что одной из характерных черт моей прозы является ее романтическая настроенность». В другом месте, говоря об «облагораживающей силе романтики», он высказывался еще определеннее: «...я не ушел от романтики и никогда от нее не уйду — от очистительного ее огня, порыва к человечности и душевной щедрости, от постоянного ее покоя...»

Когда же родилось в душе

писателя это романтическое восприятие действительности? Может быть, в начале века, когда семилетний мальчик нашел под новогодней елкой книгу сказок Г. Х. Андерсена, и великий датский сказочник, ожив в его воображении, «достал из кармана белоснежный душистый платок, встряхнул им, и из платка вдруг выпала большая белая роза. Сразу вся комната наполнилась ее серебряным светом и непонятым медленным звоном. Оказалось, что это ввенят лепестки розы, ударяясь о кирпичный пол подвала, где жила тогда наша семья» (Сказочник). Может быть, именно тогда пробудилось в Паустовском то редкостное писательское воображение, о котором он сказал позднее необычайно поэтично и точно: «Только в воображении можно смеяться вместе с Пушкиным, пожать сухощавую руку Диккенса и найти в замерзшем ручье голубые цветы Офелии».

Между тем его рассказы и повести населены обыкновенными людьми, в них сияет неяркое солнце русского Севера и трогательная, неброская красота рязанской Мещеры. Порой они даже напоминают не рассказы, а блистательно написанные очерки. И тем не менее в них живет романтика, но романтика особенная — та, которая «уходит корнями в жизнь и питается ее соками». Ведь серебряные лепестки волшебной розы Андерсена падают на каменный пол самого прозаического подвала... Так необыкновенное соприкасается с обыденным. Может быть, именно в этом и состоит главный секрет творческого метода К. Г. Паустовского — в органичном соединении поэзии и прозы живой жизни, в его удивительном умении заставить читателя увидеть красоту в самых простых и обыкновенных вещах.

Некая магия заключена и в языке произведений К. Г. Паустовского. В автобиографической повести «Время больших ожиданий» писатель заметил: «Патетический язык почти забыт. Современная жизнь требует простых выражений». К. Г. Паустовский не сразу пришел к той высокой простоте выражений, которая отличает его прозу.

В зрелые годы в рассказе «Ветер скорости» он о новом, глубоком и сильном постижении жизни писал: «Окончилась мнимая

погоня за недостижимым. Оно оказалось незаметно достигнутым в каждом простом явлении: в замухрышном цветке, в крике гагар, в смеющихся глазах женщин, в тишине бесконечных сосновых лесов». Новые задачи требовали от писателя языка одновременно простого и поэтичного. И Паустовский был подлинным мастером слова, как бы озаренного внутренним светом поэзии. Эпитет приобретает многомерность, становится объемным. Как интересно обыгрывает писатель сочетание *белые цветы* в рассказе «Слепой повар», где Моцарт говорит умирающему старику: «Неужели вы не видите,.. что ночь из черной сделалась синей, а потом голубой,.. и на старых ветках ваших деревьев распускаются *белые цветы?*». Эти белые цветы кажутся дочери старика Марии белыми яблонями. Это — романтический полюс. Но в заключительной фразе рассказа вымысел неразрывно переплетается с действительностью: «Когда она [Мария] выпрямилась, старик был уже мертв. Заря разгоралась за окнами, и в ее свете стоял сад, засыпанный *цветами мокрого снега*».

Подводя итог своих творческих исканий в повести «Золотая роза», К. Г. Паустовский посвятил языку художественной литературы главу под названием «Алмазный язык», где очень точно и образно говорится о поисках слова, о языковом творчестве.

Мертвые, пошлые, пустые слова, языковые штампы К. Г. Паустовский ненавидел. Он даже мечтал о таком словаре, который учил бы, как не надо говорить, где были бы собраны все «мусорные и мертвые слова», куда следовало бы поместить «всю канцелярщину и пошлость, засоряющие русский язык». Свое отношение к подобным словам писатель превосходно выразил в рассказе «Колотый сахар»: «За мной увязался толстый равнодушный человек, стриженный бобриком... Говорил он косноязычно, как бесталанный хозяйственник: «лимитировать расходы на дорогу», «сделать засъемку», «перекрыть нормы по линии лесосплава» ...Небо выцветало от скуки от одного присутствия этого человека». Подобная лексика как нельзя лучше выражала духовную бедность, серость этого героя, о котором писатель недаром сказал: «равнодушный человек».

Как же найти настоящие, подлинные, живые слова, полные глубокого смысла и поэзии? «В поисках слова,— писал К. Г. Паустовский,— нельзя пренебрегать ничем. Никогда не знаешь, где найдешь настоящее слово» (Золотая роза). Сам он искал их постоянно, всю свою писательскую жизнь. Так, работа над произведениями из жизни моряков заставила его обратиться к старым морским лоциям, издававшимся с начала XIX века. За «неуловимо своеобразным языком этих документов» разглядел писатель вечную изменчивость слова, его «движение во времени»: «...каждое поколение моряков вносило в них свои поправки. Поэтому вся картина изменения языка больше чем за сто лет с полной наглядностью отражена в лоции. Рядом с современным языком мирно существует язык наших прадедов и дедов» (Золотая роза). За названиями судов, судовых снастей, морских ветров увидел Паустовский ту «крылатую романтику», которая как нельзя лучше отвечала духу его произведений: «Кара-Бугаз», «Северная повесть» и т. п. Почти о каждом таком слове, считал писатель, «можно писать поэмы...»

К. Г. Паустовский мечтал о словарях, которые бы дополнили и обогатили уже существующие. Особенно занимала его мысль о словаре, связанном с природой, где были бы разделы, содержащие слова «лесные» и «полевые», обозначающие растения и животных, времена года, разные природные явления и т. д. Такие слова Паустовский искал и записывал специально. Первые подобные записи были связаны с лесом, особенно притягательным для человека, выросшего в степной полосе. Своей поэтичностью привлекало его, например, слово *глухомань*, впервые услышанное от лесников. Он записал множество других слов, связанных с лесом и «наполненных живописным содержанием»: *осинник, мелколесье, гари, чернолесье, пустошь, корье, живица, кондовая сосна, дубрава...* В них была заключена своя, особенная поэзия. Истинную поэзию находил К. Г. Паустовский и в словах, связанных с временами года: *распутица, ростепель, подвижка льда, лунки, продухи, проруби*. Как, например, очень точным представлялся ему глагол *сентябричь*, передающий состояние природы в самом начале осени, или название холодного северного ветра — *сиверко* и т. д.

Однажды, по воспоминаниям Паустовского, он целое лето посвятил изучению цветов и трав: «Я узнавал их названия и свойства по старому определителю растений и заносил это в свои записи» (Золотая роза). Занятие это, помноженное на редкую наблюдательность писателя, привело к появлению в его произведениях огромного количества названий растений с такими краткими и точными описаниями их, которым мог бы, пожалуй, позавид-

довать любой ботанический справочник. Примером может служить хотя бы рассказ «Во глубине России», где читатель находит буквально «охапки» цветов и трав. Тут и «ядовитый цветок *мола* с полым сочным стволом толщиной в человеческую руку», и «огромные желтые *ирисы* с мечевидными листьями», и «широкие, как сабли, листья *аира*», и «белые плавучие цветы *водокраса* с красноватой сердцевинкой», и «дикая рябинка с тугими желтыми соцветиями». Описания Паустовского так точны, что по ним можно почти безошибочно узнать то или иное растение.

Слова порой завораживали писателя, и он с редкостным упорством доискивался их сокровенного смысла. Он всегда старался вскрывать и довести до читателя особый поэтический подтекст слова. Так было, например, со словом *благословение*, о котором писатель сказал поэтично и просто: «Есть старое, давно уже изъятное слово — благословение. Его легче почувствовать, чем объяснить. Благословение — это благодарность и напутствие всему хорошему, что будет жить, когда тебя уже не станет. Это, наконец, преклонение перед красотой земли, когда, уходя, любишь все...» (Ветер скорости). И старое, полузабытое слово заиграло перед читателем свежими и чистыми красками.

Паустовский, как и многие другие выдающиеся русские писатели, учился простоте и точности выражения у народа. «Я знал нескольких паромщиков и перевозчиков. Вот у кого нужно учиться русскому языку!» — писал он в „Золотой розе“. Однако это вовсе не означает, что писатель призывал брать из диалектов все, что попадет под руку. Напротив, он считал, что «злоупотребление местными словами обычно говорит о незрелости и недостаточной грамотности писателя. Слова берутся без разбору, мало понятные, а то и вовсе непонятные читателю, берутся больше из щегольства, чем из желания придать живописную силу своей вещи» (Золотая роза). В этом отношении позиция К. Г. Паустовского смыкается с позицией, занятой А. М. Горьким и А. Н. Толстым в дискуссии, развернувшейся на страницах «Литературной газеты» в 1934 году, когда А. М. Горький критиковал Ф. Панферова за искажение и васорение русского литературного языка «местными речениями».

Тогда, выступая в поддержку А. М. Горького, заботясь о чистоте русского литературного языка, А. Н. Толстой писал: «В самом деле, нельзя представить себе, чтобы профессор русского языка в Оксфорде... втолковывал студентам глагол «выкулдыкивать»... Сегодня «выкулдыкивания» не простит нам ни наш читатель, ни читатель зарубежный» (А. Толстой. Нужна ли мужицкая сила?).

Продолжая этот разговор, начатый писателями в 30-е годы, К. Г. Паустовский учил молодых прозаиков: «Существует вершина — чистый и гибкий литературный язык. Обогащение его за счет местных слов требует строгого отбора и большого вкуса» (Золотая роза). Проза К. Г. Паустовского является образцом подобного «строгого отбора». Неискушенный читатель нередко даже не подозревает, что в этой прозрачной и прекрасной прозе существуют и народные, диалектные слова. Они так естественно и органично «вписываются» в художественную ткань произведений писателя, что становятся их неотъемлемой частью, не требуя ни сносок, ни специальных пояснений, всегда понятные читателю, ибо «одно непонятное слово может разрушить... самое образцовое построение прозы» (Золотая роза). К. Г. Паустовский считал, что слово «должно быть поставлено в такой связи со всеми соседними словами, чтобы значение его было ясно читателю сразу, без авторских или редакторских ремарок» (Золотая роза). Как же добывается этого писатель?

Иногда Паустовский, прямо указывая в тексте на диалектную принадлежность слова, выделяет его кавычками как не принадлежащее русскому литературному языку: Это был тихий человек, похожий на мальчика, болезненный — „*квелый*“, как говорили по деревне (Стекольный мастер); Кое-где на мшарах видны песчаные бугры, поросшие сосняком и папоротником, — бывшие острова. Местные жители так до сих пор и зовут эти бугры «*островами*» (Мещорская сторона). Иногда кавычки отсутствуют, но в самом тексте сохраняется указание на местное происхождение слова: «...между кочками, там, где кисла рыжая вода, торчали острые, как колья, корни берез. Их зовут в Мещорском крае *колками*» (Мещорская сторона). При этом контекст вскрывает образную природу диалектного слова: колки — острые, как колья, корни берез. Иной раз писатель как бы «приучает» читателя к незнакомому слову, чтобы затем многократно и многообразно использовать его в тексте произведения. Так, в рассказе «Мещорская сторона» слово *мшары* поначалу появляется без всяких пояснений, в речи местного жителя: «...за Музгой подавайте круто к холмицу, а за холмищем — дорога известная — через *мшары* до самого озера». И лишь несколько страниц спустя писатель вновь возвращается к заинтригованному читателя слову — в разделе, который так

и называется: «Мшары». Здесь впервые раскрывается значение слова: «К востоку от боровых озер лежат громадные мещорские болота — мшары». И далее К. Г. Паустовский использует это слово весьма свободно, уже не подчеркивая его местного характера, но попутно не забывая указать на родство его с существительным *мох*: «Всю ночь мшары дышали лекарственным запахом мокрого мха».

В иных случаях диалектная лексика так искусно вкраплена в текст произведения, что почти перестаешь замечать ее диалектную природу: на первое место выступает уже не «местный колорит», а яркая художественная образность, свойственная слову. «Вода в Солотче красного цвета. Такую воду крестьяне зовут *суровой*»; «И почему-то в такие ночи созвездие Плеяд называешь *Стожарами*, а слово *полночь* приобретает здесь настоящий смысл» (Мещорская сторона). Действительно, народное название созвездия Плеяд — Стожары — куда образнее и поэтичнее общепринятого. Иногда К. Г. Паустовский вовсе не объясняет значения слова, но ставит его в такие контекстные условия, когда оно уже и не требует истолкования: «И хозяйка-старуха пожаловалась, что вот уже много годов, как никто не тклет полотна, а прялками, как „ляльками“, играют дети» (Ветер скорости); «Нагретый воздух над цветами „мрел“ и качался...» (Во глубине России); «У каждой коровы бреччал на шее медный „болтун“» (Кордон «273»). Непонятных читателю слов автор не использует даже в речи героев — крестьян. Диалектные слова в этих случаях обнаруживают столь очевидное «родство» с общенародными, что без труда воспринимаются читателем (сумлеваться, пужаться, послушать, ужасти, покуль, издаля, запрошлый год и т. п.).

В «Золотой розе» К. Г. Паустовский сказал: «Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли». Эти слова с полным правом можно отнести и к самому писателю, чей светлый, добрый и поэтический талант был отдан «без остатка России — ее лесам и деревушкам, околицам и пням». Он много писал о людях искусства, о самом искусстве, которое бросает на нас свой «золотой отблеск». «Золотой отблеск» удивительного таланта писателя-художника, увидевшего подлинную поэзию реальной жизни, всегда будет ощущать каждый, кто читает его произведения.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

Рисунки В. Леонова

В ЧЕМ СИЛА СЛОВА?

Не все ли равно, как сказать: профилактическая медицина или предохранительная медицина? И все же наиболее опытные учителя и ораторы отдают предпочтение слову «предохранительная» или «предупредительная». Не только потому, что русское слово известно всем, а иностранное, может случиться, кое-кому еще неизвестно (в переводе с греческого «профилактика» и означает «предохранительный», то есть совокупность мероприятий для предупреждения заболеваний). Есть причина более важная. Сама жизнь доказала, что воздействие русского слова на русского человека намного сильнее.

В свое время было общепринятое понятие «сестра милосердия». Потом его заменили официальным — «медицинская сестра», что, мне кажется, не очень-то удачно, ибо слова «сестра» и «милосердие» более душевные, более емкие.

Заночевал я как-то в одной деревне у знакомого колхозного бригадира. За ужином, глянув на часы, я попросил включить телевизор. «Сейчас, — говорю, — должна быть интересная передача. Давайте послушаем». «С тобой — со всей охотой: уразуметь поможем», — согласился хозяин дома, включая свой цветной

телевизор. «А без меня? Разве не слушаете?» «Слушать-то слушаем, но часто без удовольствия. Уж чересчур мудрено толкуют. Иной раз без толмача не сразу что к чему в толк возьмешь, будто с чужеземцами говорят».

В передаче шла речь о важных событиях. Все за столом притихли. И в самом деле было досадно, комментатор нисколько, как мне показалось, не учитывал, что многим его слушателям более понятны, а значит, и более приятны, полезны, нужны слова русские, а не иностранные. «Мобильные стратегические резервы на позитивных конструкциях», — общалось с экраном. «Разве что поймешь?» — тоскливо хмурился бригадир.

Поневоле тоска возьмет: из шести слов в услышанной фразе пять иностранных, а русское только одно, предлог «на», лишь для связки, на подмогу. Как тут не заохаеть: «Вот те на!» А комментатор продолжал: «Одни политики стараются дистанцироваться от других. Если ретроспективно проанализировать политику...» Передачу уже не слушали, она шла сама по себе, слова пролетали мимо ушей, холодные, непонятные, слова, от которых веяло чем-то чужим, не задевающим за сердце.

В самом деле прав бригадир: хоть переводчика зови. Но ведь у каждого телевизора толмача не посадишь.

Запущенные пороки речи, как поветрие, изживать, конечно, бывает не так-то легко. Помните, в тридцатые годы мой однодеревенец Андрей Сергеевич Горбачев, немного поработавший на шахте в Юзовке, вернулся домой, стал зазывать всех в колхоз. Перед каждой сходкой он заходил в нашу ШКМ (школу крестьянской молодежи), брал с собой несколько старшеклассников (и мне ходить с ним приходилось), а по дороге наказывал: «Если меня бить начнут,— антагонизм, сами знаете, какой,— сразу в сельсовет бегите». На сходках он то и дело повторял одни и те же слова: «Товарищи, антагонизм — это позор, а в колхозе не будет антагонизма, и ради ликвидации антагонизма все — в колхоз! И чтоб без антагонизма!» Бабы и мужики начинали шуметь и судачить: «Ишь как ученость свою выказывает, даже непонашенски колхоз восхваляет,— как бы не обмишулиться». Оратор не сдавался, призывал: «Товарищи, прекратите свой антагонизм!» И опять — в который раз — объяснял, что жизнь с антагонизмом — это плохо, а без антагонизма — хорошо.

Учитель Иосиф Адамович Кандыба бывало советовал: «И далось же тебе, Андрей Сергеевич, это чужеродное словечко, забудь ты его, говори попроще, люди лучше понимать будут». При встрече с учителем Горбачев сам себя осуждал: «Вот прилипла словесная короста к языку, хоть керосином отмывай». Учитель ликовал: «Видишь, как хорошо

про словесную коросту сказал. Умри, Денис, лучше не скажешь: словесная короста. Вот так же попросту про все толкуй — и про жите-быте, и про колхоз, и про политику, чтоб у нас с тобою один говор с народом получился».

Полезно, на мой взгляд, вспомнить ленивскую точку зрения, высказанную в статье «Об очистке русского языка (Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)». Владимир Ильич возмущался: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?..

Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя...

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 49).

Это ленинское требование, впервые напечатанное в «Правде» 3 декабря 1924 г., полезно помнить всем и тем паче тем людям, которые имеют честь быть агитаторами, культработниками.

Огромное словарное богатство русского языка позволяет всем советским людям, не прибегая без надобности к иностранным словам, говорить всегда просто и мудро.

ПЕТР ДУДОЧКИН
Калинин

КУЛЬТУРА ЯЗЫКА — НАША ОБЩАЯ БОЛЬШАЯ ЗАБОТА

Однажды я обратился к незнакомому, но, как казалось, очень образованному человеку с вопросом: «Хорошо ли Вы говорите по-русски?». И получил в ответ: «Да, в совершенстве». А я подумал про себя: «Какой же ты самоуверенный человек». Дело в том, что говорить на том или ином языке в совершенстве, как и владеть им в совершенстве, вообще невозможно. Язык безграничен в своих ресурсах, он непрерывно развивается. Справочник «Новое в русской лексике», вышедший в прошлом году (изд-во «Русский язык»), отмечает 2300 новых слов, новых значений старых слов, новых терминов и новых словосочетаний, зарегистрированных на протяжении всего лишь одного, 1978 года. Поэтому нужно говорить только о стремлении владеть языком лучше, чем мы владели им раньше, год тому назад, совсем, совсем недавно.

*

Как-то я слушал по радио передачу для детей «В мире животных». Научный сотрудник московского зоопарка интересно и увлекательно рассказывал о том, какие у медведицы в неволе родились двое медвежат и какие они забавные. И вдруг прозвучало: «Новорожденные чувствуют себя хорошо». Я немедленно выключил радио. И все из-за того, что ударение на одном слове было поставлено неправильно. Конечно же, следует говорить *новорождённый*. Вспомним Максима Горького — «рождённый ползать летать не может». Ударение остается на том же слогe и в *новорождённый*. Так была испорчена передача, задуманная интересно,

А вот случай из собственной практики. Читая лекцию о культуре языка в подготовленной аудитории, я неожиданно для самого себя поставил неправильное ударение на слове (*принявший* вместо правильного *принявший*) и сейчас же заметил насмешливые огоньки в глазах моих слушателей — «ишь поучает, а сам...». Я почувствовал, что потеряю внимание и доверие аудитории, если не исправлю ошибку. Пришлось извиниться и повторить все предложение с правильным ударением. Все сказанное относится, разумеется, не только к ударению, но и к языку в целом — ко всем его формам и категориям, к стилистике речи и к ее интонации.

Очень часто ошибочно рассуждают так: о «красотах» языка и стиля пусть заботятся филологи и писатели, а нам, представителям техники, физики и математики, рабочим и служащим, это совсем и не нужно, когда мы пишем, с нас достаточно одной только точности. Но дело в том, что добиться точности невозможно без точности в выражении мысли, которое и требует активного отношения к языку как средству передачи наших мыслей и чувств, замыслов и намерений.

Филолог академик А. С. Орлов, специалист по древней русской литературе, создал целый панегирик о красоте русского языка в книгах академика-кораблестроителя и механика Алексея Николаевича Крылова. Казалось бы, для чего кораблестроителю и механику думать о красоте выражения в своих весьма специальных исследованиях? А. С. Орлов же называл этого знаменитого механика «большим знатоком русской речи».

А вот раскройте книгу другого нашего выдающегося ученого — академика С. И. Вавилова — «Глаз и солнце». Эта книга недавно вышла уже десятим изданием. Она написана не только просто и ясно, но и изящно. Ее автор прекрасно понимал и возможности русского языка, и трудности, возникающие перед каждым, кто берется за перо. Результат — огромная благодарность читателей этой талантливой книги, от которой невозможно оторваться.

Как видим, проблема культуры языка — это не только проблема филологов и писателей, но и наша общая проблема, проблема всех читающих и пишущих людей. Она же обращена и к нашей школе: все учебники, создающиеся для средней и высшей школы, должны быть написаны тем точным, ясным и прозрачным языком, которым умели владеть выдающиеся представители нашей культуры. Об этом не так давно ярко и убедительно рассказали хорошо известные ученые — математик Л. С. Понтрягин (Коммунист, 1980, № 14) и филолог Л. И. Тимофеев (Лит. газета, 1981, 11 ноября).

Большие ученые, независимо от их непосредственной специальности, всегда протестовали против так называемого гелертерского («ученого») стиля изложения, увы, весьма распространенного

среди многих наших современных специалистов. Между тем против такого стиля научного изложения много раз выступал В. И. Ленин. Всемирно известный датский физик Нильс Бор высмеивал любителей неясно выражать свои мысли с помощью такой притчи: один простолоудин решил прослушать три лекции знаменитого мудреца. Делясь своими впечатлениями после этих лекций, простолоудин сказал: первую лекцию и я и мудрец поняли, вторую лекцию понял только мудрец, что же касается третьей лекции, то ее и сам мудрец совсем не понял.

Как тут не вспомнить великолепного завета Суворова — «яв обременять слог элоквенцией!», то есть не осложнять его без всякой надобности.

Все это совсем не так очевидно, как часто считают. Вот только одно доказательство. Совсем недавно я услышал из уст хорошо известного филолога рассуждение о том, что лингвисты не должны писать просто и ясно, ибо в этом случае представители физико-математических наук будут считать, что лингвистика — легкая наука. Между тем лингвистика — трудная наука, поэтому и писать надо трудно. Таково было заключение моего собеседника. Как тут не вспомнить проникновенных слов Герцена: «Трудных наук нет, есть только трудные изложения». К большому сожалению, эту бесспорную истину понимают немногие ученые, в том числе и немногие филологи.

Разумеется, чтобы понять лекцию на специальную научную тему, требуется соответствующая подготовка. Это бесспорно. Но очень многое зависит здесь и от формы изложения. Как говорил прекрасный русский поэт Александр Твардовский, «легкость письма» достигается совсем нелегкой работой над языком и стилем, достигается в процессе упорных и постоянных поисков простейших средств выражения.

*

Культура языка шире культуры речи. Первая относится не только к звучащей речи, но и к тексту, тогда как культура речи — это прежде всего речь звучащая. Но и в том, и в другом случае проблема не сводится к спорам об отдельных словах и отдельных выражениях, как часто считают. Спрашивают, например, можно ли употреблять такие слова, как *симпотяга*, *речуга*, *промокашка*, *накладка*, или нельзя. Пуристы готовы их запретить, и совершенно напрасно. Язык, как известно, существует не только для передачи наших мыслей, но и наших чувств, которые могут быть и бесконечно разнообразными, и бесконечно многообразными. И норма языка не имеет никакого права с этим не считаться. Вместе с

тем та же норма требует сознательного отношения к языку. И здесь если и возникает противоречие, то это жизненное противоречие, которое разрешается в процессе функционирования языка. В одних случаях, например, сказать *страшно хочется* вполне естественно, в других — не совсем удобно. Назвать своего друга *симпатягой* очень мило, но обратиться к малознакомому человеку с таким наименованием — едва ли возможно. Вот здесь-то и обнаруживается то активное и сознательное отношение к ресурсам языка, которое и составляет сущность самой культуры языка.

Но часто выдвигаются и контрдоводы: всякий живой язык непрерывно развивается, развивается и изменяется также и его литературная норма, так стоит ли ее изучать, да еще тратить усилия на размышления о ее природе? На этот, часто возникающий вопрос следует ответить односложно: да, несомненно стоит, — при условии, если данное лицо желает хоть в какой-то степени владеть языком.

Дело в том, что самый процесс развития литературной нормы невольно заставляет нас следить за развитием языка в целом, а это усиливает нашу позицию — позицию сознательного отношения ко всем процессам, происходящим в языке. Подобное отношение обнаруживается и в большом, и в малом. Когда мы, например, теперь постоянно слышим выражения «порядка двух недель» или «порядка трех кило» (в смысле «примерно через две недели», «около трех кило»), то такие словосочетания, ставшие, к сожалению, уже штампами, несколько не обогащают ресурсов языка, а поэтому и должны оцениваться отрицательно. К тому же и эстетически (хотя этот вопрос отнюдь не простой) подобные штампы оказываются ненужными. И несмотря на то, что язык без определенного количества штампов обычно не обходится, бездумно увеличивать их количество, разумеется, не следует. Надо всегда помнить, что «штампованность языка» и выразительность языка в широком смысле — это всегда стилистические антиподы.

Создается, однако, совсем иная картина, когда в наш язык, в его литературную норму, проникают, например, такие выражения, как *мягкая посадка*, *телепутешествие* или *передвижная лаборатория*. Нельзя при этом не видеть процесса обогащения языка, обусловленного самой нашей жизнью, самой реальностью. В этом случае и эстетика языка не претерпевает никакого урона. Подлинно новое, подлинно нужное оказывается и подлинно красивым. И хотя между подлинно новым и подлинно красивым отношения могут быть и значительно более сложными, нельзя отрицать, как это теперь часто делают, само наличие подобных отношений, подобной связи.

Не следует забывать и о большом социальном значении литературной нормы языка. Вспомним тургеневского разночинца Базарова (*Отцы и дети*) с его *принципами* и аристократа Павла Кирсанова с его *принципами*. Корней Чуковский как-то тонко заметил, что чеховский Гуров (*Дама с собачкой*) не захотел бы познакомиться с Анной Сергеевной, если при первой встрече она, обращаясь к своему любимому шпицу, сказала бы *Ляж!* вместо необходимого *Ляг!* Здесь отклонение от нормы приобретает уже иной характер и оценивается нами иначе.

Вместе с тем владеть литературной нормой языка — это еще, разумеется, не означает уметь хорошо писать и хорошо говорить. Это только как бы начало большой работы над языком. Но только владея литературной нормой, можно в необходимых случаях и сознательно отступать от нее. Об этом, в частности, хорошо и убедительно писал в свое время наш выдающийся филолог Л. В. Щерба. Я же здесь только напомним строки поэта Николая Рыленкова:

Пускай угрюмые догматики ворчат.
Я к этому привык...
Я до сих пор еще грамматике
Нет-нет и покажу язык...

Мы же в свою очередь вспомним незабываемое изречение Пушкина: «Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю». Но уже совсем в другом плане предостерегал всех нас К. Паустовский. В своей прелестной «Золотой розе» он воссоздает такой воображаемый диалог: «Вы, говорят, вроде книги пишете? Да, пишу. Значит, соображение слов у Вас должно быть обдуманное». Культура языка и опирается на подобное «соображение слов», на изучение всех ресурсов языка.

Иногда удивляются, почему вопросы, относящиеся к культуре языка, возникают постоянно, периодически. Но в этом нет ничего удивительного. Живые языки, в особенности языки, на которых говорят миллионы людей, настолько быстро развиваются, что и вопросы, относящиеся к подобному развитию, возникают вновь и вновь. В предшествующих строках я стремился показать, почему проблема культуры языка должна интересовать не только филологов и писателей, но и всех, кому дороги судьбы родного языка, а, следовательно, и судьбы родной культуры.

Р. А. БУДАГОВ

О СВОЕЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНАХ

Если взглянуть на корневую часть в словах-терминах с точки зрения их происхождения, то нетрудно заметить, что они неоднородны. Генетический принцип позволяет выделить две основные группы терминов — с иноязычным корневым составом и своеязычным. В настоящей статье речь пойдет о своеязычных

Своеязычные термины состояются из исконно русских слов, корень которых может быть связан не только с современным этапом развития языка, но и с его историческим состоянием. Словообразовательная структура своеязычного термина прозрачна, поэтому такие термины часто называют семантически (по смыслу) правильными: *глубокоснежье, грибовище, высев* (злаков, семян), *деревообработка — деревообработчик, древесностружечные плиты, заиление* (реки), *замор* (рыбы), *кормность угодий, крепяж* (лесоматериал для крепления), *ливневый снег* (у метеорологов), *молодь* (рыбы), *неудобь, неудобья* (непригодная для посевов, пастбищ и сенокоса земля; неудобный рельеф местности для строительства; неудобная по рельефу, труднодоступная местность вообще), *островные леса* (в лесостепной зоне) и мн. др.

В полном объеме своего смысла термины понятны узкому кругу специалистов и служат нуждам их профессионального общения. Вместе с тем в эпоху НТР употребление терминов в прессе, на радио и телевидении — явление обычное; они невольно остаются в языковой памяти неспециалистов и таким образом вводятся в активный и все расширяющийся оборот. Выход же термина за пределы терминологической системы в общее употребление — это как бы вторжение единицы одной языковой системы (терминологической) в другую (литературного языка). Здесь неизбежны трудности взаимопонимания между специалистами и неспециалистами (см. статью «Термин в газете». — Русская речь, 1980, № 1).

Своеязычные термины занимают особое положение. Появление их в той или иной терминосистеме осуществляется путем специализации общерусских корней, аффиксов, форм. В то же время благодаря многозначности корневых, аффиксальных частей нередко в термине запечатлевается не общеупотребительный смысл,

терминах, обладающих спецификой в функционально-стилевом отношении. Впервые на это обратил внимание А. А. Реформатский, предложивший определение «своеязычный» в применении к термину (Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955, с. 83). В «Русской речи» были опубликованы статьи, в которых на примерах конкретного словоупотребления показано, в чем, почему и как проявляется специфика своеязычного термина (см. статьи: Слово в терминологическом и нетерминологическом применении [баз, нетель].—1975, № 1; Поезд и состав.—1977, № 5).

а, напротив, малораспространенный, периферийный. В этих случаях читателя-неспециалиста больше всего подстерегает неожиданностей. Например: растениеводческий термин *выгонка* — «ускоренное выращивание растений — цветов, овощей, плодов и т. п. с помощью применения особых агротехнических приемов» и слово *выгон* — 1) пастбище для скота, 2) перегонка (смолы, дегтя, спирта), 3) изгнание. Смысловое несходство своеязычных терминов с их «гнездовыми собратьями», то есть однокоренными словами общеупотребительного языка, часто весьма существенно. В нем — основная причина многочисленных непониманий (или недопониманий).

Вместе с тем в профессионально-терминологических сферах скрыты многочисленные слова, которые давно забыты (или полузабыты) в общем употреблении: они как бы обретают новую полноценную жизнь, новый срок существования. Смысловый потенциал исконно русских (или даже исконно славянских) слов в этом отношении огромен. Связи обычных слов и их производных в различных и многочисленных терминологиях пока что не изучены до конца.

Специалист-языковед же сразу видит своеязычные термины среди исконно русских слов, не отмеченных в литературном языке, а существующих в местных диалектах. Став термином той или иной системы, слово приобретает особую социальную значимость, а его местное значение, хотя и сохраняется, но в силу ограниченного распространения как бы отодвигается на второй план. Подобный пример можно привести со словом *обечайка*. До сих пор в говорах *обечайка* — лыковый или дранковый обод вокруг решета, сита, кузова и под.

Это областное значение можно встретить на страницах худо-

жественного произведения: «Вертась и раздавливая зерна, жернов, окруженный лубочной обечайкой, превращал их в муку» (Аксаков С. Детские годы Багрова-внука). Функция обруча у обечайки — основа для специализации этого слова в разных терминосистемах. Уже давно музыканты обечайкой называют боковую деталь корпуса музыкального инструмента: «...он [Данилов] уже без прежней робости, хотя и с волнением, рассмотрел все пленительные мелочи чудесного альта... ощутил безукоризненную ровность обтекающего верхнюю деку уса, сладкие выпуклости обечайки и крепкие изгибы боковых вырезов» (Орлов. Альтист Данилов. — Новый мир, 1980, № 2).

В наши дни обечайка в широких и разных сферах технического производства — «открытый с торцов цилиндрический или конический барабан (без днища), являющийся заготовкой для паровых котлов, баков, резервуаров и т. п. листовых металлоконструкций» (БСЭ, III изд.). Строительство гигантского Атоммаша на Дону, постоянные репортажи о нем в прессе способствуют появлению обечайки на газетной полосе, в журнальных очерках, на радио: «То здесь, то там стоят обечайки — стальные полые цилиндры, детали корпуса будущего реактора. Куда ни глянешь, всюду их округлые бока. Обечайка — составная часть всех корпусных изделий. Вес этой детали — шестьдесят тонн, и управиться с ней может только мостовой кран. Вот он подцепил одну обечайку — огромная, отшлифованная, блестящая, она медленно плывет над цехами» (Работница, 1980, № 5); «Начинал варить обечайки, эти два стальных кольца» (Всесоюзное радио, 1979, 7 дек., передача «Писатель и жизнь»).

Когда подобное слово попадает в прессу, на радио, телевидение, то неспециалист сразу узнает в нем термин, чему в немалой степени способствует сама оформленность слова, иная, чем у слов литературного языка. Аналогичный пример — слово *опоек*. В разных говорах русского языка *опоек* — теленок-сосун (прозрачна и понятна каждому корневая связь с глаголами *поить* — *опаивать*). В литературном языке *опоек* — это теленок, которого кормят молоком, так же называют тонкую мягкую кожу, выделанную из шкуры телянка-опойка. Смысловое смещение здесь произошло на основе так называемого метонимического переноса, весьма характерного для народно-разговорной речи вообще. В этом значении слово *опоек* попадает и на страницы художественной литературы: «Хороши для раненой ноги Мягкого опойка сапоги» (Асеев. Семен Проскаков); «В селе Катунках самый лучший опоек — из телячьей кожи сапожный товар» (Максимов. Куль хлеба).

В терминологии же стандартизованной, где виды кожевенного сырья различаются по разным технологическим показателям,

опоек получает терминологическое определение уже в сопоставлении с другими видами кож: «Шкура телянка, не освоившего растительную пищу, меняющего первичный волосной покров в процессе линьки, имеющая массу в парном виде до 10 кг включительно» (ГОСТ 3123—78. Производство кожевенное, с. 5). Еще примеры из той же терминологии кожевенного производства: *бычок* — шкура бычка, масса которого в парном виде от 13 до 17 кг включительно; *бугай* — шкура быка с наличием грубых утолщенных складок на воротке, масса которых в парном виде свыше 17 кг, а литературными словами *болячка*, *свищ*, *тавро*, *ярмо* называют разные виды пороков шкуры и кожи (ГОСТ 3123—78). Все это — лексика специалистов, она принята в их профессиональном общении.

Категория своеязычных терминов расширяется и благодаря специализации словообразовательных вариантов одного и того же слова. Каждый из этих вариантов, соответствуя определенным понятиям, получает в справочной и нормативной литературе отрасли строгие дефиниции — толкования. Так, в рыбообрабатывающей промышленности термины *зябрить* — *зябрение* и *жабровать* — *жабрование* — *жабровка* восходят к двум вариантам слова *зябры* — *жабры*, одно из которых — общеупотребительное: *зябры* — диалектный вариант слова *жабры*. И тот, и другой термины (*зябрить* и *жабровать*) связаны с удалением жабер и внутренностей рыбы перед ее дальнейшей гастрономической обработкой. В то же время, по сведениям «Энциклопедия рыбного хозяйства», термины *зябрить* — *зябрение* в пять раз употребительнее терминов *жабровать* — *жабрование* — *жабровка*. Глагольная пара *зябрить* — *зябрение* означает удаление жабер и внутренностей у сельди, самой промысловой рыбы в России, а *жабровать* — *жабрование* — *жабровка* связаны с обработкой некоторых сортов лососевых рыб, чаще всего кеты.

Своеязычные термины уходят глубокими корнями к истокам родного языка, тесно связаны с развитием материальной культуры народа. По этой причине они нередко употребляются и в диалектах, и в литературном языке, и в автономных терминологических системах. Это может создавать значительные трудности при общении, ибо не всегда и не всем понятно, как слово в данный момент употреблено: в местном осмыслении или в строго терминологическом. Знание и понимание глубинных причин существования (исторических и диалектных) своеязычных терминов, несомненно, принесет пользу в большой работе по упорядочению и стандартизации терминологии.

Т. С. КОГОТКОВА

СЛОВАРЬ НИКОЛАЯ ЯНОВСКОГО

Современные словари иностранных слов представляют собой в лексикографии толково-энциклопедический жанр: к ним обращаются не только для того, чтобы уточнить смысл слова и сферу его функционирования, но и чтобы узнать этимологию (происхождение) слова, а иногда и получить историко-культурную справку относительно обозначаемого словом явления. Чтение таких словарей — увлекательнейшее занятие. Столь богатую информацию словари иностранных слов несут в России со времени трехтомного «Нового словотолкователя» (СПб., 1803—1806) Николая Яновского.

Николай Максимович Яновский (год рождения точно неизвестен, умер в 1826 г.) был третьестепенным поэтом, публиковавшим в журналах рифмованные загадки, послания, эклоги; выступал и как переводчик, но известность получил как лексикограф. Созданный им словарь составляет значительный этап в истории отечественной лексикографии и очень интересен для общеобразовательного чтения.

В самом деле, каких только сведений тут нет! Старинные мифы и легенды (например, о братьях-аргонавтах Касторе и Поллюксе, именем которых названо свечение воздуха над морем после шторма; о скульпторе Каллимахе, плененном красотою листьев аканта и включившем изображение этих листьев в капитель коринфского ордена; о голове некоего Толя, якобы найденной при постройке Капитолия, отчего и произошло название крама: *caput* — итал. «голова»); история библиотек, календаря; описание музыкальных инструментов, парусов, предметов одежды, различных игр в карты, кушаний, карет; характеристика разных наук; даты появления в Европе или в России многих предметов, учреждений и др. (эстамп — 1640, почтамп в России — 1711, парашют — 1783, министерства в России — 1802) и др., сообщенные о том, что у древних, кроме Олимпийских, были зна-

менитые Капитолинские игры, учрежденные в память спасения Рима от нашествия галлов и включавшие не только спортивную программу...

Интересны этимологии словаря: *Бисквит*, фр. В буквенном переводе значит: *дважды печеный*. *Бриллиант*. Собственно значит на французском: *светящийся, блестящий*. *Газета*. Одни производят слово *Газета* от Итальянского уменьшительного *gazetta*, *маленькая сорока* или *маленькая болтунья*, каковое название сим листам не неприлично; а другие от *gazetta*, мелкой Венецианской монеты, которую платили за прочтение сих листов. *Босфор*. Узкий морской пролив, соединяющий два моря, названный так потому, что в старину бык мог его переплыть. Главнейшие босфоры суть: *Босфор Фракийский* и *Циммерийский* [греч. *bosforos* — буквально «несущий быка»].

Если бы словарь этот в наши дни не был библиографической редкостью, он мог бы оказаться полезен и любителю древнерусской живописи, и школьнику, читающему классиков, и поклоннику достопримечательностей наших городов — всякому любознательному человеку, привыкшему размышлять над словом. И вот доказательства. «Богоматерь Одигитрие» — одна из икон музея Андрея Рублева в Москве. Но что значит *Одигитрие*? Ответ находим у Яновского: *Одигитрие*. Греческое слово, значащее: *путеводительница*, или *наставница в пути*. А что такое *къртаг* у Грибоедова в «Горе от ума»: «На къртаге ему случилось обступиться?» — «Увеселение, сопровождаемое музыкою и игрою, которое дает государь придворным своим». В фильме «Три мушкетера» Д'Артаньян в живописном мушкетерском одеянии. Но как называется эта «безрукавка» на нем? — *Супервест*. А каковы названия атрибутов бога Бахуса в изображении западноевропейских художников: стакана для вина и корзинки для фруктов? — *Канфар* и *циста*. Почему колонны у здания Биржи в Ленинграде называются *ростральными*? *Ростры*, или *росторы* — «мост над верхнею палубою, состоящий из запасных стенок и реев...»: их срезы и украшают колонны. И наконец, о словах *барельеф* и *горельеф*: *Барельеф*, фр. В скульптуре называются выпуклые фигуры, вырезанные на мраморе, меди и проч. *Горельеф*. Слово, составленное из французского и итальянского, означающее в скульптуре выпуклую работу в толщину всей изображаемой вещи, для отличия от *Полурельефа*, под которым разумеется выпуклая же резная работа, но в половину всей изображаемой вещи, и от *Барилеяфа* менее половины.

Для каждого, кто интересуется историей русского языка, в словаре Яновского особенно любопытна его филологическая часть: состав слов, их значения и формы, указания на сферу бытования

слов в начале XIX века. Многие здесь с той поры изменилось, но многое принадлежит устойчивой традиции.

Акциденции — слово, ныне известное только в специальном употреблении — финансистам, бухгалтерам. Начиная же с Петровской эпохи, во времена Яновского оно было известно довольно широко как обозначение разного рода побочных доходов. Ныне говорят *мачта*, а в конце XVIII века в том же значении было и старинное слово *щегла*. Архаизмов, с точки зрения сегодняшнего дня, в словаре предостаточно.

И в то же время поражает присутствие в нем, на первый взгляд, ультрасовременных слов: *азростат*, *бандероль*, *кардиография*, *кардиология*, *командировка*, *консультация*, *компетенция*, *компромисс*, *комплимент*, *контингент*, *маневры*, *макулатура*, *микрофон*, *милиция*, *маркировать*, *пеленгование*, *пилот*, *парашют*, *стипендия*, *рупор*, *телеграф*, *тротуар*, *скафандр*, *шлак*, *экспресс*, *энтузиаст*, *эффект*, *эстетика* и др. Но как обманчиво бывает впечатление! Если *азростат* тогда имело примерно то же значение, что и в наши дни, — «воздушный шар, или баллон, наполненный горючим воздухом», то, например, *гармоника* — совсем другое: музыкальный инструмент, состоящий «из нескольких стеклянных колокольчиков или чашечек...»

Изменились не только предметы, изменились и значения слов. *Официант*, по Яновскому, это вообще «прислужник, служитель»; *шаржировать* значит «заряжать ружье»; *пассажир* — ездок, седок, путник на корабле; *энергия* — сила слога.

У других слов изменились оттенки значения, очень, впрочем, важные: слово *маляр* в современном русском языке является обозначением рабочего, окрашивающего большие поверхности; в эпоху Яновского это — плохой живописец: «*Маляр* — изображатель предметов, который, научась растворять краски, пишет картины, портреты и проч. без искусства и всяких правил». Наоборот, слово *филистер*, ставшее ныне презрительным обозначением человека с ограниченным кругозором, мещанина, у Яновского такого значения еще не имеет. *Филистеры* — «студенты, в иностранных университетах, так называют граждан, мещан; а в Вене сим именем называется гарнизонный солдат».

В словаре представлены и многие, не известные еще в широком употреблении того времени слова. Немало среди них так называемых экзотизмов, то есть слов, обозначающих реалии сугубо иностранного быта, часто — исключительно восточного. Таким было в начале XIX века слово *гамак* — «койка, висячая постелья, употребляемая в Африке и Америке, которую вешают между двумя деревьями для предохранения себя во время ночи от диких зверей и насекомых».

Еще больше в словаре узкоспециальных терминов (*Аллегрето* — «речение музыкальное...»). Словарь свой Яновский недаром назвал словотолкователем иностранных речений и технических терминов. Вот его полное пространное название: «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: Разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и Технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: **Астрономические, Математические, Медицинские, Анатомические, Химические, Юридические, Коммерческие, Горные, Музыкальные, Военные, Артиллерийские, Фортификационные, Морские** и многие другие, означающие **Придворные, Гражданские и Военные чины, достоинства, должности, и проч.** как древних, так и нынешних времен». На стр. I—IV словаря указано, что он содержит также архитектурные, аптекарские, богословские, географические, геометрические, мифологические, поэтические, физические, хирургические, арифметические, оптические, технические, типографические, манежные, скульптурные, поваренные и другие термины.

Многие из слов, снабженных Яновским пометами специального употребления, в наше время входят уже в употребление общее. Так, *аспект, альманах, космический, контингент, командировка, платформа, плацдарм* — по Яновскому сугубо военные; *антиподы, полярный* — географические; *периферия, эксцентрический* — геометрические; *эквивалент* — физический и математический; *гарантия* — дипломатический; *атрибуты, блик, группа* — изобразительных искусств; *реванш, форсировать* — карточной игры; *ликвидация* — коммерческий; *категория* — логический; *кризис, консультация, обструкция, радикальный* — медицинские; *авария, ало, брюки, крен, лавировать, пилот, шквал* — морские; *катастрофа* — театральные; *макулатура* — типографский; *концентрировать, эссенция* — химические; *компетенция, конкурс* — юридические; *амортизация, апология, канонизация, катавасия, текст* — богословские.

С помощью словаря Яновского подтверждается одна из важных тенденций в истории русского литературного языка XIX—XX веков — обогащение его лексики из фонда специальной терминологии. В XVIII веке этому предшествовало освоение общим языком лишь отдельных специальных иностранных терминов, как, например, термина *армия*. С Петровской эпохи это синоним старинного слова *войско*. Сумароковым слово *армия* употреблено переносно: *армия мышей*. У Яновского слово *армия* дается без специальной терминологической пометы.

«Новый словотолкователь» создавался в переломную для русского литературного языка эпоху, в канун появления в печати имени Пушкина. Единая норма языка еще только складывалась,

роль множества новых иностранных слов в нем была неопределенной. Много их (прежде всего слов нового западноевропейского содержания) не было достаточно освоено русским языком, занимало в нем периферийное положение терминов, не имело четко сформированных значений и часто — устойчивого написания. Поэтому в «Новом словотолкователе» представлены их варианты и синонимы. Например, варианты: *характер* и *характир*, *зенит* и *ценит*, *циник* и *киник*, *леди* и *лади*, *шоколад* и *шеколад*, *шлагбаум* и *шлагбаум*, *анализ*, или *анализис* и *аналитика*, *анатомик* и *анатомист*, *гарнитур* и *гродетур* «ткань», *глазур* и *глазура*.

В ряде случаев автор пытается определить, какой вариант правильный: *Букля*, фр. Неправильно выговаривается *пуколь* и *пукля*; в других — найти разницу между значениями слов (*эра* и *эпоха*, *манифест* и *указ*). Но для большинства вариантов это сделать было трудно: *машина* и *машина* одинаково обозначали и «механизм» и «нечто громоздкое»; *шторм* и *штурм* были вариантами одного слова.

А вот синонимы: окулист — оковрач; презент — подарок; проект — проект — программа; синус — пазухи — залив; ситуация — местоположение; коалиция — лига — альянс — конфедерация; петиметр — повеса — щеголь; транспорт — перевоз; хроника — летопись; ноябрь — листопад; пульс — жилобой; подагра — ноголом; профан — простак; респонс — ответ; румб — странокказ; стенография — скрытописание; пурист — чистоязычник. Лишь впоследствии *залив* вытеснило *синус* и четко обозначилась разница между *штанга* и *брусок*.

В числе синонимов Яновским указаны не только русские, но и иностранные слова. В статье на слово *технический* (в наши дни этому слову соответствует по смыслу *специальный*) Яновский отмечает, что для научного и технического языка можно черпать обозначения и из иноязычных источников. «...С некоторого времени, — пишет он, — становится приметно старание и даже страсть многих переводчиков и сочинителей переводить или выражать технические слова, занятая у Греков и Римлян, словами своего наречия. Естьли можно выразить иностранные технические слова кратко и ясно собственными какому-нибудь языку словами, то перевод сей заслуживает одобрение...»

В словарь включено огромное количество иностранных слов самого разного происхождения. Как следует из списка, составленного автором, здесь содержатся слова: абиссинские, английские, арабские, бухарские, венгерские, германские, испанские, голландские, греко-латинские, немецкие, персидские, польские, француско-немецкие, халдейские и другие.

Ленинградским исследователем Л. А. Войновой установлено, что источниками «Нового словотолкователя» послужила не только разнообразная научная и научно-популярная литература того времени, но и словари: «Словарь Академии Российской», двуязычные немецко-русские и французско-русские, терминологические прикнижные (см.: Словари и словарное дело в России XVIII в.). Заслуги Яновского в истории лексикографии это не умаляет: ведь чем богаче источники, тем богаче словарь.

«Новый словотолкователь» был первым опытом нового типа словаря иностранных слов, хотя с точки зрения современной лексикографии он имеет и ряд недостатков: неточные этимологии некоторых слов, широкое привлечение экзотизмов, включение в словарь нескольких «русских» слов, повествовательный стиль толковой части некоторых словарных статей (вместо строгих сжатых толкований), а также слишком пространные историко-культурные справки. Словари иностранных слов известны на Руси с самой глубокой древности.

Старинные словари иностранных слов не были словарями в нынешнем понимании слова; это были небольшие прикнижные словарики. Со временем такие словарики и их данные стали объединяться, переходить из книги в книгу. Позже стали появляться рукописные «Азбуковники». Ни один из них до словаря Яновского не был столь объемным и не представил столь развернутой системы описания иностранного слова. Словарь Яновского был первым в России словарем иностранных слов, изданным отдельной книгой гражданской печати. В этом словаре впервые осуществлен широкий и последовательный синтез иностранных слов — древних и новых, восточных и западных.

Вплоть до конца XVII — начала XVIII века словари иностранных слов на Руси включали прежде всего лексику церковных книг. В XVIII веке жанры прикнижной лексикографии ориентировались уже на лексику западноевропейского происхождения. Объясняется это быстрым развитием культуры со времен Петра I. В русский язык хлынул поток новых иностранных слов в первую очередь из немецкого, голландского, французского, английского языков, а также из латыни — научного языка Европы. Как новые слова, они были непонятны и требовали пояснения. Ими и занялись русские лексикографы XVIII века. Почти не учитывались составителями словарей и слова восточного происхождения, интерес к языкам народов России еще только зарождался.

Впервые эти лексикографические традиции объединил в своем словаре Николай Яновский. И это было знамение времени: русский литературный язык вступал в пору зрелости.

И. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

«БОЛТИН ПЕРВЫЙ СКАЗАЛ...»

XVIII век представляет собой определенный этап в развитии отечественного языкознания. Это время, когда в просвещенных кругах России начал пробуждаться подлинный интерес к наследию нашего прошлого, что привело к появлению в печати ряда работ по филологии и крупнейших изданий исторических документов. Именно в этот период наряду с собиранием и публикацией памятников русской истории делаются первые шаги в области их критического истолкования и анализа. Базу для становления лексикологии как науки создавали русские исследователи, среди которых почетное место занимает Иван Никитич Болтин, хорошо известный как историк-мыслитель XVIII века, но мало известный как ученый-языковед.

Наделенный с юности любовью к знанию, пытливым умом и наблюдательностью, И. Н. Болтин из каждой прочитанной книги выписывал интересные его места. Так же поступал он впоследствии при работе с документами и древними летописями. «Таким путем он накопил огромный запас выписок и заметок, и для него сами собой наметились две области изучения: Болтин собирал материалы для истории языка и составлял терминологический словарь для древнего периода русской истории» (Смирнов П. Болтин и его значение в историографии). Выписки и заметки пригодились ему в 1773 году, когда он составлял «Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» (СПб., 1788—1794), а также использовал их в работе «Критические замечания на первый и второй тома Истории князя Щербатова» (СПб., 1793—1794). Эти труды изобиловали многочисленными лексикологическими заметками разного характера: толкованием слов, этимологическими изысканиями, переводами на русский язык иноязычных заимствований и т. д.

Свидетельством успешной работы историка в области лексикографии послужили в свое время «Примечания на начертание для составления славяно-русского толкового словаря» (1784). «Примечания»

были написаны Болтиным для анализа сделанных по проекту словаря замечаний по просьбе Российской Академии, членом которой ученый был со дня ее основания (1783). Предложения рецензента рассматривались на нескольких общих собраниях Академии, вызывая, в свою очередь, различные суждения и мнения. Так, например, горячая дискуссия среди членов Академии развернулась вокруг термина «синоним».

И. Н. Болтин категорически отвергал «новоизобретенное слово *сослов*, которое не означает того смысла и не имеет такой силы, как греческое *синоним*, и потому к заступлению его места не признается быть способным».

Но Российская Академия, согласно пуристическим тенденциям того времени сокращать непосредственные заимствования и вводить русские соответствия для обозначения новых понятий, предпочла неологизм *сослов*, хотя термин *синоним*, отстаиваемый Болтиным, доказал свою жизнеспособность и впоследствии стал широко использоваться в русском языке. В «Примечаниях» И. Н. Болтин дал одно из первых определений толкового словаря: «Под именем толкового словаря разумеется такая книга, в которой находится не только о всех вещах, теми речениями обозначаемых, достаточное истолкование, то есть касательно слов и речений извещение о их происхождении, знаменовании, употреблении и проч.» «Примечания» Болтина оказали сильное влияние на окончательный вариант академического издания словаря: больше места было уделено языку разговорному, сохранены те иноязычные слова, «дублетов которым нет в русском языке». После смерти историка в его бумагах были найдены такие лексикографические материалы, как «Толковый славяно-российский словарь» (буква А и материалы для продолжения; перевод французской энциклопедии до буквы К, набело переписанный рукой Болтина; выписки «для разумения древних летописей», впоследствии дополненные А. Мусиным-Пушкиным и под названием «Историческое и географическое описание наместничеств» использованные им в «Историческом исследовании о местоположении древнего российского Тмутараканского княжества (СПб., 1794), а часть «Выписок» вошла в «Словарь географический Российского государства» А. Щекатова (М., 1807—1809, т. 7).

Важнейшим источником для успешных лексикологических разысканий Болтина послужили русские летописи. Огромный опыт позволил историку сформулировать основные требования к исследователю древних летописей, суть которых заключалась в рассмотрении летописей, сличении их, исправлении погрешностей, истолковании слов, вышедших из употребления, сравнении их с иностранными переводами и в критическом подходе к источнику,

«чтобы найти, где — правда, где — ложь». Очищение текста источника от искажений ученый считал первой обязанностью настоящего исследователя.

Такой серьезный подход к обработке первоисточников был продемонстрирован И. Н. Болтиным при переводе древнейшего памятника нашей письменности — «Русской правды» (Болтин И. Н. Правда русская, М., 1792). «Русская правда» — свод древнерусского права эпохи Киевского государства и феодальной раздробленности, — дошедшая до нас в списках XIII—XVIII веков в трех редакциях (Краткой, Пространной и Сокращенной), была найдена в 1738 году В. Н. Татищевым в списках Новгородской летописи и впервые издана в 1767 году А. Шлёцером по рукописи Татищева. Лучшее академическое издание «Русской правды» было осуществлено в 1940 году, где на основе предыдущих изданий различными авторами приводились толкования древних слов и выражений, в числе которых неоднократно использовались материалы Ивана Никитича Болтина. Издание Болтина с предисловием и приложением автора в виде толкового словаря получило всеобщее признание у современников, поскольку в основу его впервые было положено несколько списков, а не один, как обычно делалось раньше. Своеобразным комментарием к тексту и переводу «Русской правды» стало приложение «древнего оных наречия и слога на употребительные ныне и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших», где автор отметил: «Толкование древних, из употребления вышедших слов делаем мы с возможным вниманием и осторожностью, дабы не удалиться от подлинного их смысла; о тех же словах, кои мы по одной токмо догадке, то есть по смыслу речи толковали, в примечаниях наших не обинуясь сказали, что мнение наше о них не яко достоверное, но яко вероятное представляем».

Так, в издании И. Н. Болтина содержались обширные и весьма интересные сведения по вопросам метрологии: о денежном счете и различных мерах. В многочисленных пояснениях к статьям «Русской правды» историк пытался определить сравнительную ценность древних денежных единиц и сумел верно уловить соотношение между ними, хотя впоследствии оно было уточнено.

Болтину первому удалось установить происхождение *рубля* и *полтины*: «Рубль не что иное был как кусок серебра длиною вершка в полтора, толщиною в перст, имеющий на себе клейма. Из сего ясно открывается, что название *рубль* произошло от глагола *рублю*. И так от глагола *расколоть*, сиречь на две половины вдоль разделить, произошло слово *полтина*, то есть *половина*. Его мнение повторяют многие этимологи, забывая сделать ссылку на первоисточник.

Заслуживают внимания предложенные Болтиным толкования древних слов из «Русской правды». Например, вопреки убеждению В. Н. Татищева, что *ябетник* является «опиской вместо *обетник* или по договору служащий, то есть холоп», И. Н. Болтин предложил «принять звание *ябетника* вместо отправляющего земскую или приказную службу», добавив, что «слово *ябеда* в первобытности своей не тот смысл имело, который ныне представляет, но означало знание законов и порядка судопроизводного. Злоупотребления *ябетников*, сиречь законоведцев, кои по чужим делам ходатайство имели, заставили иметь о них худую мысль, а под словом *ябеда* подразумевать крючкотворство». Верность предположения Болтина подтвердил М. Н. Тихомиров: «На месте *ябетника* показан *тивун*, замена объясняется позднейшим значением слова *ябетник*. *Ябетник* уже стал пониматься как клеветник, обвинитель, истец. *Ябетник* — судебное должностное лицо» (См.: Пособие для изучения Русской правды. М., 1953).

Вызывает интерес трактовка историком слова *олек*, о значении которого существовали различные точки зрения, но версия И. Н. Болтина была признана наиболее достоверной: «Олек — слово неизвестное, и только по смыслу речи полагается вместо улья, из которого соты уже подрезаны».

[Сравним: «История русского народа отозвалась незнанием, что значит *олек*, а издатели Правды (речь идет об издании Болтина, 1799) изъяснили, что это улей с пчелами, из которого соты уже подрезаны. Смысл статьи, кажется, такой: «если в сотах пчелы еще не вывелись (был олек), то платить пять кун». — Диев И. О. Изъяснение некоторых выражений Правды русской. Из Журнала Министерства народного просвещения. 1839; «Слово *олек* значит пустой». — Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб., 1818; «*Олек* — улей, из которого соты подрезаны, улей пустой, улей с молодыми пчелами, не наносившими меду; мед оставляемый для питания пчел зимою». — М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской правды. М., 1953).]

Даже небольшой перечень примеров наглядно показывает, насколько глубоко знал И. Н. Болтин старославянский и древнерусский языки, что помогало ему правильно переводить «темные места» летописей, восстанавливать утраченные значения древних слов и проникать в их смысл.

Особое место в издании «Русской правды» И. Н. Болтина занимали синонимы или дублеты, употребляемые исследователем при переводе текста для лучшего понимания древних терминов.

К примеру, в заключительном примечании под заглавием «Статья особая», подробнейшим образом рассказав о мерах наказания в древней Руси, И. Н. Болтин поднял вопрос о нормах упо-

требления слов-дублетов *челобитная* — *жалобница* — *прошение*. Историю этих слов проследил С. С. Волков в статье «Из истории русской лексики. Челобитная», доказав, что слова *прошение* и *жалобница* по происхождению древнее термина *челобитная* (См. кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972). Однако Болтин руководствовался не древностью, а целесообразностью употребления слова, поэтому предложил уничтожительное слово *челобитная* заменить словами *жалобница* или *прошение*. Неизвестно, сыграло ли какую-нибудь роль предложение Болтина, во всяком случае, в официальном употреблении вместо *челобитная* действительно стал применяться термин *прошение*.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, можно сказать, что исследования И. Н. Болтина вышли далеко за пределы исторических изысканий в узком понимании этого слова, поскольку большая часть заметок автора представляла собой не что иное как лексикологические опыты. Издание Болтиным «Русской правды» внесло свой положительный вклад в дальнейшее изучение этого ценнейшего памятника нашей истории и словесности. И тем значительнее труд И. Н. Болтина, который обогнал свое время и представил критический текст «Русской правды» с переводом и комментариями, стоявшими на уровне достижений тогдашней науки, русской и общеевропейской.

Поэтому вполне справедливо заметил в свое время В. О. Ключевский: «У нас нередко повторяют, что впервые сказал Болтин, и очень редко припоминают, что Болтин первый сказал это» (Ключевский В. О. Очерки и речи. М., 1913).

Н. Н. СИДОРОВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

И. В. Зарайский (Киев) пишет, что в газете «Неделя» (№ 45, 1981) прочитал интересную заметку о древнеегипетских скарабейх. Он просит объяснить непонятное ему слово — *скарабей*.

Скарабей [лат. scarabaeus] — навозные жуки из семейства пластинчатых; в древнем Египте считались священными; фигурки жуков из ценного камня или обожженной, покрытой глазурью глины служили амулетами, печатями и медалями.

Александр
Николаевич
ГВОЗДЕВ
1892—1959

Известный советский языковед Александр Николаевич Гвоздев, профессор Куйбышевского педагогического института, доктор филологических наук, член-корреспондент Академии педагогических наук, оставил богатое и разностороннее научное наследие. Среди более чем 70 научных трудов А. Н. Гвоздева — 12 книг, многие из которых неоднократно переиздавались, при этом, как правило, с дополнениями и творческой переработкой.

А. Н. Гвоздев родился 28(15) марта 1892 года, в с. Сивинь Краснослободского уезда Пензенской губернии. В 1918 году он окончил Московский университет по славяно-русскому отделению. Почти половина педагогической деятельности А. Н. Гвоздева была связана с преподаванием в средних учебных заведениях г. Пензы, где он жил и работал с 1918 до 1938 года.

Активную творческую деятельность А. Н. Гвоздев начинает с первых шагов своей трудовой биографии. В 20-х годах он почти одновременно глубоко изучает пензенские говоры и ведет повседневное наблюдение за становлением и развитием речевых навыков и познавательного процесса у сына — Жени Гвоздева, родившегося в 1921 году. Оба исследования были новаторскими. Первое из них имело результатом создание едва ли не первого в стране регионального

атласа русских народных говоров — Диалектологического атласа б. Пензенской губернии (к сожалению, оставшегося неопубликованным).

Изучение детской речи было важным уже потому, что заложило основы методики наблюдений за речью детей. Эти наблюдения характеризуются у А. Н. Гвоздева многоаспектностью, точностью, остроумием, а дневниковые записи — нередко почти художественной меткостью в описании речевых ситуаций. На основе наблюдений, проводившихся более семи лет, ученый выполнил несколько работ, публиковавшихся в 20-е и 40-е годы и объединенных в посмертно вышедшей книге «Вопросы изучения детской речи» (М., 1961). В этих исследованиях, прошедших через всю его жизнь, А. Н. Гвоздев раскрыл основные закономерности в загадочном процессе постижения детьми родного языка. Особое место в цикле работ по детской речи занимает дневник наблюдений за сыном. Именно дневник позволил с документальной точностью проследить последовательность усвоения языковых средств: различных звуков, слов, грамматических форм и синтаксических конструкций.

Раскрылись и причины этой закономерной последовательности: легкость или сложность артикуляции отдельных звуков и целых групп звуков; простота или осложненность значения отдельных грамматических форм; степень употребительности языковых средств; степень потребности в них в процессе «взрослого» и «детского» общения и т. д. Удалось доказать, таким образом, что закономерности овладения языковыми средствами зависят от условий очень широкого, общего характера: с одной стороны, от особенностей самих этих средств, с другой — от степени их необходимости в тех (более или менее ограниченных) ситуациях общения, в которых участвует ребенок. Поэтому, несмотря на индивидуальные расхождения у отдельных детей, процесс усвоения языка всегда имеет у них много общего.

Являясь основой всех трудов А. Н. Гвоздева по детской речи, дневник ученого имеет и вполне самостоятельное научное значение, и не только для лингвистов, но и для психологов, педагогов, родителей. Благодаря описанию ситуаций речи он наглядно, разносторонне и очень человечно раскрывает мир детства. Вот, например, две записи:

«Мы с Женей рассматриваем его... книжку. Он делает все время замечания об увиденном: «...Кубики. Игрусы [груши] висят. Ани слатки. Эт будит книга,— указывает на коробку. Я не соглашаюсь, и он говорит: — Каробъцька. Вот ани зайчики. Ани играют, ани катающца (говорит с радостью)... Эт тут яйца — сварить... Эт будит иголки (нарисованы булавки с фигурными концами). Иголки — бу-

дим сыть [шить]. Эт стол — цййпить будим [будем пить чай]» (2 г. 4 мес.).

Почти каждое утро он обращает внимание на то, как светает. Нынче: «У нас свитло, а у бабушки тимно. Свитло становицца. Аччиво свитло становицца?». Вера (мать): «Скоро солнце взойдет». Он: «А куда тимно диваицца?». Вера: «Пропадает». Он: «В ночь пръпадают?» (3 г. 6 мес.)».

В настоящее время дневник А. Н. Гвоздева подготовлен Куйбышевским университетом к печати в издательстве Саратовского университета под заглавием «От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений». Объем — 567 машинописных страниц.

Характер дневниковых записей отразился на восприятии написанных на их основе научных трудов. Так, о книге «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка» (М., 1949) Л. А. Булаховский писал А. Н. Гвоздеву: «Рад видеть Ваш согретый душевным теплом и образцово выполненный труд появившимся в печати».

В работах по детской речи, может быть, с особой силой проявились гуманистические педагогические устремления А. Н. Гвоздева, любовь к детям, которая отмечалась многими знавшими его людьми. «Нужно было видеть,— писал в 1959 году профессор В. А. Малаховский,— как он умел с ними [детьми] разговаривать: непринужденно, просто и в то же время серьезно и почтительно».

Верой в детскую любознательность, заботой о целенаправленном, научно обоснованном обучении детей была проникнута и работа ученого в школе, и вся его методическая деятельность. Он горячо пропагандирует развитие детского интереса к языку (см., например, его статью «Иллюстрирование в наблюдениях над языком». — Сб. Родной язык в школе. Вып. 9. Л., 1926), доказывает необходимость строгой научности в постановке школьного обучения. В 1934 году в связи с подготовкой академического орфографического справочника А. Н. Гвоздев пишет С. П. Обнорскому: «...мне кажется, что в своем руководстве орфографическим делом Академии следует пойти и дальше..., широко организовать экспериментальные исследования, имеющие целью обосновать рациональные методы изучения правописания». В 30-е и 40-е годы А. Н. Гвоздев сам развертывает в школах Пензы и Куйбышева экспериментальное изучение закономерностей усвоения орфографии.

В куйбышевский период (1938—1958) — период вузовской работы — в деятельности А. Н. Гвоздева появляются многие новые направления. Он создает крупные труды по фонетике, теории орфографии, стилистике; вузовские учебные курсы.

Создание этих работ и завершение старых циклов исследований было не только проявлением творческой одаренности ученого и ре-

вультатом его напряженного труда, но и проявлением человеческого мужества. В 1941 году в первые месяцы войны погиб его сын Женья Гвоздев, а работы по детской речи, завершившиеся в это время, напоминали о нем каждой своей строчкой. В последние шесть лет жизни ученый был тяжело и безнадежно болен, но работал до последних дней, преодолевая болезнь. В эти шесть лет им были созданы двухтомный вузовский курс «Современный русский литературный язык», работа «Об основах русского правописания», ряд больших статей по теоретическим вопросам фонологии; многие работы подготовлены к переизданию.

Научная и педагогическая деятельность А. Н. Гвоздева характеризуется большой цельностью: новые этапы этой деятельности являлись естественным продолжением предшествующих. Так, труды по теории орфографии были подготовлены работами о закономерностях усвоения орфографии. Теоретические курсы и практические пособия для студентов вобрали в себя богатейший исследовательский опыт автора, обширный опыт его школьной и вузовской работы.

Его книги, адресованные студентам, проникнуты уважительным отношением к молодежи, к ее познавательным потребностям и возможностям. Труды А. Н. Гвоздева далеко не исчерпали себя как богатейший источник научных идей и образец самоотверженного служения науке. Они реализуются в деятельности многих поколений читателей и учеников А. Н. Гвоздева.

Е. С. СКОБЛИКОВА
Куйбышев

СРЕДИ КНИГ

В. В. Виноградов.

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ СТИЛИСТИКИ

В огромном научном наследии академика В. В. Виноградова труды по русской стилистике занимают особое место. Ученый обратился к этим проблемам в самом начале своей творческой деятельности, в 20-х годах нашего столетия, и занимался ими всю

жизнь. Опубликовано много работ В. В. Виноградова об индивидуальных стилях Пушкина, Крылова, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Л. Толстого, Ахматовой, Федина и др., а также об общих проблемах языкознания, связанных с поэтикой, с изучением стилей художественной прозы, с вопросами культуры речи и т. д.

Издательство «Высшая школа» в 1981 году выпустило учебное пособие «Проблемы русской стилистики», в котором представлена стилистическая концепция В. В. Виногра-

дова. В издание включены работы ученого, рассматривающие основные категории и понятия русской стилистики, ее принципы как особой отрасли языкознания.

Пособие состоит из двух разделов (I. Общие вопросы стилистики; II. Стилистика художественной литературы); в них помещены главы из книг, статьи, опубликованные в разные годы в журнале «Вопросы языкознания», и другие материалы.

Первый раздел открывает работа «Предмет стилистики». Под таким названием дана статья «Итоги обсуждения вопросов стилистики», напечатанная журналом «Вопросы языкознания» (1955, № 1). В 1954 году журнал начал дискуссию по проблемам стилистики, в которой приняли участие известные ученые Ю. С. Сорокин, Р. А. Будагов, Г. В. Степанов и другие. Итоги дискуссии были подведены заключительной статьей В. В. Виноградова. Статья сыграла большую роль в развитии изучения русской стилистики и определила дальнейшее направление исследований по этим вопросам языкознания; автор поставил в ней узловые теоретические проблемы.

С небольшими сокращениями в данный раздел пособия включена книга «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика», изданная в 1963 году. В. В. Виноградов рассматривает в ней объект и задачи стилистики как самостоятельной лингвистической дисциплины, а также показывает ее связи с такими смежными областями филологии, как теория поэтической речи и поэтика. В статьях «Русская речь, ее изучение и вопросы речевой

культуры» (Вопросы языкознания, 1961, № 4) и «Проблемы культуры речи и некоторые вопросы русского языкознания» (Вопросы языкознания, 1964, № 3) говорится о взаимосвязях стилистики и культуры речи (эти статьи даны тоже в сокращении).

«Вопросы культуры речи», — отмечает В. В. Виноградов, — должны рассматриваться с двух точек зрения, в двух аспектах. С одной стороны, сюда относится анализ тех общественно-языковых явлений, которые свидетельствуют о недостатке или недостатках литературной грамотности... Но есть и другой аспект у проблемы культуры речи. Общественная речь должна быть не только правильной, но и выразительной.

Второй раздел учебного пособия включает краткое изложение доклада В. В. Виноградова на IV Международном съезде славистов в Москве (1958) «Наука о языке художественной литературы и ее задачи (на материале русской литературы)» и две главы из книги «О языке художественной литературы» (1959): глава 2 — «Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы» и глава 3 — «Язык художественного произведения». Названная книга представляет собой результат теоретических и конкретно-исторических разысканий ученого в 20—50-е годы. Она посвящена задачам изучения особой, новой отрасли современной филологии — науки о языке художественной литературы. «Изучение художественного произведения, его языка, содержания», — пишет В. В. Виноградов, — должно опираться на глубо-

кое понимание общественной жизни соответствующего периода развития народа, на разностороннее знание культуры, литературы и искусства этой эпохи, на ясное представление о состоянии общенародного разговорного и литературного языка и его стилей в то время, на глубокое проникновение в творческий метод автора и в своеобразие его индивидуального словесно-художественного мастерства».

Культурно-исторический и литературный материал, иллюстрации из произведений русских писателей, используемые автором, дают возможность лучше изучить эпоху, в которой создавалось художественное произведение.

Пособие «Проблемы русской стилистики» рассчитано на студентов-филологов, аспирантов, преподавателей, научных работников и, безусловно, представит интерес для школьных учителей-словесников. В предисловии к пособию его составители В. Г. Костомаров и Ю. А. Бельчиков пишут: «Стилистическая концепция В. В. Виноградова отличается строгостью своих научных оснований и глубоким конкретно-историческим осмыслением русской языковой действительности. Такие качества этой концепции стали возможны благодаря всестороннему изучению В. В. Виноградовым грамматического строя, лексики и фразеологии современного русского языка, углубленному историческому взгляду на развитие стилей, жанров и других форм русской литературной речи».

Ю. Ф. ХАУСТОВА

Л. А. Введенская,
Н. П. Колесников.

ОТ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН К НАРИЦАТЕЛЬНЫМ

Какое отношение к русскому языку имеют знаменитый сыщик Шерлок Холмс и владелец постоялого двора в Ирландии Хулигэн, древнеримский бог огня и кузнечного ремесла Вулкан и былинный сказитель Боян? Какие следы оставили в русской лексике ботаник И. И. Георги и инженеры К. Ф. Дрез и Дж. Пульман? Какие родственные узы связывают науку химию с Древним Египтом? Ответы на эти и многие другие вопросы о судьбах собственных имен в русском языке читатель найдет в книге Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова «От собственных имен к нарицательным» (М.: Просвещение, 1981).

Книга построена на материале топонимов и антропонимов, перешедших из разряда собственных имен существительных в разряд нарицательных. Познакомив читателя с основными терминами (ономастика, топонимы, антропонимы, астрономы, космономы, зоонимы, гидронимы и др.), авторы посвящают первую главу книги «Слово о собственных именах» характеристике специфики имен собственных, показывают их отличие от нарицательных (непосредственная связь называемого предмета со словом, предельная конкретность, условность, случайность, отсутствие информации о называемом и др.). «... Чем реальнее и конкретнее предмет, — подчеркивают авторы, — тем выше его способность иметь собственное имя».

Вторая глава книги «Собственные имена — родители нарицательных» рассказывает об образовании имен нарицательных из собственных. Этот процесс, по мысли авторов, осуществляется в двух направлениях: 1) изменение значения слова, не затрагивающее его форму (за исключением графического оформления начальной буквы), например, *Хулиган* (имя) — *хулиган* (нарушитель порядка), *Берлин* (город) — *берлин* (карета), *Дамаск* (город) — *дамаск* (сорт стали), *Мегера* (древнегреческая богиня мщения) — *мегера* (злая женщина) и под.; 2) образование от имени собственного нового слова с помощью определенного суффикса (это относится к большей части топонимов и антропонимов): *Голландия* — *голландка*, *Жиронда* — *жирондист*, *Помпадур* — *помпадурша*, *Дон Кихот* — *донкихотство*, *Корчагин* — *корчагинец*, *Кабарда* — *кабардинка* и др.

В этой главе читатель познакомится с нарицательными именами, которые образованы от двух собственных (*жюльверновщина*, *шерлокхолмсы*, *мельхиор*), а также с процессом образования от одного собственного — нескольких нарицательных: так, имя Иван дало «толчок» к образованию слов *иванок* (птица зимородок), *иван-чай* (растение), *иванчики* (мушки в глазах), *ивашка* (божья коровка), *иванец* (название пива). Вызовут интерес и материалы о палиндромах — «перевертышах», образованных от собственных имен (история палиндрома *мо* и других).

Главы «Будем шерлокхолмсами», «Собственные имена „на земле, в небесах и на море“»,

«Мы идем по городу», «Донкихоты, донжуаны, шехерезада» — это интересное путешествие в мир слов с интересными поисками и находками. Постоянно привлекая материалы этимологических и толковых словарей, данные других наук, авторы показывают, что Колумб, открывший Америку, не открывал ни Колумбии, ни колумбита, а также не связан с колумбариями; что кажущееся таким русским поэтичное слово *гальянка* — это искаженное итальянка, а *спаниель* ведет свою родословную от испаниеля... Вместе с авторами мы «заглянем в календарь», чтобы установить «античную» родословную двенадцати месяцев, выясним, «кто и что скрывается в таблице Менделеева», узнаем, что цветок печали *гиацинт* вырос на крови любимца Аполлона юноши Гиацинта, что хвойное дерево *секвойя* «взяло» свое имя у мужественно вождя племени чероков и что *Марсельеза* родилась в городе Марселе, а *болонью* впервые стали изготавливать в городе Болонье и еще многое другое.

Авторы обращают наше внимание на то, как используется переход собственных имен в нарицательные в произведениях художественной литературы. На примерах из произведений Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Чехова показано, что употребление нарицательных имен, образовавшихся от собственных (*ментор*, *морфей*, *фортущик*, *эскулап* и др.), позволяет глубже раскрыть характеры литературных персонажей. В свою очередь имена героев литературных произведений становятся нарицательными, обретая новую

жизнь (Квазимодо, Тартюф, Митрофан, Держиморда, Манилов и др.), и, образуя абстрактные существительные, способны называть целые социальные группы, явления (*базаровщина, обломовщина, глестаковство, гамлетизм* и под.).

Эта небольшая книга, адресованная учащимся старших классов, без сомнения, будет с удовлетворением прочитана всеми, кто интересуется русским словом, его историей и этимологией.

А. А. БУРОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК: ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ И СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ

Поистине мировые масштабы приняло за последние 20 лет изучение русского языка. Он стал одним из самых популярных международных средств общения, им владеет около полумиллиарда человек.

Высокий престиж языка Ленина, Пушкина, Толстого, его популярность обусловлены прежде всего международным авторитетом нашей страны, ее влиянием на ход политических, экономических и социально-культурных событий в

мире. Особенно велика роль русского языка как средства международного общения в социалистических странах. Во многих из них накоплен большой опыт преподавания русского языка. И сегодня речь идет о широком изучении, обобщении и пропаганде такого опыта, о системе научной координации обучения русскому языку и воспитания в этом процессе. Большим вкладом в разработку этих проблем явился труд русистов СССР и ГДР — «Русский язык: предмет изучения и средство воспитания». Это совместное издание Издательства при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа» (Киев) и издательства «Энциклопедия» (Лейпциг) вышло в свет в 1981 г. Ему предшествовала также совместная работа «Великий Октябрь и русский язык» (1977 г.).

Для многих зарубежных преподавателей язык и литература нашей страны стали мощным средством нравственного воспитания молодежи. Именно эту тему и раскрывают все 20 статей сборника, причем ни одна из них не повторяет другую, что свидетельствует о многоаспектности данной проблемы.

Большое место в книге отведено освещению места и роли русского языка в мире и, в частности, в ГДР. «Социалистическому государству нужны высококвалифицированные специалисты и мастера своего дела, способные использовать новейшие достижения науки и техники. В связи с этим важное значение имеет знание русского языка», — пишет ученый из ГДР Г. Глекнер.

В то же время изучение русского языка гражданами других государств создает для них возможность ознакомления на этом языке с ценностями, вносимыми советскими народами в сокровищницу мировой культуры, литературы, науки, техники, что содействует воспитанию интернационализма, уважения к народам Страны Советов, способствует росту популярности нашей миролюбивой политики.

Особенно ярко выявляется воспитательная, гуманистическая направленность преподавания русского языка в лингвострановедении. «Если, изучая русский язык,— пишут советские ученые Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров,— человек почувствует красоту и богатство этого языка, получит способность восхищаться им и ценить литературу, созданную на нем, то, естественно, это расширит его кругозор, обогатит запас полезных сведений. И что еще важнее: человек станет гуманнее, воспитаннее, образованнее...»

К подобному выводу приводят и другие статьи сборника — скажем, о роли русской лексики советской эпохи в процессе изучения русского языка. Дело в том, что на газетно-публицистическом, художественном, научном и другом материале происходит знакомство изучающих русский язык с особенностями советского образа жизни, его принципами и нормами, касающимися всех сторон труда и быта многонационального советского народа.

Большое место в книге отводится проблемам подготовки учителей русского языка. Круг вопросов, в которых бле-

стят же должен разбираться преподаватель русского языка — широк и многообразен. Статьи сборника как раз и ориентируют, в первую очередь учителя, на наиболее важные моменты в науке о русском языке и во многом смогут помочь систематизировать знания в этой области. В этой связи с большим интересом воспринимается статья Ф. П. Филина и В. В. Иванова о значении истории русского языка в воспитании преподавателей-словесников. Историю русского языка, отмечают авторы, должен хорошо знать каждый филолог-русист. Знание ее поможет понять и объяснить факты, имеющиеся и в современном русском языке; и наоборот, без знания истории развития русского языка очень трудно понять характер и особенности современной языковой системы. При этом, подчеркивают советские ученые, — «изучение истории русского языка в связи с историей русского народа и в связи с другими языками служит делу интернационального воспитания преподавателей-словесников... Познавая пути развития русского языка, преподаватель-словесник учится пониманию роли русского языка в развитии других языков и роли этих последних в истории русского языка».

Богатство русского языка неисчерпаемо. Чтобы овладеть им, нужно постоянно изучать русский язык, стремиться проникнуть в суть его законов, осознать их и, самое главное, — полюбить этот язык. Думается, к такому выводу придут все, кто познакомится с этой книгой.

Н. А. РЕВЕНСКАЯ

ОТ ШАМХАЛОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Кумыки издавна населяют равнины и частично предгорья Дагестана. Как известно, Дагестанская АССР — многонациональная республика, где на сравнительно небольшой территории люди говорят почти на тридцати языках. Поэтому овладение русским языком стало для каждого жителя республики необходимостью, так как русский язык является средством общения прежде всего между самими дагестанскими народами. Это обстоятельство имеет первостепенное значение и отличает национально-языковую ситуацию республики. Каждая народность Дагестана имеет свой национальный путь развития и свои особенности, это относится и к кумыкам.

Кумыкский язык принадлежит к тюркской группе языков. Исторически он образовался еще до прихода монголов в Европу в результате смешения кыпчакских и огузских племен. Формирование литературного языка началось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Но письменность на основе арабской графики существовала со второй половины XIX века. Пользовались ею в основном духовенство, хотя появлялись и отдельные художественные произведения, как, например, «Ногайские и кумыкские песни» М. Османова, изданные в Петербурге в 1883 году.

В настоящее время кумыкский язык — один из литературных языков Дагестана, на котором издается художественная, педагогическая, общественно-политическая литература, ведется преподавание, выходят газеты и журналы, транслируются радиопередачи, работает национальный театр.

Кумыкский народ один из первых на Северном Кавказе установил общение с русским народом. Документы XV—XVI веков свидетельствуют о том, что уже тогда кумыки поддерживали с Россией торговые и дипломатические отношения. Согласно письменным источникам, первое «посольство» кумыков было направлено в Россию в 1556 году. Послы Тарковского шамхала (шамхал — титул правителей кумыков, резиденция которых находилась в селении Тарки) обратились к русскому царю с предложением установить торговые связи (См.: Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961). Эти связи особенно развились во второй половине XVI века, когда Россия, вслед за присоединением к ней Казани и Астрахани, укрепилась на Тереке. Дагестан имел важное значение в торгово-экономических и политических интересах России на Востоке. Через его территорию, именно по Кумыкской равнине, шли пути из центральной России в Закавказье, Персию и Турцию.

Рядом с кумыкскими поселениями стали возникать основанные русскими города и другие населенные пункты. В устье Терека возникает Терский город (1588—1589), где «как в самом городе, так и в слободах, возникших вокруг Терского города, наряду с русскими, проживало большое количество кабардинцев, черкесов, кумыков» (Кушева Е. Н. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. М., 1954). Примерно в это же время большое значение приобретает город Кизляр, который «становится центром русских сношений с народами Кавказа, прежде всего с кумыками» (там же).

Важным этапом в развитии кумыкско-русских отношений является эпоха Петра I. На территории засулакских кумыков была заложена крепость Святой Крест и по указу Сената от 20 мая 1723 года по берегам Сулака было поселено около тысячи семейств донских казаков. Между местным населением и русскими переселенцами установились постоянные торговые связи. Под влиянием русских у кумыков начали развиваться земледелие, огородничество, садоводство. В повседневном быту стали появляться предметы, заимствованные у русских, многие из которых сохранили и русские названия: *стол, кровать, картофель, конфета* и другие. Кумыки, жившие по соседству с русскими и особенно поселившиеся среди них, начинают понимать русский язык, а затем и пользоваться им. Естественно, что и русские в общении с местным населением старались овладеть кумыкским языком, что способствовало развитию между ними дружеских отношений.

Большую роль в экономическом и культурном развитии кумыкского народа сыграло присоединение Дагестана к России в начале XIX века. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России заключалось в том, что народы Дагестана, в том числе и кумы-

ки, навеки связали свою судьбу с судьбой великого русского народа и обрели в его лице верного соратника в борьбе против социального и национального угнетения.

В Дагестане, который был краем сплошной неграмотности, стали появляться светские школы, библиотеки и другие учреждения культуры. В первую очередь надо отметить открытие русских школ, которые сыграли первостепенную роль в истории просвещения дагестанских народов и в распространении русского языка среди кумыков. В 1874 году была основана начальная школа в селении Костек Хасавюртовского округа, в 1879 году — в селении Аксай. Немного позже были открыты русские школы и в других кумыкских селах. Лучшим учебным заведением в это время являлось реальное училище в городе Темир-Хан-Шуре, бывшей столице Дагестана. Училище было обеспечено квалифицированными кадрами, в нем ежегодно обучалось около 250 человек. Оно сыграло видную роль в культурном развитии не только кумыков, но и Дагестана в целом.

Однако до революции лишь отдельным представителям кумыкского народа посчастливилось получить образование на русском языке и совсем немногие научились пользоваться им как средством общения. Культурный уровень кумыков оставался низким. По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 года, всего по Дагестанской области было 8,9% грамотных. Основная масса состояла из лиц, способных читать и писать только по-арабски. Русской грамотой владело 2,3% населения.

Великая Октябрьская революция в корне изменила весь уклад жизни народов Дагестана, создала все условия для его социального преобразования, для развития национальной культуры и национальных языков.

В первые годы существования Советской власти в Дагестане национально-языковой вопрос стал одним из самых важных, и правильное разрешение его имело огромное значение для дальнейшего развития республики. Многоязычие сильно тормозило процесс приобщения дагестанских народов к социалистической культуре, вовлечения их в общественно-политическую жизнь страны. «Ни один вопрос культурного строительства, — отмечает А. Д. Даниялов, — не отнял столько сил и внимания партийных и советских органов республики в первое десятилетие Советской власти, как вопрос о языке и алфавите» (Даниялов А. Д. Строительство социализма в Дагестане. 1921—1940 гг. М., 1975).

Реальная жизнь народов Дагестана при Советской власти развеяла многие националистические предрассудки. Кумыки, как и все дагестанцы, на основе собственного опыта, без какого-либо давления извне, пришли к выводу об огромном значении русского языка

в их жизни. Повсеместное распространение русского языка, массовые лексические заимствования из него дагестанскими языками, постоянная помощь русского народа республике привели ее трудящихся к сознанию того, что в новых условиях необходимо иметь для всех единый алфавит, основанный на русской графике. Однако для перехода на русскую графическую основу дагестанским народам потребовалось примерно два десятилетия.

Первый кумыкский алфавит был создан в 1928 году на латинской основе. Латинский алфавит явился важным этапом в усовершенствовании кумыкской письменности и подготовил почву для перехода на русскую графику. Он сыграл значительную роль в ликвидации неграмотности кумыков. Уже в 1933 году грамотных среди кумыков стало 57,6%.

Новый кумыкский алфавит, составленный на основе русской графики, был введен в 1937 году. Новая письменность вела к сближению графического изображения слов в орфографии кумыкского и русского языков, что значительно облегчало их изучение.

Расширению функций русского языка способствовали перевод обучения учащихся 5—10 классов на русский язык (с 1938—1939 учебного года) и улучшение преподавания русского языка в начальных классах.

Под влиянием русского языка развивается и совершенствуется и сам кумыкский литературный язык. Если дореволюционное влияние русского языка ограничивалось преимущественно заимствованием отдельных слов, то теперь оно отражается на всех языковых уровнях. Появляются новые слова и выражения, образованные калькированием с русского языка, развивается терминология. В среднем в кумыкском языке насчитывается около 1500 русизмов. Ощущается влияние русского языка в словообразовании, синтаксисе, стилистике. Но несмотря на массовые заимствования и те изменения, которые происходят в кумыкском языке под влиянием русского, это не привело к стиранию национального своеобразия кумыкского языка, не лишило его внутренней специфики. «Влияние русского языка на структуру национальных языков,— отмечает В. В. Иванов,— заключается не в том, что последние теряют свою национальную специфику, меняют свой языковой строй, проникаясь, так сказать, русскими элементами и т. п.; оно заключается в том, что под влиянием русского языка в национальных языках интенсифицируются такие процессы, которые характерны для языкового развития современного общества» (Иванов В. В. Русский язык в жизни народов и языков Советского Союза. Вопросы языкознания, 1978, № 3).

Всестороннее развитие кумыкского языка и добровольное изучение русского языка привели к образованию активного и массо-

вого кумыкско-русского двуязычия. Интенсивному распространению кумыкско-русского двуязычия способствуют происходящая в наши дни миграция и массовое переселение жителей горных районов республики на равнину. Это приводит к росту количества сел со смешанным населением, в которых русский язык стал языком общения. С каждым днем растет число межнациональных браков, что также влияет на развитие двуязычия.

Русский язык в настоящее время в нашей республике, помимо функции языка межнационального общения, выполняет ряд других существенных функций: школьное обучение (за исключением сельской начальной школы), специальное среднее и высшее образование, делопроизводство, научная деятельность и так далее. Большая роль в распространении и овладении русским языком принадлежит средствам массовой информации. В каждой кумыкской семье выписывают газеты и журналы на русском языке, читают художественную, общественно-политическую, научную литературу. На русском языке ведутся все передачи Дагестанского телевидения и большинство радиопередач. Все это способствует распространению русского языка среди кумыков и овладению им в совершенстве.

Если справедливо утверждать, что подавляющее большинство кумыков двуязычно, то вместе с тем надо иметь в виду, что не все они в одинаковой степени владеют двумя языками. Уровень владения русским языком и его распространение среди кумыков зависят от их места жительства, характера трудовой деятельности, образования, возраста и других факторов.

По степени владения русским языком и сферам его применения заметно отличаются друг от друга городское и сельское население. Почти все опрошенные нами горожане свободно владеют русским языком и пользуются им на производстве, в общении друг с другом. Нередко в городских семьях он выполняет функцию общения между членами семьи. В селах же кумыки говорят на русском языке с заметным отклонением от норм литературного языка. На степень владения русским языком у сельских жителей влияет характер их трудовой деятельности и уровень образования. Старшее поколение кумыков владеет русским языком, но пользуется им меньше, чем среднее и младшее поколения.

Развитие общественных функций кумыкского и русского языков происходит в обстановке равноправия и взаимообогащения. Повышение уровня культуры населения, распространение среднего и высшего образования, развитие литературы, искусства обусловили тот факт, что кумыкский народ, как и все дагестанские народы, является активным создателем коммунизма в дружной многонациональной семье народов СССР.

А. Ш. ХАНКИШИЕВА

РУССКИЙ ЯЗЫК В МАЛИ

Расширение экономических и культурных связей Советского Союза с государствами Африки способствует повышению интереса к нашей стране у народов этого континента. Все больше африканцев изучает русский язык. Республика Мали не составляет исключения в этом отношении. Курсы русского языка при Советском культурном центре в Бамако неизменно пользуются популярностью у людей всех возрастов. Есть филиалы курсов и в других городах. Их посещают учащиеся лицеев, учителя школ, врачи, служащие, рабочие. Занимающиеся на курсах получают значительный объем сведений об СССР, навыки русской разговорной речи. Преподают здесь сотрудники Советского культурного центра, а также местные учителя русского языка из лицеев.

Как известно, Мали — государство в Западной Африке с населением около семи миллионов человек. В сентябре 1960 года в стране была провозглашена республика, а в 1962 году была проведена реформа национального образования и началась борьба за ликвидацию неграмотности. В том же году в столице республики городе Бамако был создан Национальный педагогический институт — самый крупный из малийских вузов, где в 1972 году было открыто русское отделение. Здесь готовят национальные кадры учителей русского языка для лицеев страны.

Русский язык в нескольких лицеях Мали был введен в 1967 году. Он преподается как второй, наряду с арабским, немецким, китайским, испанским. Среди пяти языков, изучаемых лицеистами по выбору, русский язык занимает первое место. В общей сложности русскому языку обучаются примерно 7500 человек.

Занятия ведутся по учебникам, изданным в Советском Союзе. Обучение в лицее заканчивается экзаменом на звание бакалавра,

что дает право поступления на отделение русского языка в Национальный педагогический институт без экзамена.

Сначала занятия по русскому языку в лицеях вели советские учителя. Но по мере подготовки собственных национальных кадров советских преподавателей заменяли малийские, а с 1979 года занятия по русскому языку в лицеях проводятся исключительно силами выпускников Национального педагогического института.

Подготовку студентов по специальности «учитель русского языка» на русском отделении института осуществляет кафедра русского языка, где работают преподаватели из разных вузов Советского Союза. Обучение ведется на русском языке и продолжается четыре года.

Согласно учебному плану, на русском отделении преподаются следующие дисциплины: практический курс русского языка, теоретический курс современного русского языка, методика преподавания русского языка как иностранного, языкознание, русская и советская литература, страноведение, история СССР.

Помимо занятий, предусмотренных учебным планом, желающие могут посещать кружки русской и советской поэзии, музыкально-хоровой, танцевальный и другие, организуются конкурсы сочинений, литературные вечера. Вся эта работа ведется в контакте с курсами русского языка при Советском культурном центре в Бамако: регулярно демонстрируются советские учебные, документальные и художественные фильмы, проводятся читательские конференции. Это способствует расширению и углублению страноведческих знаний студентов и дает обучающимся дополнительные возможности общения на русском языке.

Большую помощь в подготовке национальных кадров учителей русского языка оказывает Институт русского языка имени А. С. Пушкина в Москве. Он посылает учебную и художественную литературу, технические средства обучения, оказывает методическую помощь советским преподавателям в Мали. Кроме того, система подготовки малийских студентов по специальности «учитель русского языка» относится к так называемому включенному типу обучения иностранных студентов. Это означает, что один из этапов подготовки студентов по русской филологии проводится в вузах Советского Союза. В зависимости от условий обучения на родине пребывание в вузах нашей страны продолжается один или два семестра. Для малийских студентов такого рода учеба продолжается два семестра. Как правило, малийские студенты-русисты третьего курса учатся в Институте русского языка имени А. С. Пушкина.

Качественное повышение уровня владения языком осуществляется не только посредством активизации и коррекции ранее полученных знаний, но и за счет введения большого объема нового

материала как по практическому курсу, так и по теоретическим дисциплинам. Учебный год в Советском Союзе продолжается 36—38 недель при недельной нагрузке не менее 30-ти часов. Студенты пишут курсовые работы по современному русскому языку, литературе, страноведению, методике преподавания русского языка как иностранного. Для них организуется также разнообразная культурно-страноведческая программа: учебно-ознакомительные экскурсии в Москве и Ленинграде.

Таким образом, пребывание в стране изучаемого языка представляет собой значительную часть подготовки малийских студентов как будущих учителей русского языка. Следует добавить, что программа включенного обучения предполагает ознакомительную практику в советских школах и в вузах, в которых обучаются иностранные студенты.

Четвертый, последний, год обучения малийские студенты проходят на родине. К этому времени в основной своей части обучение закончено. Теперь больше внимания уделяется педагогической практике, которая осуществляется под руководством советского преподавателя: студенты посещают занятия в одном из лицеев и в заключение дают самостоятельные уроки. Ведется работа над дипломной темой, ее основу составляет материал курсовой работы, подготовленной за время пребывания в Москве. Защитой дипломной работы заканчивается обучение на отделении русского языка.

Кафедра русского языка в Бамако поддерживает постоянную связь с выпускниками русского отделения, оказывает им методическую помощь: совместно с Министерством национального образования разработана тематика лекций и семинарских занятий школы молодого преподавателя как основной формы повышения квалификации. Ежегодно проводятся конференции, на которых обсуждаются актуальные вопросы методики преподавания русского языка. Есть возможность повышать квалификацию по системе заочного обучения в Институте русского языка имени А. С. Пушкина. Лучшим выпускникам предоставляется возможность учиться в аспирантуре этого института.

Русский язык изучают также по программе лицеев учащиеся Профессионально-технического центра в Бамако — будущие рабочие технических специальностей, знание русского языка помогает им лучше усваивать технические специальности. В качестве общеобразовательной дисциплины русский язык входит в программу обучения в Политехническом сельскохозяйственном институте в городе Катибугу.

Г. В. ДОНЧЕНКО

В середине XIII века на юго-западе Руси, в Галицкой земле, была создана Галицкая летопись. Этот памятник дошел до нас в составе Ипатьевского свода наряду с «Повестью временных лет», Киевской и Волынской летописями. Специалисты единодушно признают его высокие литературные достоинства. Галицкое историческое повествование часто называют жизнеописанием Даниила Романовича Галицкого. Дело в том, что летопись представляет собой подробный рассказ о правлении князя Даниила, объединителя Галицко-Волынского княжества, талантливого политика и полководца.

Русское летописание выработало к тому времени определенный способ изображения исторических лиц. Главное внимание уделялось деяниям князя, он был основной фигурой в летописном повествовании. Специальным рассуждениям о чертах какого-либо правителя отводилось особое место и время. Качества князя сами по себе почти всегда интересовали летописца лишь в связи с его кончиной: за сообщением о смерти, как правило, следовало перечисление достоинств умершего. Здесь же летописец иногда помещал и сведения о внешности князя. Ярким примером посмертной характеристики-похвалы может служить сообщение о смерти племянника Даниила Романовича — Владимира Васильковича, помещенное в Волынской летописи. Оно соединяет в себе весьма конкретные черты чело-

века и отвлеченные добродетели: «Сии же благоверный князь Володимерь возрастомъ бе высок, плечима велик, лицемъ красен (т. е. красив), волосы имея желты, кудрявы, бороду стригыи, руки же имея красны и ноги, речь же бяшетъ в нем тольста (т. е. «говорил басом»),... глаголаше ясно от книг, зане бысть философ велик и ловечь (охотник) хитр, хоробр, крепок, смирен, не злобив, правдив, не мѣздоимецъ, не лжив, татьбы ненавидаше, питья же не пи от возраста своего, любовь же имяше ко всем...» (Все ссылки на Галицкую летопись даются в тексте по изданию: Полное собрание русских летописей. Т. II, М., 1962). Такие развернутые характеристики, впрочем, редки, обычно они немногословны, сжаты.

Иначе изображается в Галицкой летописи Даниил Романович. Исторический материал довольно непринужденно группируется автором памятника таким образом, чтобы как можно подробнее показать деятельность Даниила. В обычной летописи перечисление добродетелей становилось своеобразным рубежом, знаменующим естественную смену правителей и перенесение авторского внимания на поступки другого лица, оно удачно вписывалось в общий строй погодного изложения событий. Жизнеописанию Даниила чужда подобная локализация характеристики. Она распространяется до масштабов всего произведения и как бы рассередоточена по многим отдельным описаниям.

Каждый из конкретных эпизодов при этом является лишь подтверждением неизменных качеств Даниила, еще одной яркой их иллюстрацией. Черты характера галицкого правителя (например: «Бе бо дерз и храбор, от главы и до ногу его не бе на немь порока») очень редко описываются автором, как правило, они проявляются из подробного изложения событий. На первый план выдвигается эмоционально-художественное начало.

Галицкий автор отдает предпочтение воинским качествам Даниила. Многократно характеризуются ратные подвиги самого князя и его дружинников, передаются вдохновенные обращения Даниила к воинам. Он страшен противникам не только как полководец, предводитель дружин, но и как весьма искусный воин. Поэтому в жизнеописании Даниила появляются не совсем обычные батальные картины. Речь идет об изображении его в бою как простого воина.

Обычно летописцы отмечали смелость и решительность князя в руководстве дружинами. «Неполководческие» действия героя, не связанные с ролью военачальника, упоминались крайне редко. Галицкая летопись дает уникальные примеры личных подвигов Даниила и его сына Льва. Автор описывает отдельные единоборства в ходе сражений. В этих батальных фрагментах не просто дается информация о том, что князь с полками «пошел», «бился», «победил», а отражаются самые острые моменты борьбы, в максимальном приближении показаны отдельные эпизоды боя: «Данил же вобде копье свое в ратьного, изломившу же ся копью и обнажи мечь свои, позрев же семь и семь (туда и сюда) и види стяг Васильков (брата), стояще и добре борющь,... обнажив меч свои, идущу ему брату на помощь многы язви и иныи же от меча его умроша». Летописец смотрит на поведение князя в бою с точки зрения дружинника-профессионала, раскрывая конкретность приемов ведения боя. Таков рассказ о рукопашной схватке Льва Даниловича с ятвягами: «Львови же, убодшему сулицу свою (копье) в щит его и не могущу ему тулитися (укрыться), Лев Стекытия (вождя ятвягов) мечемь уби».

Наиболее выдающимся описанием личного подвига Даниила может быть назван фрагмент повести о Ярославской битве, входящей в состав Галицкой летописи. В этом сражении русские полки сошлись с дружинами Ростислава Черниговского и венгерского воеводы Фильния. Князь проявил здесь большую доблесть: «Данил же, видив близ брань Ростиславлю и Филю в заднемь полку стояща со хоруговью... выеха ис полку и, видев Угруна грядущаго на помощь Филю, копьемь сътече и (его) и вогруженну бывшу в немь уломлену спадеся..., пагы (опять) же Данило скоро приде на нь и раздруши полк его и хоруговь его раздра на полы».

Другой тип изображения князя всецело ориентирован на то, чтобы читатель увидел в нем предводителя дружин. Это — описания торжественные, создающие впечатление величия и воинского могущества. Они противостоят сообщениям о различных боевых ситуациях. Под 1252 годом в летописи рассказывается о посещении Даниилом венгерского короля, у которого в это время находились немецкие послы. Галицкий князь демонстрирует западным соседям свою силу. Их взору открылись дружины,двигающиеся боевым порядком: «...беша бо кони в личинах и в хоярех (попонах) кожаных, и людье во ярыцех (латах), и бе полков его светлость велика от ружья блистающася; сам же еха подле короля, по обычаю Руску, бе бо конь под ним дивлению подобен и седло от злата жьжена и стрелы и сабля златом украшена иными хитростьми, яко же дивитися, кожух же оловира Грецького и круживы златыми плоскими ошит и сапози зеленого хъза (кожи) шити золотом. Немцем же зрящим много дивящимся».

Летописец создает своеобразный парадный портрет князя. Обилие реальных бытовых деталей служит здесь идеализации Даниила. Снаряжение и одежда интересуют автора как атрибуты могущественного правителя. Известно, что в древнерусской исторической письменности подвиги дружины часто переносились на князя. Эта особенность реализуется и в описании шествия армии Даниила Романовича: блистают полки, сияет и фигура князя. При этом летописец сосредоточивает свое внимание уже не на конкретных поступках, а на внешних признаках предводителя и его воинства. Книжник любит парад русского войска, с гордостью сообщает об удивлении немецких послов, вызванном богатством оснащения русской армии и роскошным одеянием Даниила: «седло от злата жьжена», «стрелы и сабля златом украшена», кожух «кружевы златыми ошит», сапоги «шиты золотом». Такое внимание к золоту не случайно: ему придавалось символическое значение, оно служило олицетворением богатства и власти.

Ситуация появления Даниила перед иноземцами используется летописцем с определенной целью: дать самое яркое и впечатляющее его изображение. Это своеобразный центр идеальной характеристики князя. Здесь он не совершает подвига, привлекающего к нему внимание читателя, поэтому выделить князя из толпы блестящих воинов можно только еще более яркими внешними деталями: и конь под ним «дивлению подобен», и седло, и стрелы, и сабля — все богаче, все вызывает восхищение и страх перед могущественным князем.

Описание движения галицких полков содержится и под 1251 годом: «Воемь же всим съедшим и вооружьшимся, пешьдемь изостана, шите же их, яко заря бе, шелом же их, яко солнцю восхо-

дяцю, копием же их держащим в руках, яко тръсти (тростник) мнози; стрелчем (лучники) же обапол идущим и держащим в руках рожанци (луки) свое и наложившим на не стрелы своя противу ратным. Данилови же на коне седяшу и вое рядящу». Оно построено по той же композиционной схеме (сначала изображаются воины, затем — их предводитель), дающей возможность прославить Данила через его подданных. Сияние дружин вновь «направлено» на князя. Летописец ничего не говорит о роскошном одеянии Данила, потому что сама обстановка здесь иная — войска готовятся к бою. Однако, несмотря на это, полководец выделен автором из массы наступающих: он — на коне и словно бы возвышается над рядами пехих ратников.

Галицкий летописец обладает своеобразным ярким стилем, он хорошо знаком с приемами книжной риторики и чуток к народно-поэтической традиции. Обратим внимание, в частности, на трехчленное построение фразы. Сравнение («щиты..., яко заря», «шелом..., яко солнцю восходящю», «копием..., яко тръсти мнози») включает в трех своих частях как бы намек на целостную картину природы. В той же манере описываются здесь и лучники: «по обе стороны идущие», «держашие в руках луки», «наложившие на них стрелы».

В рассказе 1251 года, как и в описании появления Данила перед венгерским королем, мы сталкиваемся с излюбленным приемом галицкого автора — оценкой доблести Данила и его воинов через мнение противников-иноземцев, испытывающих удивление и страх при виде дружин Данила. Так, например, войско князя «оценивается» пруссами и ятвягами: «Можете ли древо поддержати суличами (копьями) и на сию рать дерзнути?». Такой способ характеристики непобедимости князя сближается с выражением «им же половцы дети страхаху», использованным с теми же целями применительно к отцу Данила, Роману Мстиславичу, в той же Галицкой летописи.

Личность Данила Галицкого, выдающегося деятеля русского средневековья, так живо запечатленная на страницах летописи, привлекала внимание не только ученых, но и писателей. Его образ воссоздан, в частности, в романах советских авторов А. Югова «Ратоборцы» и А. Хижняка «Даниил Галицкий».

А. А. ПАУТКИН

Рисунки В. Леонова

Именно такой необычный с нашей точки зрения, приказ князя Андрея Александровича, сына Александра Невского, получили русские воины после взятия ими шведской крепости Ландскроне. Сообщение об этом содержится в Симеоновской летописи. Приведем его полностью. «В лето 6810 (1302 г. н. э.) князь великий Андрей Александрович с Новгородци и с всеми ратьми ходил на немци и взя город немецкый Венец, на реце на Неве, а Неву раскопати повелел, а немцев много убиша, а иных руками яша, а князя их убиша» (Полное собрание русских летописей. Симеоновская летопись. СПб., 1943, т. XVIII, с. 85).

Так скудные строки летописи раскрывают нам одну из страниц героической борьбы русского народа против немецких рыцарей и шведских королей за выход к Финскому заливу, который всегда имел жизненно важное значение не только для Новгорода, но и для всей Руси. Крепость Ландскроне, что в русском переводе означает «венец земли» (в летописях просто «Венец»), была построена шведами с агрессивной целью на севере Новгородской земли, точнее при впадении реки Охты в Неву. О том, как эта попытка шведов

закрывать русским выход к морю окончилась полным провалом, и повествует летописец. Сообщения о битве за «Венец» содержатся и в других летописных сводах, загадочная фраза «...а Неву раскопати повелед...», которая трудно поддается переводу на современный русский язык и по-разному может быть истолкована, повторяется в Лаврентьевской летописи и Владимирском летописце.

Начнем с выяснения значений слова *раскопати*. В памятниках древнерусской письменности этот глагол (и его варианты *раскопати*, *раскопывати* и др.) употреблялся с двумя значениями. Первое из них обозначает трудовой процесс, связанный с земляными работами, что соответствует современному русскому «разрыть (землю), раскопать», например: «...и повеле розкопати землю, и въстави тамо струб, и ту погребе коня своего» (см. ПСРЛ, т. IX. Никоновская летопись. Под 1149 годом). Второе значение этого слова — «разрушить», стоявшее в тесной смысловой связи с первым, в древности относилось к военно-строительной терминологии и современному русскому языку не свойственно. Причем завершающий этап формирования этого значения прослеживается по письменным источникам. Летописные своды, повествуя о различных вооруженных конфликтах, сообщают, что взятие крепостей обычно сопровождалось их разрушением, точнее разрушением главного защитного сооружения — земляного вала: «...и бысть брань зла, и подсекоша тын и вал разкопаша и зажгоша...» (там же. Т. X. Никоновская летопись. Под 1219 годом). Делалось это для того, чтобы полностью разоружить противника, надолго лишить его возможности ведения боевых действий. В связи с тем, что процесс раскапывания земляного вала был, как правило, неотъемлемой составной частью всего процесса разрушения крепости, то и глагол *раскопати* в большинстве памятников употребляется в составном наименовании *раскопати город* со значением «разрушить крепость» (перенос наименования с части на целое). «В лето 6860 (1152 г. н. э.). Князь велики Изяслав Мстиславич Киевский взя Градец князя Юрья Владимировича Долгорукаго, и сожже и раскопа, а люди разведе» (там же. Т. IX. Никоновская летопись. Под 1152 годом). «Того же лета поиде князь Александр на немци и шед взя город Копорию и раскопа, а немци изби...» (там же. Т. XV. Тверская летопись. Под 1241 годом). Оба значения слова *раскопати* зафиксированы в словаре И. И. Срезневского. Но, учитывая связь второго значения с первым, И. И. Срезневский не делит словарную статью к этому слову на две части, а дает второе значение лишь как вариант первого (См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка). Словари конца XVIII — начала XIX века, хотя и со ссылками на памятники церковнославянского языка, обычно фиксируют зна-

чение *раскопати* — «разрушить, разорить», но указывают при этом, что оно имеет переносный характер.

Словарь Академии Российской (СПб., 1792), Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету, составленный П. А. Гильдебрандом (СПб., 1882—1885), причастие *раскопанный* поясняют: 1) Разрытый. 2) Разоренный посредством раскапывания. Таким образом, имеющиеся данные позволяют установить, что приказ князя «раскопати Неву» не поверг в полное недоумение русских воинов. Однако для нас остается по-прежнему неясным, идет ли речь о земляных сооружениях на берегу Невы, или сама Нева представляла собой какую-то преграду, возможно ли было и каким образом «раскопати» Неву? Кроме того, сама семантическая структура интересующего нас словосочетания подсказывает чисто лингвистический вопрос, на который не дают ответа перечисленные словари: употреблялось ли слово *раскопати* в древнерусском языке со вторым значением «разрушить» без какой бы то ни было связи с первым — «разрыть, раскопать землю»?

Чтобы найти ответ, обратимся вновь к сведениям о войне 1300—1301 годов. Историки Н. М. Карамзин и М. Н. Тихомиров, изучавшие события, связанные с битвой за Ландскроне, не только по русским источникам, но и по шведским хроникам, указывают, что шведское войско выступило из Стокгольма на 1100 или 1200 судах, и остановка его в устье Невы не была случайной. В месте впадения в Неву реки Охты существовала естественная и безопасная гавань, так что суда могли подходить к самому берегу. Здесь и решено было построить крепость.

Еще любопытнее для нас эпизод военных действий, содержащийся в хрониках, о котором Н. М. Карамзин и М. Н. Тихомиров сообщают по-разному: «...россияне, имея намерение сжечь их (шведов) флот, хотели при сильном ветре пустить несколько горящих судов из Ладожского озера в Неву; на что маршал Торкель... велел оградить исток Невы потаенными сваями; что новгородци, видя неудачу, вышли из лодок» (Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892); «Русские направили в гавань Ландскроне зажженные плоты, чтобы уничтожить шведский флот, но шведы предусмотрительно заперли гавань железной цепью» (М. Н. Тихомиров. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV веках. Госполитиздат, 1941). Очевидно, эти укрепления на Неве и приказал разрушить князь Андрей Александрович после взятия крепости. Заградительные сооружения, построенные шведами у входа в гавань, вероятно, не имели ничего общего с земляным валом. Следовательно, значение «разрушить» — как трудовой процесс, связанный с земляными работами, — глагол *раскопати* уже

утратил и получил иные смысловые оттенки терминологического характера.

Необходимо все-таки заметить, что появления на этой основе новых значений у глагола *раскопати* не произошло. Да и само значение «разрушить» удерживалось, по-видимому, до тех пор, пока крепости в военном деле играли заметную роль. Может быть, поэтому академические словари русского языка, как уже говорилось, иллюстрируют это значение примерами из библейских текстов, в словаре В. И. Даля оно не зафиксировано, словарь церковнославянского и русского языка, в котором была сделана попытка дифференцировать русский словарный состав по исторически вошедшим в него речевым стихиям, относит *раскопати* в значении «разрушить» к церковнославянской лексике (Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847). В современном русском языке с таким значением это слово не употребляется и не отмечено в словарях.

О. В. ПРИСКОКА

Рисунок Б. Захарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Как правильно сказать *пуховый* платок или *пуховый*?

Сальникова, Оренбург

Правильно употребить словосочетание *пуховый платок*. Форма *пуховый*, хотя еще и встречается, является устаревающей.

Как правильно сказать: *манжета* или *манжет*?

Сыромятников, Уфа

Это слово может употребляться и в женском роде (*манжета*) и в мужском (*манжет*).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ выражения *на чем свет стоит* — пока что одна из фразеологических загадок русского языка. Попытка разгадать ее принадлежит авторам «Краткого этимологического словаря русской фразеологии» Н. М. Шанскому, В. И. Зимину и А. В. Филиппову. Констатируя, что источник оборота *ругать(ся) на чем свет стоит* «неясен», они высказывают следующее предположение: «Связано с заговорами; ругая основания мира, человек полагал этим воздействовать на них» (Русский язык в школе, 1979, № 6).

Однако такое толкование мало проясняет исходный образ фразеологизма. Во-первых, оно находится в противоречии с семантической и грамматической логикой выражения, которое значит — не осуждать или укорять «основания мира», а основательно, интенсивно, безудержно бранить кого-то или что-то. Следовательно, речь идет не о воздействии на мир, свет, вселенную, а о воздействии на бытовую и конкретный объект действительности. Во-вторых, среди заговорных формул, части которых действительно могли становиться ядром фразеологизмов, нет таких, которые бы выражали идею «воздействия на основания мира». Заговор — это связанный с суевериями реликт народной медицины, колдовское средство, направленное против болезней или злых духов и демонов, а не против основ мироздания вообще. Наконец, приведенная гипотеза построена

на убеждении, что оборот *на чем свет стоит* искони сочетался лишь с глаголом *ругать (ся)* и потому его первичным значением было именно «сильно, безобразно ругать(ся)».

Рассмотрим сначала весь комплекс значений нашего оборота и возможно полный набор глаголов, с которыми он может или мог сочетаться.

В современном литературном языке, действительно, выражение *на чем свет стоит* употребляется исключительно с глаголами *ругать, ругаться* или с их синонимами *бранить, браниться, поносить, честить, костерить, лаяться* и под.: «После Цусимы вошло в моду ругать русский флот на чем свет стоит...» (Соболев. Капитальный ремонт); «Хозяева огородов лаются на чем свет стоит...» (Шукшин. Степка).

Такое употребление было характерно и для классической литературы прошлого века: «Бьет себя по лбу недогадливый проситель и бранит на чем свет стоит новый порядок вещей...» (Гоголь. Мертвые души); «А теперь вот и Наталья Дмитриевна, которую вы давеча на чем свет ругали и которая вас же ругала, у вас в гостях сидит» (Достоевский. Дядюшкин сон); «Сторож стал лаяться на чем свет стоит» (Помяловский. Очерки бурсы).

Однако сочетание оборота *на чем свет стоит* с глаголами *ругать (ся), бранить (ся)* и под. в языке прошлого века отнюдь не было обязательным, как теперь. А. М. Бабкин и А. И. Молотков, представившие полный словарный анализ этого фразеологизма (Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.—Л., 1964; Молотков А. И. От фразеологизма к фразеологизму.—Русский язык за рубежом, 1970, № 3), регистрируют еще несколько значений, обусловленных сочетаемостью с глаголами *превозносить, хвалить, врать, скучать, божиться, обрадоваться, суетиться*: «И вот шел он однажды по улице с своим приятелем, по обыкновению об идеалах калякал и свою мудрость на чем свет превозносил» (Салтыков-Щедрин. Либерал); «...убедительно просит определить «подателя» к месту, выхваляет его на чем свет стоит...» (Некрасов. О том, какое действие производят рекомендательные письма...); «Граф Хвостиков, выпивший стаканов шесть шампанского, принялся врать на чем свет стоит: он рассказывал, что отец его, то есть гувернер-француз, по боковой линии происходил от Бурбонов» (Писемский. Мещане); «Помню, я еще тогда приехал к себе в деревню с гуманными целями и, разумеется, скучал на чем свет стоит» (Достоевский. Униженные и оскорбленные).

Ф. Г. Гусейнов к этой коллекции глагольных сочетаний добавляет такие глаголы, как *избить, расконфузить* (Гусейнов Ф. Г. О случаях новосемантизации фразеологических единиц. Уч. зап. педагогического института русского языка и литературы

им. М. Ф. Ахундова, сер. XII, № 2, Баку, 1974); «Остервенился зверь, жену избил на чем свет стоит» (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки); «Раскопфузила она меня на чем свет стоит» (Писемский. Питерщик).

Из всей весьма широкой палитры былых глагольных сочетаний оборота *на чем свет стоит* в современном языке сохранились, кроме фразеологизма с глаголом *ругать*, лишь сочетания с глаголом *хвалить* и его синонимами, но и они очень редки.

Факты литературного употребления, таким образом, показывают, что в прошлом веке оборот *на чем свет стоит* не имел строго узаконенного глагола-сопроводителя и сочетался с глаголами весьма различной семантики. Ф. Г. Гусейнов на основании этих фактов делает вывод о развитии значения и семантической структуры этого выражения. Фразеологизм *на чем свет стоит* означал «очень сильно» (что-н. делать). Семантически неоднородные слова, заполнявшие глагольную позицию окружения, выпали из этой позиции. Иными словами, современное выражение *ругать кого-н. на чем свет стоит* — результат отпадения ряда глаголов и «приращения» одного к сочетанию *на чем свет стоит*, что привело к предельному сужению значения оборота.

Сделанный вывод очень важен для выявления первичного образа нашего оборота. Ясно, что при поисках этого образа мы уже не должны сосредоточиваться лишь на значении «бранить, ругать». Исходным здесь был, по-видимому, семантический множитель «что-н. делать очень сильно», выведенный Ф. Г. Гусейновым из сложения значений глаголов-сопроводителей прошлого. Значение «очень сильно» логично вытекает из буквального смысла сочетания *на чем свет стоит*, связанного с чем-то основательным, устойчивым. «До самой земли», «до самого основания», «до самых устоев мироздания» — вот, следовательно, первичный общий смысл нашего оборота. Эта исходная мотивировка и делает естественной его связь со всеми выше приведенными глаголами — *ругать*, *хвалить*, *врать*, *божиться* и даже *избить* или *раскопфузить*.

При всей семантической широте глаголов, с которыми употребляется оборот *на чем свет стоит*, нельзя не видеть, что наиболее частотны именно те, которые связаны не с деятельностью вообще, а с речью. О древности такой связи говорят восточнославянские соответствия — показательно, что и в украинском, и в белорусском языках наше выражение употребляется именно с глаголами речи: укр. *на чім (на чому) світ стоїть лаяти; лав на чім світ стоїть;* белор. *на чым свет стаіць; на чом (чым) свет стаіць лаяць, клясці, прыбіраць*. Понять причину этого можно, лишь углубившись в исходную образность выражения.

Какие именно представления лежат в основе описательного сочетания *на чем свет стоит*?

Они уходят своими корнями в языческие верования наших предков. Согласно этим верованиям, свет действительно *стоял* на чем-то. Чаще всего его основа представлялась в виде какого-нибудь животного, могучего героя-богатыря или богов, поддерживающих вселенную с четырех сторон. Такие верования «логично» объясняли, в частности, землетрясения: когда животное движется либо боги меняют позу, земля и начинает содрогаться.

У многих народов было распространено верование, что земля покоится на четырех столбах и когда эти столбы шатаются, земля трясется. По суеверным представлениям некоторых народов, свет стоит на одном столбе или железном шесте, который пытается перегрызть дьявол.

Из животных чаще всего «держателями» света являются волы, быки, змеи и рыбы. Древние египтяне располагали землю между рогами быка. А на одной вавилонской глиняной табличке земля изображена покоящейся на огромной змее, свернувшейся в клубок и символизирующей океан.

Южные славяне считали, что земля стоит на воде, вода на огне, а огонь на «змеегорючем» огне.

Для восточных и западных славян было характерно представление о том, что свет держится на рыбе. Особенно устойчивым, «хрестоматийным» в восточнославянском фольклоре было убеждение, что «земля на трех китах стоит». В романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» некий «сказочный премудрый царь» так и оценивает роль этой «рыбы»: «— Я еще вам, братцы, про то скажу: у нас Кит-рыба всем рыбам мать: на трех на китах земля стоит». В русской народной сказке «Марко богатый и Василий Бессчастный» по киту-рыбе, лежащей через море-океан, идут и едут как по мосту. Это тоже своеобразное преломление символа рыбы как опоры земли.

В обороте *на чем свет стоит* подобные суеверные представления отразились по-разному. С одной стороны, как уже сказано, он стал усилителем значения глаголов, с которыми соединялся. Отсюда, вероятно, *избить на чем свет стоит* — это избить основательно, не оставив живого места; *хвалить на чем свет стоит* — превозносить чья-л. достоинства целиком и полностью, все без остатка, «до самой основы»; *божиться на чем свет стоит* — клясться самими основами мира и т. д.

Вместе с тем некоторые из подобных сочетаний — яркое свидетельство скептического отношения народа к суеверным выдумкам об устоях мироздания. К ним относятся *врать на чем свет стоит*. С одной стороны, здесь прямая связь с центральным значением обо-

рота на чем свет стоит — «основа мироздания», «нечто очень прочное и надежное»: ср. в этом отношении *врет, что под ним ни одна лавка не устоит или лжет, что оно сами грешат* (Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб., 1912), где лживость как бы испытывается «на прочность».

С другой стороны — перед нами уже эвфемизм (смягченное выражение), прямое значение которого «рассказывать противоречивые небывлицы об основах мироздания». Эти два представления соединяются фольклорной традицией, где эвфемистическое значение подкрепляется старинными горькими пословицами, известными русским и украинцам: *Свет спокои веку неправдою стоит, Ложь стоит до правды*; укр. *Брежню світ живе* и в то же время *Не на брехні світ стоїть*.

Эвфемизмом в конечном счете является и сочетание *ругать на чем свет стоит*. В нем присутствует общее усилительное значение оборота *на чем свет стоит*, свойственное и другим глагольным сочетаниям, но глагол *ругать* здесь употреблен прежде всего потому, что этот оборот в фольклорном употреблении может быть и смягченным, эвфемистическим наименованием дурака. Ведь именно на дураках, как утверждает шутивно-язвительная пословица, и держится мир: *Дураками свет стоит, Дураками свет красится*. Следовательно, буквальное значение фразеологизма *ругать на чем свет стоит* — «называть кого-либо дураком». Показательно, что именно такой, эвфемистический характер выражения отразил в «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкин, где после эвфемизма дается и его «расшифровка»:

Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!..»

Эти пушкинские строки — первое появление фразеологизма в русской литературе. Несомненно, популярность пушкинской сказки в немалой степени способствовала активному употреблению оборота *на чем свет стоит* именно в сочетании с глаголом *ругать*. Родившись на основе древних мифологических представлений о вселенной у восточных славян, этот оборот первоначально мог соединиться с различными глаголами, усиливая их значение. Фольклорная традиция обусловила его шутивное переосмысление, что заострило его экспрессивность. Освященное гением Пушкина, народное выражение *ругать на чем свет стоит* вошло в русский литературный язык и продолжает жить в нем и в наши дни.

В. М. МОКИЕНКО
Рисунок С. Гавриловой

На небольшом хуторе Голодный пай неподалеку от села Баницы Курской области 87-летняя женщина слабым, но внятным голосом пропела студентам, участникам фольклорной практики, песню о муже, который, уезжая, наказывал любимой жене оставаться дома, кормить коня, водить его укрытым, поить из ведерочка. Жена не послушалась мужа и жалеет об этом.

— Пустила коня да на сине море.
 Синее морюшка сколыхнулася,
 А белая рыбушка стрепяхнулася,
 А я молодая одумалася.
 Да сидела б я дома,
 Да кормила б я коня,
 Водила б коня в оброточке,
 Да поила б из ведерочки,— говорит она себе.

«Муж уехал, а жена загуляла»,— объяснила смысл песенных событий Домна Васильевна Языкова. В наши дни подобное толкование доступно далеко не всякому слушателю традиционной народной песни. Здесь перед нами наглядно предстает одно из коренных свойств народной лирики, вполне понятное самой исполнительнице, а именно «переносность (метафоричность)», когда образ и значение относятся к далеким друг от друга порядкам явлений, каковы, на-

пример, *внешняя природа и личная жизнь*» (Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905). В более широком смысле это означает, что, называя какой-то предмет или действие, песня зачастую ведет речь о чем-то ином, не совсем похожем или вовсе непохожем на то, что она назвала.

Песенное иносказание многообразно. Существует несколько распространенных приемов, с помощью которых обыкновенные слова наполняются в песне необыкновенным смыслом. Но как бы то ни было, многосмысленное содержание песни заключено все же не в чем ином, как в тех же словах, если условиться на время забыть о мелодии, которая не умаляет, а усиливает значение слова, внося в то же время в песню свой дополнительный и глубокий смысл. Следовательно, чтобы понять песню, войти в ее мир, нужно освоиться с ее словами, из которых возникают образы и межобразные связи.

Вот один из вариантов протяжной народной песни из свода А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» (СПб., 1897, т. 3), записанный в прошлом веке в той же Курской области (губернии):

Вниз по реченьке, вниз по быстренькой,
Там плывет утка да со селезнем.
Впереди плывет селезенюшка,
Селезенюшка сиз-косатенький,
А за ним плывет сера утушка.
«Ты постой, постой, селезенюшка,
Ты постой, постой, сиз-косатенький!
Ой, и лучше б нам да вместе плыть,
Да вместе плыть, нам не розниться!
Промеж нас прошла быстрая река,
Быстрая река, разлука моя...»
В нас по сенюшкам, в нас по новеньким,
Там ходил Степан да со Марьею.
Впереди идет да Степан-сударь,
А за ним идет да и Марья-свет.
«Ты постой, постой, да Степан-сударь,
Ты постой, постой, да Иванович!
Ой, и лучше б нам да вместе йтить,
Да вместе йтить, нам не розниться!
Промеж нас прошла чужая жена,
Чужая жена, разлука моя...»

По композиции песня представляет собою соединение двух картин: селезень уплывает от утки, муж уходит от жены. Между этими картинами легко замечается сходство и соответствие. Явле-

ние такого совпадения двух событий, одно из которых совершается в мире природы, а другое в мире человеческой жизни, называется в фольклористике *параллелизмом*. Подобные соотносимые картины рисуются в песнях подробно или лаконично, занимают много места или затрагиваются мимоходом. В приведенном варианте они заполняют собою весь песенный текст, обрастают подробностями и деталями.

Казалось бы, подробности должны обособить и разобщить две картины: чем ближе приглядываемся мы к миру природы и к миру человеческих взаимоотношений, тем резче обозначается контраст. Но не так в песне. Подробности здесь усиливают сходство. Это может быть лишь в том случае, если совпадением отмечены не только общие события (селезень уплывает — муж уходит), но и отдельные штрихи и в той, и в другой части параллели. Совпадение же подробностей говорит о том, что ни в одной из них не высказывается мысль поющего. Она обнаруживается лишь в их взаимной перекличке. Детали разных картин как бы придают друг другу дополнительный и необычный смысл. Из этой переклички становится ясно живое содержание песни, которое вовсе не сводится к простому факту супружеской измены. Как музыкант находит музыку не в самих нотах, а в их соотношенности и как будто «между» нот, так и творец песни находит смысл в столкновениях слов и как будто «между» ними.

В первой же строке песни дважды повторяется наречие с предлогом *вниз по*. Это повторение разделяет слова *реченьке быстренькой*, которые должны бы находиться рядом. Разделенные слова как бы взвешиваются на ладони, словосочетание ломается, каждое из слов начинает звучать неторопливо и многозначительно, привлекает к себе дополнительное внимание. Что соответствует представлению о реке во второй части параллели? Чужая жена? Да. Ведь река разлучила утку с селезнем так же, как чужая жена разлучила Марью со Степаном. Но этого мало, так как в песне данное соответствие лежит на поверхности и не затрагивает ее подтекста. *Река* же в фольклоре, и в частности в нашем варианте, может быть таким же символом, как и *дорога*, то есть символом жизненного пути, судьбы, выпавшей на долю. И в этом случае *река* соответствует образу *ходил по сням* во второй части параллели. В самом деле, откуда такое смешение времен в песне:

В нас по сенюшкам, в нас по новешким,
Там *ходил* Степан да со Марьею.
Впереди *идет* да Степан-сударь,
А за ним *идет* да и Марья-свет.

Значит, Степан с Марьей ходили по сеним нового дома до того, как что-то случилось. Новые сени — это символ недавно начавшейся жизни. В песне поется о молодой семье, о любви двух только что начавших совместную жизнь людей, каждым из которых певец любит (Степан-сударь, Марья-свет), как любит он и их двойниками (селезеньюшка сиз-косатенький, сера утушка). Ровно и счастливо шла жизнь. И вдруг такое течение жизни неожиданно прерывается. Что-то случилось, и сени становятся свидетелями происходящего сейчас: впереди идет Степан, а за ним, торопясь и не успевая, спешит его молодая жена. То же и в первой части: вот по речке плывет утка с селезнем. Но не обманывайтесь, взгляните — селезень плывет впереди, а утка догоняет и не может догнать его. Такой переход от более общей картины к частной — один из излюбленных приемов народной песни, получивший название *ступенчатого сужения образов*. Понятно становится, что и эпитет *быстренькая* применительно к речке должен иметь какое-то соответствие во второй половине песни. Как река быстро уносит селезня, не давая утке возможности дозваться, остановить его, так и муж расстается с женою неожиданно, почти мгновенно. Совсем немного осталось им пройти вместе: вот откроется дверь, и все будет кончено так скоро и удивительно страшно в своей обыденности. Видимо, о разрыве Степан сказал только что в горнице, и молодая женщина, не в силах освоиться с тем, что открылось ей в его словах, спешит следом, зовет и просит. Но видно, что последние слова:

— Промеж нас прошла чужая жена,
Чужая жена, разлука моя... —

она произносит для себя и почти про себя, когда дверь уже открылась и снова закрылась за уходящим мужем. Не потому ли и во второй части песни *сенюшки* и эпитет *новенькие* разделены предлогом с местоимением *у нас* (*в нас* — диалектная форма; *у* и *в* мало различаются в той местности, где записана песня), так же, как и слова *реченька* и *быстренькая* в первой. Эпитет *быстренькая* соответствует сеним, в которых так скоро и почти мимоходом совершается горькая разлука. И точно так же, как и Марья, последние свои слова утушка произносит тихо, «про себя», не надеясь, что их услышит селезень, которого река унесла слишком далеко (графически это «про себя» обозначено в тексте тем, что заключительные слова стоят после знака восклицания, которым заканчивается предшествующая, громко произнесенная часть монолога).

Из всего сказанного становится понятен второй, скрытый за чисто внешними событиями, сюжетный план песни. Она рассказывает не о простом факте, но передает муку беззащитного человеческого сердца, боль потрясенного сознания, трагедию мгновенного

горестного переживания, возникшего как страшное препятствие на прямой и счастливой дороге жизни. Мгновение, в которое разбивается сердце и рушится жизнь,— вот тема песни.

В песне представлен как бы сторонний образ — образ рассказчика, вернее, певца.

В нас по сенюшкам, в нас по новеньким,
Там ходил Степан да со Марью,— говорит он.

Почему и откуда появилось это *у нас*? Что оно значит? У кого это *у нас*? Дело в том, что народная песня всегда предполагает какой-то отклик, какую-то названную или завуалированно обозначенную аудиторию, внимающую певцу или герою песни. В данном случае *у нас* означает односельчан, крестьянский мир, всех, кто живёт рядом, знает Степана и Марью. Но почему же самый что ни на есть заурядный факт в песне порождает такой глубоко осознанный и прочувствованный отклик, такое всеобщее потрясение, которое кажется небывалым и из ряда вон выходящим? Потому что в песне события хотя и изображаются извне, как бы возникающими перед глазами стороннего наблюдателя, но представляются и передаются так, как чувствуют и воспринимают их те, о ком в песне поется. Не в последнюю очередь это оказывается возможным благодаря песенным параллелизмам. Происходящее в природе соответствует происходящему с человеком. Но к миру природы приобщены все, и поэтому то, что происходит с героями, через мир природы передается и нам, слушающим песню. События частной жизни в песне затрагивают в конечном счете все окружающее, так что и сама песня оказывается тихим словом, прозвучавшим на весь мир.

Ю. И. ЮДИН

Рисунок В. Толстоногова

Так исстари называли весну и начало лета. Последний месяц весны май в говорах имеет названия: *мур*, *листопук*, *росёник*. Название *мур* связано со словом *мурава* «трава». *Замураветь* — зазеленеть (о весенней траве и деревьях) [архангельские говоры]. Название *листопук* образовано от *лист* и *пук*, последнее от *пукаться* «распускаться (о почках)». *Береза пукается* — зеленеет. Недавно стоявшие голыми леса начинают постепенно окутываться зеленой дымкой листвы: *лес бросается*; *лист бросился* (на каком-либо дереве). В говорах это значит: «распустились листья какого-либо дерева». В новгородских говорах время появления листвы называют *распрёиска*.

Зеленеет лес:

Идет—гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: все зелено,
И воздух и вода!

Некрасов. Зеленый шум

Интересно примечание Некрасова к названию стихотворения «Зеленый шум»: «Так народ называет пробуждение природы весной».

1-е мая (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) — день *Иеремии-запрягальника*, начало пахоты и сева. 2-е мая — день *Бориса и Глеба, барышьдень, борисдень* («Борис и Глеб сеют хлеб»), *соловьиный день*, в этот день обычно начинает петь соловей. По народным приметам он начинает петь тогда, когда сможет напиться с березового листа.

3-е мая — день *Мавры-зеленые щи, -рассадицы, -молочницы*. В это время обычно поспевают кислица, щавель; коровы начинают прибавлять молока, крестьяне сажают молодую капусту из рассадников в гряды, на их столе появляется первая молочная каша.

Наступила теплая сухая погода — *бсуха* (псковские, тверские говоры). Солнечное тепло и теплая солнечная погода в русских говорах носят названия *загрёва, сугрево, угрёва, теплоповодье, теплынка, тишина*. Место, согреваемое солнцем, называется *подпек, посвет* («Баню и то ране на *посвет* ставили, а дом-то без *посвета* не дом — *тюрма*» — забайкальские говоры), *угрёва, угрёвила, сугрёв, акрённое место, алгб, алгйстое место, солныш, солнопёк, солнозобй*. Палящее солнце в мае, когда еще нет настоящей тени, обжигает кожу, может даже поразить тепловым ударом; весенний загар в русских говорах называется *солнопёк, гриснёц*.

В жаркую солнечную погоду у поверхности земли переливается видимый слой воздуха; в воронежских и липецких говорах это явление называют *волнушки*.

Лес становится тенистым (*затемрѣвил* — воронежские говоры).

В народе тень называют так: *заувея, захолодь, збстынка, затбн, захолустье, заусолбье, усолбье, збстенъ, оттёнок, збсенка, усынка, заусёнка, збсни, заснынка* («Под березками в *заснынке* не так жарко» — псковские говоры), *сенёц* и др. Участок поля, находящийся весь день в тени леса, называется *заувея, увея*; на нем плохо родится хлеб. *Заувея берет* — не попадают солнечные лучи. «Увея — хлебу злодей»; «Где лесом увевае, там посеву не место» — таковы народные поговорки.

6-е мая по народному календарю — день *Иова-горошника, -росеника*. В этот день обычно сеяли горох. Считалось, что «большая роса, либо ясный день на горошника, к урожаю огурцов». Сложилась поговорка: «Майская роса — лучше овса». Роса в говорах имеет также названия *заря* («Ото сна Алеша пробуждается... утренней *зарей* умывается» — сибирские говоры), *брезугб* (архангельские говоры).

9-е мая — день *Николы вешнего*. Приметы и поговорки, связанные с этим днем, такие: «Никола осенний лошадь на двор загонит, а Никола весенний лошадь откормит»; «Егорий с ношей, а Никола с возом»; «Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались

на Николин травой»; «Велика милость мужику на Николин день, когда поле польет дождичком». С этого дня сеяли овес и пшеницу.

13-е мая — день *Лукерьи-комарницы*. «В мае месяце, по осьмой тысяче, родился конь крылатый, не боится царя в палате» (загадка о комаре). Приметы: «Комары толкутся к ведру»; «Когда появятся комары, пора сеять рожь»; «Много комаров, быть хорошему овсу»; «Комара нет, овса и трав не будет».

Днем *Олены-длинные льны* называли 21-е мая. В этот день начинался сев льна. Сохранились такие приметы и поговорки, связанные со льном: «Лен сей в последнюю четверть»; «Лен две недели цветет, четыре недели спеет, на седьмую семя летит»; «Мни лен доле, волокна будет боле (волокно будет доле)». Вот загадка о льне: «Били меня, колотили, во все чины производили, на престол с царем посадили».

В конце мая начинает колоситься рожь. 29-е мая — день *Феодосьи-колосницы*, *-колосёницы*, *-колосьяницы*, *-колосавы*, *-колосовицы*. По старым народным представлениям Феодосья-колосница — покровительница ржи. Сохранилась поговорка: «У кого колос, у того и голос». А вот загадка о колосьях: «На тонце на деревце животы наши качаются?». В деревнях в день Феодосьи-колосницы выпекали обрядовое печенье — *колбся*.

Во второй половине мая стоит обычно сухая жаркая погода. В ясном небе изредка появляются небольшие облачка. Они в русских говорах имеют такие названия: *блáчка* (воронежские, курские говоры), *блочíнка* (брянские говоры), *кавбáш* (вологодские говоры), *бáрхаточка* (ярославские говоры), *глабáздинка* («На небе глабаздинки плавают. Чертят небо светлые глабаздинки» — олопецкие говоры), *бурачкí* мн. ч. (архангельские говоры), *бычкí* мн. ч. (свердловские говоры). Интересно, что слово *бычки* употребил в поэме «Коробейники» Н. А. Некрасов:

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по небу бычки...

Поэт дал к слову *бычки* следующее примечание: «Бычки — небольшие отрывочные тучки (Ярославская губерния)»; это позволяет нам установить более широкий географический ареал слова: не только свердловские говоры, но и ярославские.

В значении «становиться ясной (-ым) (о погоде, небе)» в русских говорах записаны такие глаголы: *вёдре(и)ть*, *вёдренеть*, *привёдривать*, *увёдриться*, *запогбдить*, *опогбдиться*, *распогбживаться*, *разгодóниться*, *разгáдниваться*, *вбяснить*, *запроясниться*, *разъясниться*, *прохорáшиваться*, *провиднётъ*, *лбситься*, *вбьярищивать*, *обьяряться*, *размолáживать*, *ядрí(é)ть*, *разъядриться*, *бухóнить*,

*разбухонить, баситья, выбаситья, бухмаритья, ободнѣтья, закра-
совѣтитя, белѣть, раздырѣло.*

Наступает июнь — «румянец года».

В начале июня в Тульской губернии крестьяне наблюдали за восходом солнца: если солнце появлялось на чистом небе, то полагали, что будет хороший налив ржи.

12-е июня в народном календаре — день *Петра-поворота, -солно-
ворота*, когда «солнце поворачивается на зиму (укорачивается день), а лето на жары». Вот загадка о солнце: «По заре зарянскоѣ катился шар вертлянский: никому его не обойти, не объехать».

Высшая точка стояния солнца в русских говорах называется *притѣн солнца, полдни. С полдѣн своротѣть* в среднеобских говорах значит: «миновать высшую точку стояния солнца». *Солнце койтѣся* — так говорится о солнце, когда оно после полудня склоняется к западу (архангельские говоры). *Солнце слезитѣся* — «идет дождик при солнечном сиянии»; *солнышко веваѣтъ* — «то спрячется, то выглянет из-за туч» (записано в Тульской области).

В подмосковных говорах солнце, скрытое за облаками, называется *занбс*; солнце спряталось в облака, тучи — *заумерло* (вологодские говоры), *схоронѣлось* (рязанские говоры). Солнечные лучи из-за тучи, из-за кучевых облаков в архангельских говорах носят название *бышб*. Отражение на море солнечного света столбом в тех же говорах называется *грѣлица*.

В мае — июне удивительно хороши восходы и заходы солнца, огромный шар его в погожие дни ярко пламенеет при восхождении и закате. «Рано солнышко из-за лесу *забрындевало* (сказка)» — такой пример встречаем в словаре В. И. Даля. *Забрындеветь* в данном случае — «засиять, заблестеть» (архангельские говоры). В тех же говорах *спорыдѣтъ* (о солнце) — «светить, озарять», «появляться, показываться»: «Пора вставать, уж солнышко спорыдаѣтъ». Глагол *спорыдѣтъ* связан с глаголом *рдетъ* «краснеть». *Спорыданѣе вари* в олонецких говорах значит «пробуждение, рассвет зари». В «Причитаньях Северного края» Е. В. Барсова (Т. I, СПб., 1872) встречаем такие строки:

Из поранному было по утрышку,
До ранняго петунья воспеваньица,
До уныла соловьиного жупляньица,
До ранней зори спорыданьица...

В псковских говорах заря называется *зблок*; *зблочить* — «начинает заниматься заря». В тех же говорах *полузблок* — «сама ранняя пора утра, когда восток только начинает алетъ»,

В представлении крестьян Смоленской губернии существовало сказочное существо *Заряла*. Когда ребенок не засыпал и ждал утра, то его утешали: *скоро придет Заряла*.

Об утренней и вечерней заре сложено много пословиц, поговорок: «Утренняя заря краше вечерней»; «Зарю проспять — рубля не достать»; «Заря деньги родит»; «Заря золотом осыплет, или озолотит (о работе)»; «Багровая заря к ветрам»; «Какова вечерняя заря, таков другой день».

В соликамских говорах *тёмная заря* значит «закат».

23-е июня — день *Аграфены-купальницы*. С этого дня начинали купаться в водоемах. В день Аграфены-купальницы ходили вечером в лес за лекарственными травами. В Вологодской губернии их связывали в венки и приговаривали: «Приехала купаленка на семьдесят тележеньках, привезла нам купаленка добра и здоровья, богатства и почести».

24-го июня праздновался день *Ивана-Купала*, *-травника*, *-цветника*, *-летнего*. В ночь на Ивана-Купала собирали лекарственные травы, искали сказочную траву *архиллин*, предохраняющую якобы от сглаза, порчи и т. д.; стремились увидеть и сорвать небывалый цветок папоротника, который будто бы обладает свойством указывать клады. Считалось также, что это день ведьм, оборотней, колдунов.

В Сибири накануне дня Ивана-Купала, вечером, молодые женщины ходили в поле рвать двенадцать различных трав; по возвращении домой клали их в изголовье постели, *завечая* (загадывая) свою судьбу. Всякий сон в эту ночь считался вещим. В ночь на Ивана-Купала перепрыгивали через костры и крапивные кусты; купались в рося.

С дня Ивана-Купала начинался первый покос. Вот пословицы, приметы, связанные с этим днем: «Корми меня до Ивана, сделаю из тебя пана (говорит пчела)»; «Коли до Ивана просо в ложку, то будет и в ложке»; «На Ивана-Купала появляются светляки»; «На Иванову ночь звездно — много губ (грибов) будет».

29-е июня — день *Петра и Павла*, *Петра-рыболова*. «Петр и Павел два прибавил (два часа дня)»; «На Петров день солпышко играет (Тульская губерния)»; «С Петрова-дня — красное лето, зеленый покос»; «Доставай (ладь) косы и серпы к Петрову-дню»; «Коли дождь на Петров-день, то и сенокос будет мокрый»; «Соловей поет до Петрова-дня»; «Кукушка кукует до Петрова-дня».

Петров-день был для крестьянина важным переломным днем; с него начиналось настоящее лето,

Т. В. ГОРЯЧЕВА

Рисунок В. Толстоногова

Название протянувшейся на более чем две тысячи километров горной страны вдоль северной части границы между Европой и Азией *Урал* неоднократно привлекало к себе внимание ученых разных специальностей, особенно географов, историков и языковедов. Они попутно или даже специально пытались выяснить, откуда появилось название *Урал* и что оно первоначально обозначало. Мнения были самые противоречивые, но спор шел преимущественно между сторонниками финно-угорского происхождения топонима (такой точки зрения придерживались французский ученый О. Соважо, венгерские языковеды Я. Гуя и Б. Кальман) и сторонниками его тюркского происхождения (А. К. Матвеев, Г. К. Ковкашпаев, Ш. З. Бахтиев). Однако почти у каждого автора много расхождений в деталях.

Следует помнить, что у многих народов в разные времена *Урал* и его отдельные части именовались по-разному.

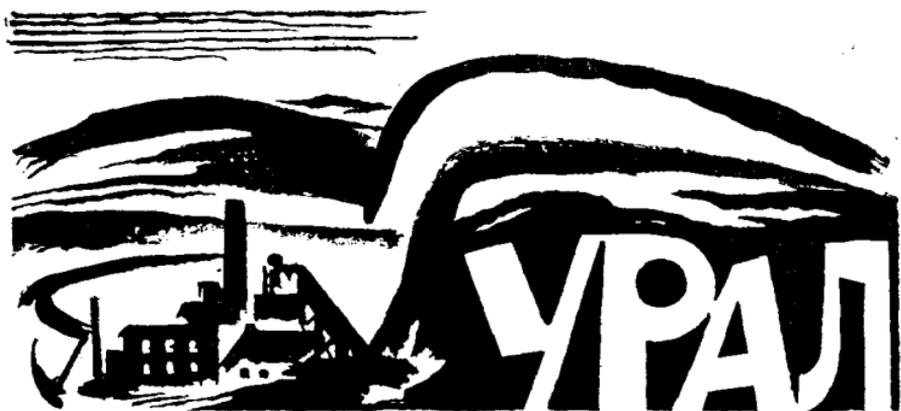
Античное название Уральских гор — *Рифейские*, или *Гиперборейские*, горы — когда-то употреблялось как особого рода поэтический топоним у поэтов-классиков в XVIII веке. Встречается оно, например, в одах М. В. Ломоносова:

За Обские брега вселенный,
Хребтом *Рифейским* заключенный,
За коим сильна росска власть
Велику держит востока часть...

Ода на прибытие..., 1742 года

И се Минерва ударяет
В верьхи *Рифейски* копьем...

Ода на день восшествия..., 1747 года

Но это было подражание древним греческим и латинским авторам и широкого распространения у нас не получило.

Обзор различных теорий, связанных с названием *Урал*, можно найти в кратком топонимическом словаре А. К. Матвеева «Географические названия Урала», вышедшем в 1980 году в Свердловске.

Старинное русское наименование этого горного хребта было просто *Камень*, оно широко использовалось в русском языке для названия гор вообще (см.: Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959). В языках народов Северного Приуралья Урал также именуется *Камень*: мансийск. *Нёр*, хантыйск. *Кев*, коми *Из*, ненецк. *Нгарка Пэ* (буквально «большой камень»). Название *Камень* относилось преимущественно к Северному Уралу и было сравнительно поздно заменено современным наименованием *Урал*, которое появилось в русских источниках со второй половины XVII века и распространялось с юга (см.: Ястребов Е. В. Названия Уральских гор в XV—XVIII вв.— Вопросы географии, сб. 110. Топонимика на службе географии. М., 1979). В связи с этим предлагавшаяся некоторыми исследователями финно-угорская этимология топонима *Урал* из мансийского сочетания *ур-ала* «крыша горы» оказывается неприемлемой. К тому же сами манси Урал так не называют, употребляя для этого только наименование *Нёр* — буквально «камень».

Была сделана попытка разгадать таинственный топоним с помощью далекого сибирского эвенкийского языка, где есть слово *урэ* «гора» и показатель множественного числа *-л*, то есть *урэл* «горы». Но соответствие оказалось фонетически неполным, да и принятию этимологии мешала значительность расстояний между объектом и предполагаемым источником названия. К тому же Урал

русскими поселенцами преодолевался с запада на восток: знакомство с горами произошло гораздо раньше, чем с далеким от них предполагаемым источником названия.

С появлением географических карт старинное название Урала *Камень* у русских постепенно выходит из употребления.

*

До XVIII века на географических картах Урал обычно именовался как *Пояс*, *Каменный Пояс*, *Земной Пояс* (особенно это относилось к Северному Уралу), поэтому считалось, что *Урал* и *Пояс* — это слова с одним значением. Топоним *Пояс* считали переводом башкирского или татарского слова *Урал*, связывая последнее с глагольной основой *урал-*, которую переводили на русский язык глаголом «опоясываться» (хотя фактически современные словари дают другие переводы: «мотаться, наматываться, обматываться, навиваться, накручиваться; обвиваться, сплетаться; заворачиваться, обертываться; запутываться» и т. д.). Это весьма неточное толкование получило довольно широкое распространение в научной и популярной литературе.

А. К. Матвеев твердо придерживается мнения, что для разгадки названия необходимо учитывать наименование самого длинного хребта на Южном Урале — *Уралтау*, то есть «Урал-гора» по-тюркски. В «Книге Большому Чертежу» это название дано в форме *Арал(ь)това* (или *Орал(ь)това*) гора.

Первая часть названия *Аралтау* — *Арал* — логично увязывается со старинным тюркским наименованием местности *Арал* «остров» в дельте Амударьи (дельтовые рукава и протоки создали здесь множество островов; по местности Арал получило свое имя Аральское море). Во второй части четко просматривается тюркский географический термин со значением «гора» — *тау*, *тав*, *таг*, *даг* и т. п. В тюркских языках термин *арал* обозначает не только «остров», но и переносно — «островок леса в степи» и даже «возвышенность», что хорошо подходит к сравнительно низким Уральским горам. Здесь стоит вспомнить, что в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» Уральские горы именуются *Уральскими буграми*.

Как же название *Арал* преобразовалось в *Урал*?

На такой вопрос можно ответить, учитывая достижения нашей тюркологической науки, которая в истории чувашского языка — потомка древнего булгарского языка — отмечает интересное явление: переход гласного *a* начального слова в гласный *y* (в литературном языке и низовом наречии; в верховом наречии сохранилась промежуточная ступень *o*). Например, общетюркским словам *кара* «черный», *ат* «лошадь», *акча* «деньги», *аксак* «хромой» в чуваш-

ском языке соответствуют *хура, ут, уксах, укса* и т. п. Современная форма *Урал* вместо старой *Арал* была обязана влиянию древних, уже сейчас исчезнувших диалектов болгарского языка, от носителей которых усвоили это название современные народы Приуралья. Изменение *а* останется неясным, если не будет учтена роль древних болгарских диалектов в формировании лексики и топонимии Приуралья. Вопрос этот требует некоторых пояснений.

Дело в том, что чувашско-болгарский язык когда-то имел гораздо большее распространение, чем сейчас, но в конце XIII — начале XIV вв. часть болгар по каким-то причинам испытала смену языка чувашского типа на тоже тюркский язык типа современного татарского. Об этом говорят болгарские надгробные надписи соответствующего времени. К середине XIV века на территории современной Татарии надписи на языке, близком к чувашскому, исчезают, их место занимают надписи на старотатарском языке. Между чувашами и татарами, предки которых когда-то составляли единый болгарский народ, возникает языковой барьер, который вместе с рядом других причин привел к возникновению двух разных народов.

*

Татары, в языке которых тюркское нарицательное слово *арал* «остров, возвышенность» неупотребительно, сохранили топоним в старинном болгарском звучании *Урал*; так же звучит топоним и в башкирском языке. А вот в казахском языке сохранился его более древний болгарский облик *Орал*, но исключительно как топоним, отличающийся от обычного нарицательного существительного *арал*, с которым казахский топоним *Орал* уже не соотносится.

Река *Урал*, текущая с *Уральских гор*, получила современное название только в 1775 году, когда Екатерина II, желая искоренить память о мятежных яицких казаках, участвовавших в восстании Емельяна Пугачева, приказала переименовать реку *Яик* в реку *Урал*. Тогда же *Яицкий городок* получил наименование город *Уральск* по переименованной реке. Следовательно, река и горный хребет с прилегающей к нему территорией, служащие естественной границей между Европой и Азией, получили единое собственное имя до какой-то степени случайно, но здесь также отразилась и закономерность — присваивать смежным географическим объектам одинаковое собственное имя.

И. Г. ДОБРДОМОВ
Рисунок В. Комарова

По Золотому кольцу России

Два этих города расположены немного в стороне от трассы «Золотого кольца» (один справа, другой слева), но они входят в наш туристический маршрут. В разных книгах, статьях, путеводителях и даже изданиях справочного характера можно встретить два названия первого города. Одно — *Юрьев-Польской* — отмечается, например, в известной книге Н. Н. Воронина об архитектуре древних городов Залесья «Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской» (М., 1967) или в путеводителе «По земле Владимирской» (сост. Н. Демьянов; Ярославль, 1967). Однако большая часть справочников, карты, атласы приводят название во второй форме — *Юрьев-Польский*. Существующий разницей достаточно прочно вошел в жизненную практику, поэтому в «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1980) приводятся обе формы: «Юрьев-Польский (Юрьев-Польскóй), г., райцентр во Владимирской обл., на р. Колокша».

Юрьев-Польский раскинулся по обоим берегам реки Колокши, в болотистой, низменной местности, окруженной возвышенностями. Назад его легко принять за большое село, лежащее в низине сре-

ди повышающихся к горизонту полей. Поэтому зачастую вторая часть названия города воспринимается как прозрачная, связанная со словом *поле*.

В научной литературе распространено мнение о том, что город был назван по имени его основателя — князя Юрия Долгорукого. Ср.: «Укрепление построено в 1152 г. князем Юрием Долгоруким и названо его именем» (Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966). Есть и соответствующая запись в Никоновской летописи XVI века, где под 1152 годом сказано: «...великий князь Юрий Суждальский многи церкви созда и в свое имя град Юрьев заложи, нарицаемый Польский» (это — первое упоминание о городе). Однако данная цитата была, по-видимому, оформлена уже в позднейший период. Можно предположить, что топоним *Юрьев* в какой-то степени был связан с более древним *Юрьевым* — тем, что на Руси, в Поднепровье. На эту мысль наводит летописная запись 1152 года: она открывается известием о разорении враждующими с Юрием Долгоруким князьями принадлежащего ему «городка Юрьева»; заканчивается же эта запись сообщением об основании Юрьева в Суздальской земле.

Как же происходило становление формы топонима?

Любопытно, что древнейшая из сохранившихся летописей — Лаврентьевская (список XIV века), неоднократно упоминая Юрьев в Суздальской земле, ни разу не приводит этот топоним с дополнительным определением *Польской* или *Польский*. В этой связи интересно привести цитату из записи под 1177 годом, в которой описываются события междоусобной борьбы, предшествовавшей утверждению на владимирском столе Всеволода Большое Гнездо. Войска Всеволода и его противника Мстислава сошлись у Юрьева на реке Липице и «покрыша поле Юрьевское». Здесь идет речь о поле, на котором состоялась битва. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что поле получило название по городу, а не наоборот. Поддерживает это сомнение хотя бы такая топонимическая параллель: город Углич. Как известно, древнейшая форма этого топонима — *Угличе (Угличе) Поле*. Однако первоначально это название относилось не к Угличу, а к местности, к обширному полю, и лишь со временем стало метонимически применяться к городу (см.: Русинов Н. Д. Город Углич и Угличе Поле. — Русская речь, 1974, № 4).

Хотя присоединение определения *Польский* (или *Польской*) к топониму *Юрьев* уходит далеко в прошлое города, утвердилось оно в составе названия, очевидно, довольно поздно — не ранее XV—XVI вв. В грамотах и летописных текстах этого времени наряду с формой *Юрьев* употребляется форма *Юрьев Полски* или более привычная современному читателю *Юрьев Польский*. Пожалуй, одним из самых древнейших упоминаний города с помощью топо-

нима-словосочетания следует считать то, которое содержится в указной грамоте Ивана III Дмитрию Лазареву «О досмотре Кучецкой земли в уезде Юрьева Польского», которая датируется историками 1485—1488 гг. (Памятники русского права. Вып. 3, М., 1955). Определить же по источникам, какой именно вариант определения — *Польской* или *Польский* — употребляется раньше, трудно, поскольку в подавляющем большинстве случаев топоним приводится в каком-то из косвенных падежей, которые дают одинаковую форму для обоих вариантов.

Большинство ученых склоняются к следующей трактовке смысла определения *Польский* (*Польской*): «стоящий, расположенный в полях, меж полей».

В Кратком топонимическом словаре В. А. Никонов отмечает: «Определение дано в отличие от г. Тарту, тогда называвшегося в России *Юрьев*. Определение из основы *поле*, так называлась территория севернее Суздаля, давно освоенная для земледелия». Действительно, город являлся центром земледельческой округи. Не исключено, как уже было упомянуто выше, что первоначально слово *поле* входило непосредственно в название города и впоследствии было переосмыслено как определение. Окончание *-ой* в форме *Польской* — исконно русское. Важно и то, что многие местные жители называют и сейчас свой город *Юрьев-Польской*, хотя в большинстве официальных документов топоним употребляется в форме *Юрьев-Польский*. Между прочим, такая форма названия ведет иногда к неверной ассоциации с Польшей, к которой, как известно, ни сам город, ни его название отношения не имеют. Другие ученые связывают второй компонент топонима *Юрьев-Польской* (*Польский*), не со словом *поле*, а с однокоренным *ополье*. Ср.: «Название «польский» город получил от окружающего его ополья — волнообразной, во многих местах холмистой и безлесной местности» (Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956).

Что касается написания наименования города через дефис, без которого оно в наше время не употребляется, то это связано с существующей традицией, превратившейся в правило (которое, к сожалению, порой нарушается): если топоним представляет собой словосочетание, в котором определение занимает постпозицию, стоит после определяемого слова, то в этом случае топоним (ойконим) следует писать через дефис: *Петропавловск-Камчатский*, *Камень-Каширский*, *Каменка-Днепровская*, *Александровск-Сахалинский*, но: *Белая Церковь*, *Нижний Тагил*, *Великие Луки*, *Павловский Посад*.

Чем было вызвано присоединение определения к топониму *Юрьев*? Видимо, объективной необходимостью улучшить знаковую функцию названия, устранить омонимию, совпадение названий.

Ведь город Юрьев на Суздальщине не был одинок. Существовало несколько омонимичных ему топонимов — *Юрьевых, Юрьевцев*. И сейчас существуют населенные пункты с подобными названиями, например *Юрьевец* (ныне — поселок на пути из Владимира в Москву).

Город Юрьев-Польский в отличие от Владимира, Суздаля, других городов «Золотого кольца» не связан с какими-либо крупными историческими событиями. Однако около него произошли две большие битвы эпохи феодальной раздробленности (в 1177 и 1216 годах). Обе они получили названия *Липицких* (по реке Липице под Юрьевым). В Юрьеве-Польском находится архитектурное чудо владимирских зодчих — Георгиевский собор, построенный в 1234 году.

В Мещере, среди лесов, речек и озер, также в стороне от основной трассы «Золотого кольца», расположен старинный центр стекольного производства — город Гусь-Хрустальный. Он возник в середине XVIII века, получив свое название по реке, на берегу которой был построен, и в соответствии с профессиональной занятостью основной части населения.

Река Гусь — левый приток Оки. В. А. Никонов в своем словаре отмечает, что этот гидроним принадлежит какому-то неизвестному языку. Так, в гидронимии этой территории часто встречаются речные и озерные названия с основой *-ус*. Существует также версия, связывающая гидроним *Гусь* с угро-финскими языками и в соответствии с этим трактующая его как «река Еловая», ср. эрзянское слово *куз*, финское *kuusi*, имеющие значение «ель». Распространена также гипотеза (попавшая в многочисленные краеведческие издания) о непосредственной связи названия реки Гусь с названием птицы. Однако это менее правдоподобно, поскольку подавляющее большинство гидронимов в этих местах содержит неславянские основы; эти речные названия были усвоены, адаптированы славянами при освоении Мещерского края. К тому же, по законам словообразования славянских гидронимов, название реки в таком случае должно было иметь производную форму. Иными словами, вряд ли было возможно образование гидронима по схеме «река, гусь — река Гусь». Доказательство этому находим в книге Г. П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер)» (М., 1976), где зафиксированы такие производные речные и озерные наименования, как *Гусиха, Гусиное, Гусянка, Гусячий Брод, Гусенково Болото* и др.

Гидроним *Гусь* вошел в состав не только ойконима *Гусь-Хрустальный*. В Рязанской области на берегах той же реки стоит городок *Гусь-Железный*. Оба эти топонима возникли в XVIII веке; два названных города первоначально были заводскими поселками,

только один — при стекольном заводе, а второй — при металлургическом.

Интересно, что иногда можно встретить в старых изданиях топоним *Гусь*, оформленный суффиксом *-ев* (по-видимому, на это повлияла аналогия с названиями других русских городов: *Юрьев, Белев, Одоев* и др.). Такую форму написания названия города мы встречаем, например, в воспоминаниях Марины Цветаевой: «Нечаев-Мальцев был крупнейший хрусталезаводчик в городе Гусеве, потому и ставшем Хрустальным» (М. Цветаева. Сочинения в двух томах. Т. 2, М., 1980).

Город Гусь-Хрустальный вполне оправдывает свое название. Изделия его мастеров-стеклодувов, мастеров-резчиков по хрусталу широко известны в нашей стране и за рубежом.

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ
Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Как правильно говорить: «Ско́лько времени?» или «Ко́торый час?»

Светлана Палаус, Кустанайская область

Кото́рый час? — традиционная форма вопроса = обращения о времени. *Ско́лько времени?* — более новая форма, ставшая литературным вариантом к традиционному обращению.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (последних изданий) конструкции — вопросы: *сколько времени?* и *какой час?* толкуются как равноправные в нормативном отношении и нейтральные стилистически.

В литературной речи не допустимы просторечные варианты вопроса: *сколько время?* и *сколько часов?*

Где правильно поставить ударение в слове *силос*?

Панов, Курск

В слове *си́лос* (не *силбе*) ударение ставится на первом слоге. Прилагательное *си́лосный* (не *силбсный*).

С целым миром спорить я готов,
Я готов поклясться головою
В том, что есть глаза у всех цветов
И они глядят на нас с тобою.

...В час раздумий наших и тревог,
В горький час беды и неудачи
Видел я: цветы, как люди, плачут
И росу роняют на песок.

..Кто не верит, всех зову я в сад,
Видите: моргая еле-еле
На людей доверчиво глядят
Все цветы, как дети в колыбели.

Расул Гамзатов,
Есть глаза у цветов

Нет ничего на земле нежнее, поэтичнее и живописнее цветов — этого хрупкого и драгоценного дара природы.

В Древнем Египте и Индии, в Элладе и Римской империи, в Японии и Мексике — везде и всегда цветы служили символом поклонения прекрасному. Их изображения издавна были основой для различных эмблем. Так, Индия украшала свой герб лотосом, а в Египте почитали лилию. Лилий поклонялись и древние персы, которые даже свою столицу назвали *Суза* — «город лилии».

Цветы способны задеть самые нежные струны души. Вот первые впечатления археолога Картера при вскрытии гробницы Тутан-

хамова, приведенные в книге Зенона Косидовского «Когда солнце было богом»: «Что, однако, среди этого ослепительного богатства произвело наибольшее впечатление, это хватающий за сердце венок полевых цветов, который положила на крышку гроба молодая вдова. Весь царственный блеск, вся царская пышность бледнели перед скромными, поблекшими цветами, которые сохранили еще следы своих давних свежих красок. Они красноречиво напоминали нам, насколько мимолетным мгновением являются тысячелетия».

Такова магическая сила цветов.

С весны до осени, сменяя друг друга, цветут самые разнообразные дикорастущие и садовые цветы.

Первые вестники весны — *подснежники*. Так называют растения, цветущие тотчас по сходе снега, — *горицвет весенний*, или *вяичий мак*, *стародубку*; *подснежный колокольчик*; *прострел*, или *сон-трава*, *сон-зелье*, *самсончики*; *пролеску*, или *ростики*.

Подснежный колокольчик имеет латинское название *Galanthus pivalis*, происходящее от греческих слов *gala* — «молоко», *antos* — «цветок», *pivalis* — «снежный». О таких молочно-белых цветах писал К. Паустовский: «...белые подснежники чуть-чуть качались, кивали заре, и каждый цветок позванивал, будто в нем сидел маленький жук кузька-звонарь и бил лапкой по серебряной паутине» (Стальное колечко).

Вслед за подснежными колокольчиками появляются лазурные *пролески*, называемые в народе также *просиренью* и *голубыми подснежниками*. Цветы эти часто упоминаются в художественной литературе: «Уже голубели пролески, и по свежему изумруду первой велени желтел одуванчик» (Гоголь. Мертвые души);

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый
Последний снежок...

М а й к о в. Весна

Относительно происхождения слова *пролеска* у лингвистов нет единого мнения: одни считают, что оно происходит от слова *лес*, другие — от *лезу* (см., например: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

Древняя легенда гласит, что, когда Адам и Ева были изгнаны из рая, шел сильный снег и Еве было очень холодно. Тогда, чтобы ее успокоить и вселить надежду в наступление тепла, несколько снежинок превратились в прекрасные цветы. Поэтому подснежник считается символом надежды.

Все сильнее греет весеннее солнце, и начинают распускаться разноцветные бокальчики *крокусов (шафранов)* — белые с изящными фиолетовыми жилками на лепестках, лиловые и светло-лиловые, ярко-желтые.

У древних греков крокус (или шафран) считался цветком богини утренней зари Эос (Авроры) и символизировал счастье. В древней Ассирии, Индии и Египте он был известен как красильное, пряное, лекарственное и декоративное растение.

Названия *крокус* и *шафран* пришли в Европу с древнего Востока.

О крокусах (шафранах) упоминается во многих художественных произведениях:

Отцвели кувшинки
И шафран отцвел.
Выбиты тропинки,
Лес и пуст и гол.

Бунин, Ольга

«Обрадованно лезут наперебой здесь и там из земли золото-лаковые звездочки крокусов» (Сергеев-Ценский. Валя).

От слова *шафран* образовано прилагательное *шафрановый* «желто-оранжевый с коричневым оттенком»: «Солнце скрылось в густую чашу леса за поляной, и лес темнел на шафрановом фоне заката» (Бунин. На даче).

Одним из первых расцветает и *прострел*. Согласно поверьям, этот цветок способен навевать сны, поэтому он называется еще *сон-травой*. Подробные сведения о цветке простреле и его названии можно почерпнуть из статьи Е. Н. Этерлей «Народные названия растений. Сон-трава. Приворотный корень» (Русская речь, 1973, № 6).

Весной расцветает и цветок, снискавший себе довольно печальную славу, — *барвинок*. Его название происходит от латинского слова *pergīna*, которое в свою очередь образовано от латинского *vincio* «обвивать, вязать, связывать». В русских народных говорах барвинок называется *могильницей*, *гроб-травой*.

В Западной Европе в средние века венки из барвинка надевали на идущих на казнь. В Италии барвинок называли *цветком мертвых*, во Франции — *фиалкой ведьм*. В средневековом суде при обвинении в сговоре с дьяволом судья, произнося имя обвиняемого, бросал на сковороду с кипящим салом листок барвинка. Если листок оставался на сковороде, то человека оправдывали, если слетал, — сжигали на костре. Однако на Украине считалось, что это растение в саду приносит счастье в дом, а в букете означает верную любовь. Украинские девушки в ночь на Ивана Купала плели из него венки и бросали их в воду, загадывая о суженом. Считалось, что съеденные листья барвинка пробуждают в сердцах любовь. Барвинок известен и знаменит как любимый цветок Жан-Жака Руссо. В своей «Исповеди» Руссо описал, как еще юношей, бежавшим от преследований из Швейцарии, нашел приют у мадам Ворап. Символом их любви и счастья стал цветущий барвинок.

С давних времен является любимницей человека *фиалка* (лат. *viola* — «фиолетовый»). Однажды, рассказывает легенда, одна из прекрасных дочерей Атласа, преследуемая жгучими лучами бога света Аполлона, обратилась к Зевсу с мольбой о защите. И тогда громовержец укрыл ее в тенистой роще, превратив в душистую фиалку. Любимым цветком фиалка была не только у древних греков. Римские поэты воспевали красоту этого цветка, а в некоторых городах Сицилии фиалку изображали даже на монетах. Символом невинности и скромности она считалась у древних галлов.

В русских народных говорах различные дикорастущие фиалки имеют названия *анютины глазки*, *иван-да-марья*, *маткина душка*, *конские копыта* и др.

Не менее популярно и другое скромное растение — *незабудка*, научное название которой *Myosotis* «мышьиные ушки». В русских народных говорах незабудка известна под названиями *горлянка*, *привожица*, *лихорадочная трава*, *жабы очи*.

Незабудка — символ постоянства и верности. Древнегреческая легенда рассказывает: пастух Ликас и пастушка Эгле, горячо и преданно любившие друг друга, должны были расстаться. При разлуке Эгле не могла удержаться от слез, и несколько крупных капель из ее голубых глаз, скатившись на траву, превратились в голубые цветы. Взяв из рук любимой эти цветы, Ликас отгадал их смысл и произнес: «Не забудь меня».

В старину в Англии с незабудкой было связано популярное празднество, известное под названием «Майская королева». Днем его обычно считалось 1-е мая. Перед домом самой красивой девушки сажалось *майское дерево*, а девушку провозглашали королевой весны, королевой мая. По прошествии года на следующую весну

«королеве» дарили венок и букетик из незабудок, чтобы она не забыла год своего царствования и помнила о том, что носила высокий титул. По окончании этой церемонии объявлялась новая королева весны.

Ни один цветок, кроме розы, не был столь воспет поэтами всех стран и всех веков, как нежно благоухающий, с изящно наклоненной головкой, *нарцисс*, который и в науке называется *Narcissus roëticus*, то есть нарцисс поэтический.

В древнегреческой легенде говорится о том, что нимфа Эхо однажды встретила прекрасного стройного юношу и влюбилась в него. Это был сын речного бога гордый красавец Нарцисс. Он оставался холодным к Эхо, и богиня Афродита по ее просьбе наказала его. Как-то, проходя мимо ручья, Нарцисс нагнулся, чтобы утолить жажду. Увидев в воде свое отражение, он влюбился в него и умер от любви. На том месте вырос белый душистый цветок, наклоненная головка которого как бы ищет водную гладь, чтобы еще раз полюбоваться собою.

Во время пиршеств или по возвращении воинов с победой римляне украшали себя венками из нарциссов. Изображение этого цветка встречается и на стенах древней Помпеи. А в Швейцарии даже устраивались специальные праздники — *нарциссии*.

Вслед за нарциссами расцветают тюльпаны. Название *тюльпан* происходит от персидско-турецкого слова *tülband* — «тюрбан», буквально «ткань из крапивы» (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

Знаменитый персидский поэт Хафиз писал, что с девственной прелестью тюльпана не могут сравниться ни нежные движения кипариса, ни даже сама роза.

В XVI веке тюльпан появился в Европе. Здесь увлечение этим цветком достигло таких размеров, что в Голландии оно превратилось в тюльпаноманию. На плите одного из домов в Амстердаме сохранилась надпись, гласящая, что два каменных дома были куплены в 1634 году всего за три тюльпановые луковицы.

Тюльпан воспет поэтами, в сказках он служит колыбелью для малюток фей, нежных эльфов и других загадочных и фантастических существ.

С каждым днем весна все больше и больше вступает в свои права, и в садах расцветают удивительные цветы — *гиацинты*.

Название *гиацинт* в переводе с древнегреческого языка означает «цветок дождей», так как он распускается на родине у себя, в Малой Азии, в период весенних дождей.

О появлении гиацинтов рассказывается в древнегреческой легенде. Сын спартанского царя Амикла и музы истории и эпоса Клио Гиацинт был любимцем бога света Аполлона, который не-

чаянно убил его, попав в него во время метания диском. Из крови Гиацинта выросли благоухающие цветы.

Спартанцы устраивали специальные трехдневные праздники — *гиацинтгии*, посвященные Аполлону и Гиацинту.

У древних греков гиацинт служил символом печали и горя. Но он был также и цветком радости. Молодые гречанки украшали себя этими цветами в день свадьбы своих подруг.

Особой любовью пользовался он у жителей Востока. Знаменитый персидский поэт Фирдоуси в своих стихах часто сравнивает волосы очаровательных красавиц с завитками лепестков гиацинта.

О гиацинте писал и А. К. Толстой:

Цветы у нас стояли в разных залах;
Желтофиолей много золотых
И много гиацинтов, синих, алых,
И палевых, и бледно-голубых.

Портрет

Цветы вокруг нас. Вместе с ними и их названия, имеющие, как мы увидели, давнюю поэтическую историю.

Е. Н. ЧЕРНЕЙ,
Л. К. ШИРЕВА
Кишинев

Рисунки С. Гавриловой

«ЯЗЫК РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ»

Под таким названием московское издательство «Высшая школа» в 1981 году выпустило учебное пособие.

В хорошо поставленной рекламе нуждаются самые широкие круги населения. Реклама сообщает нам о новых достижениях в разных областях народного хозяйства, о событиях в культурной жизни, спорте и т. п.

Какой должна быть печатная реклама? Каковы принципы ее составления? Какие требования предъявляются к языку и стилю рекламных текстов?

Об этих и других вопросах, связанных с рекламным делом, рассказывают авторы пособия Д. Э. Розенталь и Н. Н. Кохтев.

Пособие предназначено для студентов — будущих журналистов, но оно может принести практическую пользу тем работникам, которые занимаются рекламой.

ЕЩЕ в глубокой древности народами были созданы яркие образы богов, героев, злых и добрых существ. Античная мифология представляла в лице своих персонажей практически все человеческие качества. Олицетворяют мощь, силу Геракл и титаны; красоту, любовь — Афродита; мир искусств — Аполлон и т. д.

В мифологии имена и названия персонажей однозначны, но за ее пределами они приобретают многозначность.

Как известно, любой перенос осуществляется на основе каких-либо ассоциативных признаков. Так, например, в мифологии слово *сатир* означает «лукавое, сладострастное существо с козлиными ногами, бородой и рогами». Вне мифов по ассоциативным признакам, связанным с лукавством и сладострастием, свойственным некоторым людям, оно приобрело два переносных значения. Сравним исходное и переносные значения этого слова. Первое иллюстрируется в 17-томном Словаре современного русского литературного языка таким примером: «Диана, берегись! Старик Сатир не дремлет!.. Я слышу стук копыт... Рога прикрыв венцом, Вот он, любовник нимф, с пылающим лицом, Обезображенным порывом страсти зверской» (Фет. Диана...). Второе значение — «о сладострастном похотливом человеке» — таким: «Вы вели себя как старый волокита, обольщающий молодых девушек подарками, смотрели на меня, как сатир» (А. Островский. Доходное место). Третье значение — «о лукавом, насмешливом человеке» — мы встречаем в таком контексте: «Лишь один оставался спокоен — Это дедушка медный Крылов: — Не бездушным глядел истуканом, Он лукавым сатиrom глядел» (Некрасов. Недавнее время).

Вторичное значение слова *фурия* (древнеримская богиня мщения) обусловлено ее ролью, о которой можно судить по цитате из стихотворения Батюшкова «Сон могольца»: «...Терзаемый бичами фурий, Пустынный испускал ужасный вопль...». Вторичное значение

Эти
древние
всегда
юные
мента

«злая женщина» сохраняет основной признак богини: «...сия фурия, употребляя во зло глупую легковёрность супруга своего, вносит на невинного Ипполита гнусную небывальщину» (Пушкин. Опровержение на критики).

Как известно, самовлюбленность послужила причиной гибели мифологического Нарцисса, влюбившегося в свое отражение в ручье. Признак «самовлюбленность» лежит в основе вторичного наименования: «И этот самоуверенный, полный... апломба тон, каким говорил доктор, и выражение самовосхищения... словом все в этом сорокалетнем Нарциссе, влюбленном в себя, говорило, что он хочет порисоваться и убедить публику в своих преимуществах» (Станюкович. На камнях).

Порой при обозначении представителей животного мира также выделяются признаки внешности, поведения, среды обитания мифологических персонажей. Так, например, наименование *сатир* используется для обозначения птиц семейства куриных, имеющих наросты в виде рожек.

Вспомнив характерную внешность сатира, мы поймем, почему американская обезьяна семейства цепкохвостых названа словом *фавн* (римское название сатира).

Признак «среда обитания» дал наименование *найда* (в греческой мифологии нимфа рек и ручьев) моллюску, обитающему в пресных водах Европы.

Среди значений слова *сирена* есть такие: «хвостатое земноводное с длинным змеевидным телом, сохраняющее в течение всей жизни наружные жабры» и «крупное водное млекопитающее с ластами и хвостовым плавником, обитающее в теплых морях и реках». Они мотивированы необычной внешностью обитавшей в море коварной нимфы, изображавшейся в виде женщины с рыбьим хвостом или птицы с женской головой (первый признак оказался, видимо, предпочтительнее для наименования).

Многие из мифологических названий применяются не только для обозначения живых существ, но и для наименования предметов.

Слово *сирена*, кроме названных значений, имеет еще и такие: «прибор для получения звуков различной высоты и измерения звуковых колебаний» и «аппарат, приспособление для подачи сильных звуковых сигналов; сигнальный гудок с резким воющим звуком». Как мы знаем, мифологические сирены пением, то есть определенными звуковыми сигналами, завлекали моряков в опасные, гибельные места.

Вспомним приключения Одиссея. Проплывая мимо острова сирен, Одиссей залепил своим спутникам уши воском, а себя прика-

вал крепко привязать к мачте, чтобы, очаровавшись пением сирен, не повернуть корабль к острову, на верную гибель.

В древнегреческих мифах упоминаются воительницы-амазонки, которые вихрем носились на быстрых конях, сея смерть среди врагов. Существовало или нет легендарное племя амазонок — мы не знаем, но слово *амазонка* осталось: так теперь называют женскую одежду для верховой езды.

Из древней Греции пришло к нам слово *титан*. Им теперь называют большой кипяtilьник и особо прочный металл. Титаны в древнегреческих мифах — мощные великаны, боровшиеся с богами.

Называя человека *Аполлоном*, *сатиром*, *фурией* и т. п., мы всегда в какой-то степени сравниваем его с тем или иным мифологическим персонажем. Другое дело — когда мифологическим именем мы называем животных и предметы. Образность здесь, единожды возникнув, затухает, дав название только что открытому животному или изобретенному аппарату, прибору или инструменту.

Представим себе мастера, который изготовил легкую конную коляску с открывающимся верхом. Как ее назвать? А название должно быть поэтичным. И вспоминается миф о Фаэтоне, сыне бога солнца Гелиоса.

Каждый день Гелиос проезжал на своей огненной колеснице по небу, давая свет и тепло людям. Однажды Фаэтон решил прокатиться на ней и, не умея управлять, то слишком высоко поднимался над землей, то спускался слишком низко. От близости огненной колесницы горела земля. Разгневанный Зевс, узнав об этом, поразил Фаэтона молнией.

Какой представлял себе мастер эту огненную колесницу? Наверное, очень изящной и легкой. И, видимо, поэтому свою коляску назвал *фаэтоном*. В дальнейшем название *фаэтон* перешло на легковой автомобиль с убирающимся верхом из мягкого материала.

Мифологические имена довольно часто встречаются в художественных произведениях XIX века. Одни из них употребляются в первоначальном значении: «И всю природу, как туман, Дремота жаркая объемлет; И сам теперь великий Пан В пещере нимф покойно дремлет» (Тютчев. Полдень), а другие в переносном: «Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой, Что только было в нем, Отнес полчерепа медведю топором И брюхо проколол ему железной вилой» (Крылов. Крестьянин и работник).

Мифологические имена используются и в наше время: при наименовании новых приборов, инструментов, растений и т. п.

С. В. РЕДЬКИН

В современном русском литературном языке фразеологизм *пальма первенства* известен в значении «превосходство в чем-либо над всеми другими». Он широко употребляется и в глагольных словосочетаниях: *иметь, присуждать, предоставлять, передавать, оспаривать пальму первенства, пальма первенства принадлежит, остается, досталась* и др.

Слово *пальма* является ранним заимствованием из латинского языка. Оно употреблялось еще в древнерусском языке в значении «ветвь», что отмечено в материалах для Словаря древнерусского языка И. И. Срезневского.

С 30-х годов XVIII века слово *пальма* начинает помещаться в словари русского языка. Одним из первых его вводит в «Немецко-латинский и русский лексикон» (СПб., 1731) Вейсманн, рекомендуя переводить латинское *palma* и немецкое *palme* словами *палма, финик, верба; палмовое, финиковое, вербное дерево*.

Словари русского языка XVIII — начала XIX века — Словарь Академии Российской (1793), Новый словотолкователь Н. Яновского (1806), Общий церковно-славяно-русский словарь П. Соколова (1834) — отмечают у иноязычного слова *пальма* только значение «дерево».

Непосредственные языковые контакты, активная переводческая деятельность способствовали тому, что начиная с конца XVIII века слово *пальма* стало употребляться в русском языке в переносных значениях, известных другим языкам: «награда, отличие», «превос-

ходство, преимущество», «символ победы» и др. Вот примеры такого употребления из картотеки Словарного сектора Института русского языка АН СССР: «Глас его гремит во уши всей Европы; суд его верен; лавр и пальма раздается им по достоянию» (Ф. Ф. Тень Оссипа); «Здесь, друзья мои, отдайте пальму Английским законодателям, которые умели жестокое правосудие смягчить человеколюбием» (Карамзин. Письма русского путешественника); «Ты шествуешь в Петрополь с миром И лавры на главе несешь; Ты провозжаешься зефиром И Россам пальмы раздаешь» (Державин. На шведский мир).

Слово *пальма* в русском языке XVIII века употреблялось во фразеологически связанных глагольных сочетаниях *раздавать пальмы, отдать пальму, срывать пальму, получать пальму* и др. Как известно, словари отстают с регистрацией слов и значений, поэтому переносное значение слова *пальма* в словарях русского языка отмечается лишь во второй половине XIX века.

В русском языке XVIII века широко известным было слово *первенство* — «первородство», «преимущество над кем». Первенство в значении «преимущество» употреблялось и в глагольных сочетаниях: *отнять, иметь, приписывать, уступить первенство* и др. Очевидно, слова *пальма* и *первенство* в значении «преимущество» в какой-то степени являлись синонимами.

В начале XIX века слово *пальма* в переносном значении часто употреблялось с существительными *красноречие, ум, остроумие* и др. в родительном падеже без предлога: «Бюффон и Ж. Ж. Руссо пленяют нас сильным и живописным слогом: мы знаем от них самих, чего им стоила пальма красноречия!» (Карамзин. Отчего в России мало авторских талантов?); «Если они [критики] одержат пальму ума и прекрасного побуждения, тогда и мы тиснем статейку на Брамбеуса, от которой, надеюсь, он уже не встанет» (Библиотека для чтения, 1834, т. 3, ч. V); «Завязывался разговор между действующими лицами и партером, причем пальма остроумия и едкости всегда почти оставалась за последним» (Авиленков. Накануне пятидесятих годов).

По-видимому, в начале XIX века в русском языке начинает употребляться и выражение *пальма первенства*. По данным картотеки Словарного сектора, одним из первых использовал его Н. Ф. Рылеев в письме к А. С. Пушкину 12 мая 1825 года: «Пушкин! ты приобрел уже в России пальму первенства: один Державин только еще борется с тобою, но еще два, много три года усилий и ты опередишь его». Если словосочетания *пальма красноречия, пальма остроумия, пальма едкости, пальма ума* и др. так и остались индивидуально-авторскими, то сочетание *пальма первенства*, начиная с 30—40-х годов XIX века, получает широкое распространение.

В ряде статей им пользуется В. Г. Белинский: «Его [Виргилия] выглаженное, обточенное и щегольское риторическое произведение, явившись в антипоэтическое время, в эпоху смерти искусства в древнем мире, долго оспаривало у «Илиады» пальму первенства» (Разделение поэзии на роды и виды); «Сам г. Полевой должен уступить в этом отношении, пальму первенства г. Кукольнику...» (Альф и Альдона); «Кумовство и приходские отношения некогда старался даже доставить пальму первенства Дмитриеву...» (Иван Андреевич Крылов). Выражение *пальма первенства* также знали и использовали П. А. Вяземский, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин и другие русские писатели.

Как же отнесся В. И. Даль к иноязычному слову *пальма* в словосочетанию *пальма первенства*? Известно, что «В. И. Даля,— пишет А. М. Бабкин,— глубоко волновал вопрос об иноязычных заимствованиях в русском литературном языке; в его высказываниях по этому поводу содержится немало и здравых мыслей, хотя в целом его теория явно неубедительна и носит путанный характер. В. И. Даль объявляет войну далеко не всем иноязычным словам, проникшим в русский язык...» (Бабкин А. М. Толковый словарь В. И. Даля.— Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955). Давая в словаре довольно подробное толкование слова *пальма*, Даль не отметил его переносного значения, не ввел в словарь словосочетания *пальма первенства*: «Пальма. ж. семейное название дерев жарких стран, у коих нет лесины (оследи, голомени), как у наших дерев, а образуется рослое корневище, и вовсе нет сучьев, а крупные листья, простые или веерные. / С голландск. по названью *пальма*, т. е. фут, коего складная мера делается из буксового дерева, зовут у нас *пальмой* желтое дерево букс, геван, самшит, букшпан, зеленичье-дерево, *Vixus sempervirens*. *Пальмовый лес. Лачуга, крытая пальмовым листом*».

Трудно поверить в то, что Даль не знал переносного значения слова *пальма* и выражения *пальма первенства*. Скорее всего он намеренно не ввел их в словарь в силу своих пуристических взглядов.

Первым, вероятно, кто поместил фразеологизм *пальма первенства* в словарь, был М. И. Михельсон. В сборнике «Ходячие и меткие слова» (СПб., 1896) он записал: «Пальма первенства (пальмовая ветвь — символ победы, высшей славы)». Начиная с М. И. Михельсона, фразеологический оборот помещается почти во все толковые словари русского языка, словари иностранных слов, фразеологические и переводные словари. Но развернутое определение этому фразеологизму впервые дается лишь в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (т. 3, 1939): «Пальма первенства (книжн.) — первое по значению место в чем-н. в силу какого-п. превосходства, преимущества (от обычая древних греков

давать победителю в состязаниях пальмовую ветвь или венок)». В литературе для массового читателя это выражение объясняется следующим образом: «Пальма первенства. Это почти то же самое, что *лауровый венок*... На олимпийских играх и других народных состязаниях греки не только увенчивали победителей лаврами, но еще и вручали им пальмовые ветви. Недаром сама богиня победы — Нике изображалась с такою ветвью в руках (следует помнить, что под *пальмовой ветвью* обычно подразумевают перистый лист финиковой и других похожих пальм). В переносном смысле *пальма первенства* означает выход на первое место, бесспорное преимущество или приоритет» (Вартаньян. Из жизни слов).

Фразеологический оборот *пальма первенства* имеет свои особенности употребления, о которых говорится в толковых и переводных словарях: он сопровождается стилистическими пометами *книжное* или *высокое*, не имеет грамматической формы множественного числа.

*

Пальма первенства употребляется в польском, болгарском языках, однако в словарях иностранных слов, толковых и этимологических словарях этих языков ничего не говорится о происхождении данного фразеологизма: был он образован в этих языках или был заимствован.

В разных языках в результате так называемого грамматического приема развертывания — замены слова словосочетанием, передающим его значение, — были образованы фразеологизмы со словом *пальма*. В итальянском, польском, немецком и других языках вторым компонентом фразеологического оборота выступает слово *победа*. В русском же предпочтение получило слово *первенство*. Это, по-видимому, объясняется тем, что слово *победа* ассоциировалось прежде всего с военными действиями, а *первенство* — с любым делом, в котором можно добиться преимущества. Несмотря на то, что иноязычное по происхождению слово *пальма* в конце XVIII — начале XIX века в русском языке употреблялось в переносном значении «преимущество, превосходство», новое фразеологическое сочетание *пальма первенства* не было тавтологичным. Оно получило широкое распространение, пополнив словарный состав русского и других языков, обогатив их фразеологию.

В. Н. СЕРГЕЕВ

Рисунок В. Толстоногова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ ПАРТИЗАН

Читатель П. З. Кочегин (Куртомыш) интересуется словом *партизан*.

Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов партизанами называли участников вооруженной борьбы, действующих на территории, занятой врагом. Современные словари русского языка дают следующие значения этого слова:

партизан — «участник вооруженной борьбы, ведущейся против врага отрядами широких народных масс на оккупированной территории, член такого отряда» (17-томный словарь современного русского литературного языка); *партизан* — «участник партизанской войны, боец партизанского отряда» («Словарь русского языка» С. И. Ожегова).

Однако такое значение слова сформировалось сравнительно недавно. Поэтому обратимся к его истории.

Партизан — слово иноязычное, восходит оно к лат. *pars* «часть и т. д.» (род. падеж *partis*). Наиболее вероятным непосредственным источником заимствования слова был польский язык (польск. *partizant*). В русских текстах *партизан* впервые появилось в начале XVIII века, причем было три основных варианта конечной части слова: *партизан*, *партизант* и *партисан* (ср. шв. *partisan* и дат. *partisan*). Форма *партизант* (*partizant*) первоначально преобладала.

В Петровскую эпоху слово употреблялось, главным образом, в двух значениях: 1. «Сообщник, единомышленник, сторонник». «Також и о Гудоновиче подлинныя мне дать известия от кого он агент и кто он такой? ибо чаю, что шведский же *партизан*, коли Яблоновскому друг» (Барон П. П. Шафиров, 1712); 2. «Предводитель партии войск»: «[Драгуны] взяли в полон под самым городом одного швецкого капитана имянуемаго Дидрука, ktorой у них был славной *партизон*» (Из письма Меншикова к Петру I от 14 июля 1713). Во французском языке начала XVIII века *partisan* также имело со-

ответствующие значения. Во втором значении *партизан* имело русские соответствия *наездник, подъезщик (-ник)*. В текстах XVIII века *партизан* чаще встречается в первом значении, второе же значение слова активизировалось после войны 1812 года.

Значение «сторонник, единомышленник» у слова *партизан* в словарях современного русского литературного языка характеризуется как устаревшее. Но для XVIII и XIX веков оно было весьма актуальным в связи с французско-русским двуязычием. Приведем примеры: «Для своих интересов будут прибирать к себе из мелочи больше *партизанов*, и в чьей партии будет больше голосов, тот что захочет, то и станет делать» (Записка А. Волынского); «В спорах „Русского вестника“ с гг. Григорьевым и Крыловым и их *партизанами* не только литературное и ученое превосходство, но и вся правда дела находится на стороне „Русского вестника“» (Чернышевский. Заметки о журналах). В романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» было употреблено выражение *партизаны прекрасных идей*. И. Н. Крамской в своем письме к И. Е. Репину от 16 ноября 1874 года спросил его: «Не становлюсь ли я сектантом и слишком узким *партизаном*?». Сходные употребления находим и в текстах А. В. Луначарского: «Ей [критике] были привычны приемы старой прессы — разносить автора, режиссера, актеров или, наоборот, являться их *партизанами*» (О театре). Приведенные случаи употребления *партизан* свидетельствуют об активной его роли в сфере идейной и культурной жизни русского общества, особенно в XIX веке, поэтому и в наше время следует помнить об этом устаревшем значении слова.

В качестве военного термина *партизан* появляется в русских текстах в первые десятилетия XVIII века. Особенно часто оно употреблялось в реляциях времен Северной войны 1700—1721 годов. «Вишневецкий пошел ис под Обоянина конно... на Кричин, где сказывали быти неприятельским *партезантом*» (Реляция 1704 г.). В течение XVIII века слово *партизан* утверждалось в русском языке в значении «начальник военного отряда, партии, т. е. отряда, отделяемого от основного корпуса войск для выполнения специальной задачи (разведки и т. д.)». Командиром такого отдельного отряда начал свою военную службу А. В. Суворов. Об этом периоде своей жизни он писал: «В моем донкишотстве имел честь уже быть первым партизаном» (письмо А. В. Суворова П. И. Турчанинову, от 10 февраля 1781).

Однако терминологическое употребление слова не получило широкого распространения. В Словарь Академии Российской 1789—1794 годов слово не вошло. В то же время стали появляться употребления слова, отличающиеся несколько большей свободой и отражающие процесс увеличения распространенности термина.

Ср.: «Кавалерию и пехоту еще, кажется, рано туда: пусть бы немножко поправиться. Тут надобно быть хорошим партизанам, а в обоих полках их еще не примечается» (Письмо А. В. Суворова графу И. П. Салтыкову от 14 мая 1773); «Часто так называемые партизаны разезжая по степи, разили и побеждали неприятелей, которых они никогда не видели, и не редко получали за сие награждения» (Письмо Кутузова Трубецкому, март 1791).

В дальнейшем активизация употребления слова связана с Отечественной войной 1812 года. В это время партизаны самостоятельно действуют в глубоком тылу противника. «Чрезмерное удаление партизанов от армии не позволяет им согласовывать свои действия с движениями армии» (Д. Давыдов. Опыт теории партизанских действий). *Партизан* в сочинениях Д. Давыдова — это «начальник партизанского отряда»: «Некоторые партизаны, командуя отдельную часть войск, думают командовать не партией, а армиею и считают себя не партизанами, а полководцами» (Военные записки); «Партизан Сеславин шел на местечко Забреж, которое было им занято с боя» (Дневник партизанских действий). Значение «рядовой партизанского отряда» окончательно сложилось у слова *партизан* к середине XIX века: «Фигнер... оставил своих партизанов в лесу с приказанием — слезть с лошадей и отдыхать» (Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г.). Партизаны из невоенного населения имели разные названия: *мужики, поселяне, крестьяне, войны-поселяне, гверильясы* (исп. *guerillas*) и т. п. «Известия о легких победах над французами *мужиков и партизанов*» (Толстой. Война и мир). Эти обозначения мешали применению слова *партизан* к невоенным участникам партизанского движения, однако после Отечественной войны 1812 года такие употребления были уже возможны: «Крестьяне вели партизанскую войну и мужественно бились» (Тургенев. Россия и русские).

В русском энциклопедическом словаре М. Березина (1873—1879) *партизан* — это «лицо, начальствующее небольшим отрядом легкого войска, сформированного с целью беспокоить и расстраивать неприятеля внезапными нападениями».

В конце XIX — начале XX веков единого осмысления слова *партизан* нет, в его употреблениях наблюдается разнобой.

Во время гражданской войны возникло устойчивое сочетание *красные партизаны*. Ср.: *Партизан* — «участник партизанской войны, член партизанского отряда» (Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова).

Значение слова *партизан* конкретизировалось в каждом отдельном случае употребления, лишь война 1941—1945 годов окончательно закрепила современное значение слова,

В. О. Петрунин

■ ТРИСТА ГРАММ ИЛИ ТРИСТА ГРАММОВ?

В редакцию журнала «Русская речь» приходят письма, в которых читатели спрашивают, почему существительные мужского рода типа *стол, дом* обычно имеют в родительном падеже множественного числа окончание *-ов* (столов, домов), а единицы измерения в разговорной речи употребляются без окончания: *двести грамм, пять килограмм* и правильно ли это?

В «Русской грамматике» сказано: «Ряд существительных мужского рода первого склонения отстает от закономерности «нулевая флексия в именительном падеже единственного числа — ненулевая флексия в родительном падеже множественного числа» и образуют форму родительного падежа множественного числа без окончания. Названия мер и единиц измерения типа *ампер, ватт, вольт, герц, грамм, килограмм, гектар, рентген, эрв* и под. наряду с другими группами существительных составляют это исключение» (М., 1980, с. 499).

Насколько употребительна эта усеченная форма, можно судить по бытовым диалогам. Например, в магазине редко когда услышишь в родительном множественном окончании *-ов*.

И это не случайно. Обратимся к истории. Уже в древнерусском языке смешались два типа склонения: одни существительные (типа *сын, дом, мед, вол*) имели в род. мн. окончание *-ов*, другие (типа *сапог, глаз*) употреблялись без окончания.

К тому времени, когда сложилась грамматическая система письменного литературного языка, окончание *-ов* у существительных мужского рода с твердой основой стало преобладающим. Только несколько слов в литературном языке сохранили архаичную форму: несколько *человек*, много *раз*, пять *солдат* и другие. В академической «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1952) отмечены новые группы исключений, в частности, и форма родительного множественного у отдельных единиц измерения, таких, как *вольт, ампер, ватт...*

В употреблении названий бытовых единиц измерения в современном языке наблюдаются колебания. Форма с нулевым окончанием чаще встречается в устной речи. В письменной же речи окончание *-ов* является нормативным. Сложившееся положение зафиксировано в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1973) и в словаре Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи» (М., 1976).

Тем не менее в художественной речи встречаются формы с нулевым окончанием. Так, у Р. Рождественского: «В дыму ленин-

градское небо. Но горше смертельных ран Тяжелого хлеба, Блокадного хлеба сто двадцать пять грамм» (Хлеб). Или:

Шестнадцать тысяч матерей
Пайки получают на заре —
Сто двадцать пять блокадных грамм
С огнем и кровью пополам.

О. Вертольц. Из Ленинградской поэмы

Так или иначе, но пока можно рекомендовать в родительном падеже множественного числа для устной речи форму с нулевым окончанием, для письменной — окончание *-ов* (граммов, килограммов).

•

Мы ответим также товарищу А. П. Колотову из города Ставрополя, который задает вопрос, почему в метрических системах, напечатанных на обложках ученических тетрадей, в одном случае напечатано: тонна = 1000 килограммам, в другом: тонна = 1000 килограммов. Как писать правильно?

Ответ на этот вопрос находим в «Русской грамматике». Там говорится, что в именительном падеже числительное управляет существительным, которое ставится в родительном падеже: *полтора солдата, десять домов, пять килограммов* и т. д. В формах косвенных падежей — родительного, дательного, творительного и предложного — существительные согласуются с числительным в падеже: на семи *ветрах*, со ста пятьюдесятью девятью *солдатами*, двум *сестрам*.

Ошибка в случае, указанном А. П. Колотовым, состоит в том, что числительное 1000 нередко путают с существительным *тысяча*, чего делать не следует.

Таким образом, правильно метрическая система была приведена на первой обложке:

тонна=1 000 килограммам
центнер=100 килограммам
килограмм=1 000 граммам
грамм=1 000 миллиграммам

Н. Н. Василькова

■ ПОЧЕМУ НЕ НЕ ОТРИЦАЕТ?

Читатель из г. Северодонецка А. Р. Чернявский спрашивает: чем объяснить тот факт, что в народных песнях и других произведениях фольклора частица *не* иногда не выражает отрицания? Например:

Вниз по Волге идучи,
Не в трубу вострубили.
Да никто трубу не слышал;
Только услышала
Марья-душа.

Как известно, для народной поэзии характерны подобные конструкции с *не*.

Не павушка по двору ходит,
Не павлиные перушки ронит;
Тут ходила — гуляла душа красная девица...
Не былинушка в чистом поле зашаталася,
Зашаталася бесприютная моя головушка...

Известным отечественным исследователем народной поэзии А. Н. Веселовским такое явление было названо «психологическим параллелизмом». В науке о фольклоре «психологический параллелизм» считается древнейшей стилистической категорией.

Одно событие в древнем народном сознании оценивалось прежде всего с точки зрения другого или по отношению к другому событию.

В приведенных примерах с «психологическим параллелизмом» частица *не* используется как средство антитезы и одновременно оценки событий с точки зрения необходимой последовательности: необходимое и реальное, как заметит читатель, противопоставлены. Этим достигается двойкий эффект: во-первых, эффект моментального включения слушателя в повествование (слушатель ожидал одного, а наступило другое); во-вторых, эффект связанности «соколопесенной» и песенной, текстовой среды.

Функцию «связывания» в произведениях народной поэзии выполняют и другие языковые средства. Может показаться непонятным, почему песенный текст начинается соединительным союзом и («И за столами за дубовыми Да за скатерками шелковыми...»), противительными союзами *а* или *но* («А у месяца золоты рога...»; «Но я полем, мальчик, шел, голова моя болит...»), почему уже в первом стихе песни можно встретить усилительную частицу *же* («Поехал же королевич на гуляньце...») и т. п. Можно было бы назвать и много других приемов и средств вовлечения слушателя в песенную среду, ситуацию песни, однако такие средства нетрудно обнаружить, просмотрев хотя бы только алфавитный список названий народных песен какого-либо сборника.

Частица *не* в народной поэзии выступает не только в качестве одного из средств отчленения и связывания в единство образных и реальных картин («Не белая заря в окошечко взошла, Ко мне милая сама в гости пришла...»), но используется и как способ

придания динамичности действиям, составляющим какую-либо одну картину (событие). Ср.: «Идет, не стяхнется, на сторонушку не оглянется...». Как показывают такие примеры, и здесь частица *не* выполняет функцию сопоставительно-выделительного средства, представляя контраст ожидаемого, возможного и реального. Она усиливает впечатление от изображаемого и одновременно с этим делает слушателя заинтересованным участником представляемого события.

Н. А. Луценко
Донецк

■ ГРАМПЛАСТИНКА — ПЛАСТИНКА — ДИСК

Несколько лет назад на страницах периодической печати, в радиопередачах, в устной речи появилось слово *диск* в значении «грампластинка». Оно еще не зафиксировано словарями русского языка, но тем не менее уже завоевывает все более и более широкие сферы употребления. Откуда же взялось это слово? Как оно используется в нашей речи? Какова его дальнейшая судьба?

Параллели слову *диск* в значении «грампластинка» можно найти сразу в нескольких европейских языках: английском и французском, испанском и итальянском. Однако непосредственным источником заимствования слова был английский язык. Вначале *диск* проникло в жаргонизированную речь молодежи наряду с другими англоязычными заимствованиями. Именно там в начале 70-х годов оно стало употребляться в значении «грампластинка с записью эстрадной музыки». Постепенно из речи молодежи *диск* перекочевало в общеразговорную речь, а затем стало употребляться и в печати, заменяя собой устаревающие *грампластинка*, *пластинка*. «На сцене в свете прожекторов — несколько ведущих. Они меняют диски с музыкальными записями...» (Воспитание школьников, № 1, 1980); «Вышедший недавно диск-гигант Дольского наконец-то „вернул“ песни их автору» (Московский комсомолец, 1981, 10 января).

Грампластинка является сокращением сочетания *граммофонная пластинка*. Но граммофоны, как и патефоны, ушли в прошлое, и название *грампластинка* для многих, а в особенности для молодого поколения, уже не связывается с обозначением проигрывающего инструмента — граммофона. Может быть, поэтому *грампластинка* теперь редко встречается в устной речи и в печати, все чаще заменяясь словами *пластинка* и *диск*.

Расширяя сферу употребления, переходя в общеразговорный стиль речи, слово *диск* расширило и значение, став точным синонимом, дублетом слова *пластинка* [ср.: «„Фонограф“ располагает

обменными фондами (пластинки, записи)» и «Имеется обменный фонд: слайды, диски, записи...» (Студенческий меридиан, № 1, 1980); «Вышло уже множество дисков, среди них такие уникальные, как „Читает Анна Ахматова“» (Литературная газета, № 14, 1981)]. Принятию общим языком этого слова способствовало существование в литературном языке слова *диск* в значении «предмет в виде плоского круга» (Ожегов. Словарь русского языка), а значение «грампластинка» может рассматриваться как метафорический перенос значения «предмет в виде плоского круга», что также подкрепляется и подобным соотношением этих двух значений в других языках. Но, по-видимому, все же следует считать *диск* «грампластинка» не результатом внутриязыкового развития, а явлением, возникшим вследствие иноязычного заимствования, а затем — заимствования в общий язык из молодежного жаргона.

Функционирование слова *диск* поддерживается также существованием однокоренных слов: *дискотека*, *диск-жокей*, *дискер*, *диск-клуб*, *диск-вечера*. «...к концу 70-х годов на танцевальной встраде вспыхнуло увлечение стилем „диско“» (Советская культура, 1981, 11 сентября).

В настоящее время трудно с уверенностью сказать, какое слово из двух — *пластинка* или *диск* — займет постоянное место в нашем языке. *Пластинка* — свое, привычное, уже укоренившееся в языке; *диск*, хотя и более короткое и удобное, в то же время влечет за собой ряд определенных ассоциаций с иностранными обычаями, иностранной культурой и т. д. Следует отметить, что в значении «пластинка (обычно долгоиграющая)» слово *диск* зафиксировано в 7-м издании «Словаря иностранных слов». Возможно также, что произойдет дифференциация значений или сфер употребления этих слов. Но как бы то ни было, *диск* продолжает употребляться в устной речи, в газетах и журналах, на радио и телевидении и одинаково понятно представителям самых различных слоев населения.

Е. Г. Лукашанец

■ ВИНДСЕРФИНГ И ДЗЮДО

Читатель М. А. Еремин (Ставрополь) просит рассказать в журнале о написании слов *виндсёрфинг* и *дзюдо*.

Появлению новых спортивных терминов в языке 60—70-х годов способствовало возникновение и развитие новых видов спорта. Одним из них является *виндсёрфинг*. Слово *сёрфинг* (*surf* — англ. прибор) — вид водного спорта, заключающийся в скольжении на

высоких прибойных волнах на специально сконструированной доске. Впервые оно было зафиксировано в словаре «Новые слова и значения» (М., 1971) в двух написаниях: *сёрфинг* и *сорфинг*.

Этот вид спорта получил особенное распространение на берегах Гавайских островов и в Калифорнии, там, где океанская волна очень сильна и проходит сотни километров. В 1960 году канадцы Джеймс Дрейк и Фред Пэйн решили соединить доску для сёрфинга с парусом, и появился новый вид спорта, названный *виндсёрфингом* (wind — англ. ветер). В 1973 году в ФРГ состоялся первый европейский чемпионат по виндсёрфингу. В настоящее время этот вид спорта популярен во всем мире и в нашей стране.

Слово *виндсёрфинг* — заимствованное, и в русском языке первоначально оно писалось по-разному, например с прописной буквы и в кавычках: Все яхт-клубы должны способствовать его развитию, будущее за «Виндсерфингом» (Катера и яхты, 1976, № 6).

Зафиксировано и дефисное написание: Возрастает популярность винд-серфинга в Финляндии (Смена, 1978, 12 июля).

Дзюдо также новый вид спорта. Как и другие японские национальные виды единоборств (джиу-джитсу или дзю-дзюцу, каратэ, сумо), дзюдо привлекает любителей спорта своей самобытностью и оригинальностью. Еще в конце XIX века в Токио был организован институт, где дзюдо изучали как науку.

В нашей стране этот вид спорта распространился в 60-е годы. В 1956 году была организована Международная федерация дзюдо, а с 1964 года дзюдо включено в программу Олимпийских игр. Слово *дзюдо* (япон. *дзю* — мягкость, *до* — путь) в периодической печати, в спортивной литературе можно встретить в различных написаниях: Среди тех, кого увидят любители *дзю-до*, есть уже немало титулованных спортсменов (Спортивная неделя Ленинграда, 1980, 21 ноября); Пять раз советские атлеты участвовали в мировых первенствах по *дзюдо*, но высшие награды ускользали от них (Спорт в СССР, 1976, № 2); Не сомневаюсь, что многие из нас считают это название одного из видов спортивной борьбы таким же заимствованным, как, например, *дзюдо* (Шанский Н. М. Слова, рожденные Октябрем).

В словарях и справочниках это слово зафиксировано с различной орфографией:

словарь «Новые слова и значения» (М., 1971) — *дзюдо* и *дзю-до*; Большая Советская Энциклопедия (т. 8) — *дзю-до*; Орфографический словарь русского языка (14-е изд.) — *дзю-до*,

Подобное изменение написания нового заимствованного слова имеет свои закономерности. Малоизвестное и не освоенное языком слово пишется в кавычках, с прописной буквы. Затем по мере освоения заимствованного слова изменяется и отношение к нему, что находит отражение и в упрощенной орфографии: исчезают кавычки, прописная буква заменяется строчной, дефисное написание часто заменяется слитным. Этот естественный путь вхождения терминов в язык коснулся и слов *виндсёрфинг* и *дзюдо*.

Г. Г. Тимофеева

■ ЛОВИСЬ, РЫБКА...

Читатель М. И. Егоров (Брянск) в своем письме в редакцию рассказал о том, что, находясь в Сибири, услышал от местных жителей слово *морда* в необычном употреблении. Так там называется рыболовная снасть. Он просит рассказать о значениях этого слова.

В сибирских говорах, как и в других, встречается ряд слов, употребляющихся и в современном литературном языке, по имеющим иное значение. Одним из таких слов является *мбрда*.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова приводит его литературное значение: «передняя часть головы животного». «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и 4-томный «Словарь русского языка» АН СССР указывают и другое значение, известное говорам: «*Мбрда...* (обл.) Верша, плетенка из ивовых прутьев для ловли рыбы»; «*Мбрда* (обл.) То же, что верша».

Это диалектное значение зафиксировано несколькими областными словарями. Его мы находим в «Опыте областного великорусского словаря» (СПб., 1852), в словарях: А. Подвысоцкого (СПб., 1885; архангельское наречие), Г. Куликовского (СПб., 1898; олонечное наречие), В. Г. Богораза (СПб., 1901; колымское русское наречие), Н. М. Васнецова (Вятка, 1907; вятский говор), В. И. Даля и других. В материалах картотеки «Словаря русских народных говоров» АН СССР на это слово имеется свыше ста карточек.

По-видимому, такое широкое территориальное (север, Сибирь, Дальний Восток...) бытование слова *морда* (верша) явилось причиной того, что 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР поместил его без пометы «областное». Вероятно, это сделано несколько преждевременно. Подтверждением служит то, что еще многие люди не знают областного значения указанного слова.

Диалектное значение данного слова отмечено в исторических документах по сибирской диалектологии. Так, например, А. Моло-

тилов, описавший говор русского старожилото населения северной Барабы (Томская губерния), подает его с двумя ударениями: *Мор-да́* (иногда *мбрда*) — рыболовная снасть из ивовых прутьев. *Мор-дѣнка* (Материалы для сибирской диалектологии, Труды Томского Общества изучения Сибири, т. II, Томск, 1913). Вариантное ударение *мбрда* — *морда́* указывает и «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби», изданный Томским университетом (1964—1967). На возможность постановки ударения на втором слоге обратил внимание в свое время П. Я. Черных: «...следует отметить некоторые случаи постановки ударения: ...*дочкѣ, мор-да́*...» (Сибирские говоры. Иркутск, 1953).

Отдельные словари, например, А. Подвысоцкого, Г. Куликовского, весьма детально описывают предмет, используемый для ловли рыбы (как, из чего делается и пр.). Эти сведения очень существенны: они способствуют образному представлению о самой реалии. Приведем несколько сокращенную словарную статью из «Словаря областного архангельского наречия...» А. Подвысоцкого: «Мбрда — рыболовный снаряд., вязанный из толстых ниток... В запечорск. крае Мез. у. морда... делается из плетеного ивняка, длиною около полутора аршина и с боковыми крыльями; узкий вход в нее обставлен торчащими внутрь спицами, так что рыбе войти легко, а выйти невозможно. Такими же мордами ловят рыбу и в лесных озерах Архангельского уезда, где, по множеству кокорья, ни неводы, ни бродни не могут быть употребляемы». Г. Куликовский, кроме того, указывает время ловли: «Лов производится весною и зимою...»

Старожилы Сибири, очевидно, правильно считают: морда, сплетенная из ивовых прутьев,— самое древнее орудие ловли рыбы человеком (учитывая простейший способ изготовления и доступный материал — прутья): «В старину зачинали ловить мордами. Это, наверно, первая ловушка — морда́ была у человека. Из прута» (запись разговорной речи.— «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби»).

В последнее время *морды* плетутся не только из прутьев, но и из проволоки. Объясняется это чисто практическими целями: «Мбрды — высокие корзины. Плетутся из прутьев или проволоки. Из проволоки удобней и прочней. В нее рыба лучше идет» (запись разговорной речи в селе Шушенском.— «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края». Красноярск, 1968).

Слово *морда* (верша) богато представлено в языке художественных произведений писателей, изображающих жизнь сибиряков. Оно свойственно как языку авторов, так и персонажей: «Частая, плетенная из таловых прутьев морда вынырнула из воды, медленно кружась на месте. Никула поднял морду, встряхнул»; «Морда

у меня поставлена» (Седых. Даурия); «В десяти шагах от нее — навес из соснового дранья, под ним... рыболовные снасти: морды, садки...»; «Он сплел из гибкого ивняка морду...» (Марков. Строговы); «...надо осмотреть поставленные в Джуглым морды — наверное, попало десятка два хариусов...» (Сартаков. Хребты Саянские); «Дядя Евдоким с Демидом загородили заездок и в этот день будут поднимать из прорубей — высматривать морды (Пояснение в сноске: Морда — рыболовная снасть)»; «В ногах у него плетенная из тальника мордушка, доверху наполненная рыбой» (Балябин. Забайкальцы); «...он ...давай ладить из тальниковых прутьев морду» [ударение проставлено в тексте]; «Иван Финогеныч... плел морды»; «— Вот бы займку где поставить. Рыбу ловить почну мордами» (Чернев. Семейщина); «Егор и Улугу поднимали плетенные морды, поставленные между кочками, ссылая рыбу в лодку»; «В свободное время вместе плели „мордушки“ — корзины с узким горлом для лова рыбы» (Задорнов. Амур-батюшка) и др.

Как видим, одни авторы дают пояснение в тексте, другие — в сноске, третьи — проставляют ударение, что свидетельствует об опасении писателей быть не до конца понятыми.

Особый интерес представляет то, что слово это не прошло мимо внимания В. И. Ленина. Так, в письме к матери Марии Александровне и брату Дмитрию Ильичу от 28 ноября 1898 года, poslanном из села Шушенского, Владимир Ильич сообщает: «На куропатой нужна (осенью) хорошая собака, — моя же Дженни либо молода еще, либо плоха. Зимой куропаток больше ловят в «морды», вентера и петли» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 55, с. 114). Нелитературный характер данного слова, надо полагать, был настолько очевиден, что Владимир Ильич заключил его в кавычки. Как показывают сведения из письма В. И. Ленина, морды могли служить орудием ловли и диких птиц, не только рыбы.

В путевом дневнике А. Н. Радищева (велся им по дороге в ссылку в Илимск) читаем: «По Лене сеют конопля и вяжут невода. Зимой рыбы добывают мережами и мордами, а зверей больше плашками» (Радищев. Записки путешествия в Сибирь). Замечание «больше плашками» позволяет предполагать, что иногда зверей ловили мережами и мордами.

Таким образом, приходим к выводу: морда (верша) находила широкое применение в быту сибиряков: ею ловили не только рыбу, но и птиц, и даже зверей. В настоящее время, как свидетельствуют словари, ее используют только для ловли рыбы.

А. Ф. Василенко

■

Уважаемый товарищ! Систематическое изучение читательской аудитории — неперенное условие улучшения работы редакции, авторского актива журнала. Кто именно и каким образом знакомится с «Русской речью», каковы запросы, вкусы и потребности читателей? Информация обо всем этом представляет для нас большую ценность, она позволит разработать меры, направленные на повышение эффективности журнальных публикаций, четче определить цели и задачи журнала, внести коррективы в планы работы редакции. Вот почему мы обращаемся к Вам с просьбой ответить на ряд вопросов. Вы можете использовать предлагаемые варианты ответов (обвести шифры) и, если сочтете возможным, подробно изложить свое мнение. Заполненную анкету просим выслать по адресу: 121019 Москва Г-19, Волхонка, 18/2, «Русская речь».

Анкета, которая публикуется ниже, составлена при научно-методическом содействии журнала «Социологические исследования»:

■

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией Т. С. Колмакова
Художественный редактор Т. А. Михайлова
Корректоры Е. И. Евдокимова, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 12.02.82 Подписано к печати 08.04.82 Т-03278
Формат бумаги 84×108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4
Усл. кр.-отт. 430,9 тыс. Уч.-изд. л. 9,8 Бум. л. 2,5 Тираж 50050 Заказ 1322

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

АНКЕТА ЧИТАТЕЛЯ

Как Вы получили этот номер журнала?

001 По подписке

002 В киоске «Союзпечати»

003 В магазине или киоске «Академкниги»

004 В массовой библиотеке

005 В научной библиотеке

006 В школьной библиотеке

007 Взял(а) у знакомого

008

Были ли у Вас затруднения с подпиской на «Русскую речь»?

009 Нет

010 Да

Если были, то какие?

.....

Являетесь ли Вы постоянным читателем журнала и с какого года?

011 Да, с года

012 Читаю журнал от случая к случаю

013

Вероятно, Вы прочитали этот номер журнала. Какие материалы Вы могли бы выделить как особо удачные, важные и интересные? (Достаточно указать только фамилию автора)

.....

.....

.....

014 015 016 017 018 019 020

Какие материалы трех последних номеров, на Ваш взгляд,
можно было бы не публиковать?

021 022 023 024 025

Какие рубрики журнала особенно важны для Вас?

026 027 028 029 030

В каком объеме Вы ознакомились с номером?

031 Прочитал(а) все материалы

032 Просмотрел(а) весь номер, но читал(а) только некоторые
статьи

033 Читал(а) только определенные материалы

Какие?

Посылали ли Вы в журнал свои материалы (письма) для
опубликования?

034 Нет

035 Да, материал был опубликован (номер, год

036 Материал (письмо) послан, но пока не опубликован

037 В публикации отказано

038 Редакция не ответила

Комментарий

Какие журналы, кроме «Русской речи», Вы читаете регулярно?

.....
.....

039 040 041 042 043 044 045 046

В каком направлении изменилось содержание журнала за последние годы?

047 В основном улучшилось

048 Осталось на том же уровне (достаточно высоком)

049 Осталось на том же уровне (недостаточно высоком)

050 Ухудшилось

Комментарий

.....
.....

Намерены ли Вы выписать «Русскую речь» в будущем, 1983 году?

051 Нет

052 Да

053 Еще не решил(а)

.....
.....

Что, на Ваш взгляд, нужно сделать для улучшения работы журнала?

.....
.....

054 055 056 057 058

Сообщите, пожалуйста, дополнительные сведения о себе,

Где Вы живете? (город, область)

059 060 061 062 063

064 065 066 067 068

Кем работаете?

069 070 071 072 073

Где работаете? (завод, колхоз, школа, вуз и т. д.)

074 075 076 077 078

Где учитесь? (общеобразовательная школа, ПТУ, техникум,
вуз, аспирантура)

078 079 080 081 082

Специальность по образованию

083 084 085 086 087

Пол: 088 мужской

089 женский

Возраст: лет

Если сочтете возможным, укажите Вашу фамилию, имя, от-
чество и полный почтовый адрес

.....

Благодарим Вас за сотрудничество!